Большая редкость!

Р. Церковь Духовная

Н. С. ЛѢСКОВЪ.

МЕЛОЧИ
АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(Картинки съ натуры).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.
1879.

Типографія Б. Г. Янпольскаго, Демидовъ пер., домъ № 5.

«Нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы не находились превосходные мужи во всякомъ родѣ, но, къ сожалѣнію, каждый человѣкъ собственному своему взору величайшей важности кажется предметомъ».

(Народная гордость. Москва, 1788 г.).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Съ легкой руки смоленскихъ корреспондентовъ, — въ теченіи 1878 года русскою печатью сообщено очень много интересныхъ и характерныхъ анекдотовъ о нѣкоторыхъ изъ нашихъ архіереевъ. Значительная доля этихъ разсказовъ такъ невѣроятна, что человѣкъ, незнакомый съ епархіальною практикою, легко могъ принять ихъ за вымыселъ; но для людей, знакомыхъ съ клировою жизнью, они имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это не чьи-либо праздныя или злонамѣренныя измышленія, а настоящая, живая правда, списанная съ натуры, и, притомъ, отнюдь не съ злою цѣлью.

Свѣдущимъ людямъ извѣстно, что среди нашихъ „владыкъ“ никогда не оскудѣвала непосредственность, отъ которой порою весьма не легко доставалось клиру и даже цѣлой епархіи,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и съ этой точки зрѣнія разсказы ничего не открыли новаго, но досадно, что они остановились, показавъ, какъ будто умышленно, только одну сторону этихъ интересныхъ нравовъ, выработавшихся подъ особенными условіями оригинальной исключительности положенія русскаго архіерея, и скрыли многія другія стороны архіерейской жизни.

Невозможно согласиться, будто всѣ странности, которыя разсказываются объ архіереяхъ, напущены ими на себя произвольно, и я хочу попробовать сказать кое-что въ *защиту* нашихъ владыкъ, которые не желаютъ защищать себя сами и не находятъ себѣ иныхъ защитниковъ, кромѣ тѣхъ благочестивыхъ смиренниковъ, которые всякую рѣчь о епископахъ считаютъ великимъ грѣхомъ и оскорбленіемъ вѣры.

Благоговѣйная почтительность людей этого послѣдняго сорта можетъ приносить имъ большое удовольствіе, но она не помогаетъ дѣлу, которое сведено къ очень странному положенію. Общество, весьма недружелюбно относящееся къ епархіальнымъ начальникамъ, не знаетъ, что оно само, если не всецѣло, то въ весьма значительной мѣрѣ, поддерживаетъ то самое положеніе вещей, которое впослѣдствіи создаетъ причины къ его неудовольствіямъ.

Правъ-ли я или не правъ, но я имѣю основаніе думать, что извѣстное выраженіе Ларошфуко: „всякое правленіе впору своему народу“, — одинаково можетъ быть прилагаемо къ различнымъ видамъ управленія и, между прочимъ, даже къ нашему „архіерейско-владычнему“.

Изъ моего житейскаго опыта я имѣлъ возможность не разъ убѣждаться, что наши владыки и даже самые непосредственнѣйшіе изъ нихъ, по своимъ оригинальностямъ, отнюдь не такъ нечувствительны и недоступны воздѣйствіямъ общества, какъ это представляютъ корреспонденты. Объ этомъ я и хочу разсказать кое-что, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы отнять у нѣкоторыхъ обличеній ихъ очевидную односторонность, сваливающую непосредственно все дѣло на однихъ владыкъ и не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ положеніе и на отношеніе

къ нимъ самого общества. По моему мнѣнію, наше общество должно понести на себѣ самомъ хоть долю укоризнъ, адресуемыхъ архіереямъ, для которыхъ настала пора похлопотать о своего рода эмансипаціи.

Какъ бы это кому ни показалось парадоксально, я, однако, прошу вниманія къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведу въ доказательство моихъ положеній.

I.

Первый русскій архіерей, котораго я зналъ, былъ орловскій — Никодимъ, который, ни за-что, ни про-что, сдалъ въ рекруты сына бѣдной сестры моего отца, за что мой отецъ, человѣкъ рѣшительнаго и смѣлаго характера, отплатилъ ему сурово... Въ домѣ у насъ не любили чернаго духовенства вообще, а архіереевъ въ особенности. Я ихъ просто боялся, вѣроятно потому, что долго помнилъ страшный гнѣвъ отца на Никодима и пугавшее меня завѣреніе моей няньки, будто „архіереи Христа предали“.

Первый архіерей, котораго я узналъ лично, былъ Смарагдъ Крижановскій, во время его управленія орловскою епархіею.

Это воспоминаніе относится къ самымъ раннимъ годамъ моего отрочества, когда я, обучаясь еще въ орловской гимназіи, постоянно слышалъ разсказы о дѣяніяхъ этого владыки и его секретаря, „ужаснаго Бруевича“.

Свѣдѣнія мои объ этихъ лицахъ были довольно разностороннія, потому что, по нѣсколько исключительному моему семейному положенію, я въ то время вращался въ двухъ противоположныхъ кругахъ орловскаго общества. По отцу моему, происходившему изъ духовнаго званія, я бывалъ у нѣкоторыхъ орловскихъ духовныхъ и хажи-

валъ иногда по праздникамъ въ монастырскую слободку, гдѣ проживали ставленники и томившіеся въ чаяніи „владычнаго суда“ подначальные. У родственниковъ-же съ материной стороны, принадлежавшихъ къ тогдашнему губернскому „свѣту“, я видалъ губернатора, князя Петра Ивановича Трубецкаго, который терпѣть не могъ Смарагда и находилъ неутолимое удовольствіе вездѣ его ругать. Князь Трубецкой постоянно называлъ Смарагда не иначе, какъ „козломъ“, а Смарагдъ, въ отместку, величалъ князя „пѣтухомъ“.

Впослѣдствіи я много разъ замѣчалъ, что очень многіе генералы любятъ называть архіереевъ „козлами“, а архіереи тоже, въ свою очередь, зовутъ генераловъ „пѣтухами“.

Вѣроятно, это почему-нибудь такъ слѣдуетъ.

Губернаторъ князь Трубецкой и епископъ Смарагдъ не взлюбили другъ друга съ первой встрѣчи и считали долгомъ враждовать между собою во все время своего совмѣстнаго служенія въ Орлѣ, гдѣ, по этому случаю, на счетъ ихъ ссоръ и пререканій ходило много разсказовъ, по большей части, однако-же, или совсѣмъ невѣрныхъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенныхъ. Таковъ, напр., повсемѣстно съ несомнѣнною достовѣрностію разсказываемый анекдотъ о томъ, какъ епископъ Смарагдъ, будто-бы, ходилъ съ хоругвями, подъ звонъ колоколовъ, на съѣзжую, посѣщать священника, взятаго, по распоряженію князя Трубецкаго, въ часть ночнымъ обходомъ, въ то время, какъ этотъ священникъ шелъ съ дароносицею къ больному.

На самомъ дѣлѣ, такого происшествія въ Орлѣ вовсе

не было. Многіе говорятъ, что оно было, будто-бы, въ Саратовѣ или въ Рязани, гдѣ тоже епископствовалъ и тоже ссорился преосвященный Смарагдъ, но не мудрено, что и тамъ этого не было. Несомнѣнно одно, что Смарагдъ терпѣть не могъ князя Петра Ивановича Трубецкаго и еще болѣе его супругу, княгиню Трубецкую, рожденную Витгенштейнъ, которую онъ, кажется не безъ основанія, звалъ „буесловною нѣмкою“. Этой энергической дамѣ Смарагдъ оказывалъ замѣчательныя грубости и, въ томъ числѣ, разъ при мнѣ, сдѣлалъ ей въ церкви такое рѣзкое и оскорбительное замѣчаніе, что это всѣхъ ужаснуло. Но княгиня отвѣтить Смарагду не нашлась или не посмѣла.

Епископъ Смарагдъ былъ человѣкъ раздражительный и рѣзкій, и если ходящіе о его распряхъ съ губернаторами анекдоты не всегда фактически вѣрны, то всѣ они въ самомъ сочиненіи своемъ вѣрно изображаютъ характеръ ссорившихся сановниковъ и общественное о нихъ представленіе. Князь Петръ Ивановичъ Трубецкой во всѣхъ этихъ анекдотахъ представляется человѣкомъ заносчивымъ, мелочнымъ и безтактнымъ. О немъ говорили, что онъ „пѣтушится“, — топорщитъ перья и брыкаетъ шпорою во что попало, а покойный Смарагдъ „козляковалъ“. Онъ дѣйствовалъ съ разсчетомъ: онъ, бывало, нѣкое время посматриваетъ на пѣтушка и даже бородой не тряхнетъ, но чуть тотъ не поостережется и выступитъ за ограду, онъ его въ ту же минуту боднетъ и назадъ на его насѣсть перекинетъ.

Въ кружкахъ орловскаго общества, которое не любило ни князя Трубецкаго, ни еп. Смарагда,—послѣдній все-таки пользовался хотя нѣкоторымъ вниманіемъ. Въ

немъ цѣнили покрайней мѣрѣ его умъ и его „неуемность“. О немъ говорили:

— „Сорванецъ и молодецъ,—ни Бога не боится, ни людей не стыдится“. Такіе люди въ русскомъ обществѣ пріобрѣтаютъ авторитетъ, законности котораго я и не намѣренъ оспаривать, но я имѣю основаніе думать, что покойный орловскій дерзкій епископъ едва-ли на самомъ дѣлѣ „ни Бога не боялся, ни людей не стыдился“.

Конечно, если смотрѣть на этого владыку съ общей точки зрѣнія, то, пожалуй, за нимъ, какъ будто, можно признать такой авторитетъ; но если заглянуть на него со стороны нѣкоторыхъ мелочей, весьма часто ускользающихъ отъ общаго вниманія, то выйдетъ, что и онъ не совсѣмъ былъ чуждъ способности стыдиться людей, а, можетъ быть, даже и бояться Бога.

Вотъ тому примѣры, которые, вѣроятно, однимъ вовсе неизвѣстны, а другими, можетъ быть, до сихъ поръ позабыты.

Теперь я сначала представлю читателямъ оригинальнаго человѣка изъ орловскихъ старожиловъ, котораго чрезвычайно боялся „неуемный Смарагдъ“.

Въ то самое время, когда жили и враждовали въ Орлѣ кн. П. И. Трубецкой и преосвящ. Смарагдъ, тамъ же, въ этомъ „многострадальномъ Орлѣ“, въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ на Полѣшской площади, проживалъ не очень давно скончавшійся отставной маіоръ Александръ Христіановичъ Шульцъ. Его всѣ въ Орлѣ знали и всѣ звали его съ титуломъ: „маіоръ Шульцъ“, хотя онъ никогда не носилъ военнаго платья и самое его маіорство нѣкоторымъ казалось немножко „апокрифическимъ“. От-

куда онъ и кто такой,—едва ли кто-нибудь зналъ съ полною достовѣрностію. Шутливые люди рѣшались даже утверждать, что „маіоръ Шульцъ“ есть вѣчный жидъ Агасѳеръ или другое, столь же таинственное, но многозначущее лицо.

Александръ Христіановичъ Шульцъ съ тѣхъ поръ, какъ я его помню,—а я помню его съ моего дѣтства,—былъ старикъ, сухой, немножко сгорбленный, довольно высокаго роста, крѣпкой комплекціи, съ сильною просѣдью въ волосахъ, съ густыми, очень пріятными усами, закрывавшими его совершенно беззубый ротъ, и съ блестящими, искрившимися сѣрыми глазами въ правильныхъ вѣкахъ, опушенныхъ длинными и густыми темными рѣсницами. Люди, видѣвшіе его незадолго до его смерти, говорятъ, что онъ такимъ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ очень умный и еще болѣе — очень пріятный, всегда веселый, всегда свободный, искусный разсказчикъ и досужій шутникъ, умѣвшій иногда ловко запутать путаницу и еще ловчѣе ее распутать. По душѣ и по сердцу онъ былъ человѣкъ добрый и дѣлалъ не мало добра. Оффиціальное положеніе Шульца въ Орлѣ выражалось тѣмъ, что онъ былъ безсмѣннымъ старшиною дворянскаго клуба. Никакого другого мѣста онъ не занималъ и жилъ неизвѣстно чѣмъ, но жилъ очень хорошо. Небольшая квартира его всегда была меблирована со вкусомъ, на холостую ногу; у него всегда кто-нибудь гостилъ изъ пріѣзжихъ дворянъ; закуска въ его домѣ подавалась всегда обильная какъ при немъ, такъ и безъ него. Домомъ у него завѣдывалъ очень умный и вѣжливый человѣкъ Василій, питавшій къ своему господину самую вѣрную преданность. Женщинъ въ домѣ не было, хотя покойный Шульцъ былъ большой любитель женскаго пола

и, по выраженію Василія, „страшно слѣдилъ по этому предмету“.

Жилъ онъ, какъ одни думали, картами, т. е. велъ постоянную картежную игру въ клубѣ и у себя дома; по другимъ же, онъ жилъ, благодаря нѣжной заботливости своихъ богатыхъ друзей К—скихъ. Послѣднему вѣрить гораздо легче, тѣмъ болѣе, что Александръ Христіановичъ умѣлъ заставить любить себя очень искренно. Шульцъ былъ человѣкъ очень сострадательный и не забывалъ заповѣди „стяжать себѣ друзей отъ мамоны неправды“. Такъ, въ то время, когда въ Орлѣ еще не существовало благотворительныхъ обществъ, Шульцъ едва ли былъ не единственнымъ благотворителемъ, который подавалъ больше гроша, какъ это дѣлало и вѣроятно доселѣ дѣлаетъ орловское православное христіанство. Маіора хорошо знали безпомощные бѣдняки Пушкарской и Стрѣлецкой слободъ, куда онъ часто отправлялся въ своемъ куцомъ коричневомъ сюртучкѣ съ запасомъ „штрафныхъ“ денегъ, собиравшихся у него отъ позднихъ клубныхъ гостей, и здѣсь раздавалъ ихъ бѣднымъ, иногда довольно щедрою рукою. Случалось, что онъ даже покупалъ и дарилъ рабочихъ лошадей и коровъ и охотно хлопоталъ объ опредѣленіи въ училище дворянскихъ сиротъ, что ему почти всегда удавалось, благодаря его обширнымъ и короткимъ связямъ.

Но, помимо этой пользы обществу, Шульцъ приносилъ ему еще и другую можетъ быть не менѣе важную услугу: онъ олицетворялъ въ своей особѣ мѣстную гласность и сатиру, которая, благодаря его неутомимому и острому языку, была у него безпощадна и обуздывала много пошлостей дикаго самодурства тогдашняго „добраго времени“. Тонкій и язвительный юморъ Шульца преслѣдовалъ, по преимуществу, мѣстныхъ свѣтилъ, но преслѣ-

дованіе это велось у него съ такимъ тактомъ и наивностью, что никто и думать не смѣлъ ему мстить. Напротивъ, многіе изъ преслѣдуемыхъ бичомъ его сатиры нерѣдко сами помирали со смѣху отъ насмѣшекъ маіора, а боялись его *всѣ*; по крайней мѣрѣ, всѣ, имѣвшіе въ городѣ вѣсъ и значеніе и потому, конечно, желавшіе не быть осмѣянными, лебезили передъ непмѣвшимъ никакого оффиціальнаго значенія клубнымъ маіоромъ.

Шульцъ, конечно, это зналъ и мастерски пользовался почтительнымъ страхомъ наведеннымъ имъ на людей, нежелавшихъ почитать ничего болѣе достойнаго почтенія.

Шульцу было извѣстно все, что происходило въ городѣ. Самъ онъ, по преимуществу и даже исключительно, держался компаніи въ „высшемъ кругѣ“, гдѣ его и особенно боялись, но онъ не затворялъ своихъ дверей ни передъ кѣмъ, и оттого всѣ сколько-нибудь интересныя или скандальныя вѣсти стекались къ нему всяческими путями. Шульцъ былъ принятъ и у кн. Трубецкаго, и у архіерея Смарагда, распрями которыхъ онъ тѣшился и рачительно ими занимался, то собирая, то сочиняя и распуская объ этихъ лицахъ повсюду самыя смѣшныя и въ то же время способныя усиливать ихъ ссору вѣсти. Мало по малу, Шульцъ до такой степени увлекся этой травлею, что предался ей съ исключительнымъ жаромъ и, можно сказать, нѣкоторое время, просто, какъ бы ею только и жилъ. Онъ всѣми мѣрами старался разогрѣть и раздуть страсти этихъ борцовъ до того непримиримаго пламени, въ которомъ они съ неукротимою энергіею старались испепелить другъ друга.

Почти всякій день Шульцъ приходилъ къ дядѣ моему, дворянскому предводителю (потомъ совѣстн. судьѣ и предсѣдателю палатъ) Л. И. Константинову и помп-

ралъ со смѣху, разсказывая, что̀ ему удалось настроить, чтобы архіерей съ губернаторомъ лютѣе обозлились другъ на друга, или же предавался серьезной скорби, что они „устаютъ дѣйствовать“, въ послѣднемъ случаѣ онъ не успокоивался, пока не приходилъ къ счастливымъ соображеніямъ, чѣмъ ихъ подзадоритъ и стравить наново. И онъ отмѣнно достигалъ этихъ цѣлей, о которыхъ мы въ домѣ дяди всегда больше или меньше знали и изъ коихъ объ иныхъ стоитъ, кажется, разсказать для характеристики лицъ и того *солиднаго* времени, которое такъ часто противупоставляется нынѣшнему времени,—легкомысленному и не солидному.

Смарагдъ, по прибытіи въ Орелъ, очень скоро узналъ о Шульцѣ и оцѣнилъ его значеніе. Онъ, разумѣется, не только не пренебрегъ маіоромъ, но отнесся къ нему съ самою лестною внимательностью. Долго онъ все зазывалъ Шульца къ себѣ черезъ К—скихъ и заигрывалъ съ нимъ черезъ другихъ, поручая попенять ему, что онъ не хочетъ „навѣстить бѣднаго монаха“. Шульцъ не шелъ, но какъ бы благоволилъ къ архіерею и похваливалъ его на счетъ губернатора. Наконецъ, они встрѣтились съ Смарагдомъ, кажется, на обѣдѣ въ с. Шаховѣ, и маіоръ здѣсь совсѣмъ очаровалъ скучавшаго епископа своими ѣдкими сарказмами надъ Трубецкимъ и докторомъ Л—цемъ, а также и надъ другими видными орловскими гражданами. Знавшій толкъ въ людяхъ, Смарагдъ тутъ же постарался подмѣтить слабость самого маіора: онъ замѣтилъ, что Шульцъ любилъ хорошо покушать и, притомъ, былъ тонкій цѣнитель „добраго винца“, въ чемъ довольно свѣдущъ оказывался и покойный епископъ. И онъ

пригласилъ Зопла къ себѣ въ городъ запросто и угостилъ его, что называется, „по знатоцки».

Съ тѣхъ поръ они стали знакомы и, какъ люди очень умные, не много чинясь другъ съ другомъ, скоро сблизились. Но Смарагду, конечно, не удалось закормить Шульца до того, чтобы онъ совсѣмъ положилъ печать молчанія на свои уста, и хотя многимъ казалось, будто маіоръ какъ бы щадилъ архіерея и, даже, нападалъ за него на князя, но весьма вѣроятно, что это происходило оттого, что Смарагдъ безъ сравненія превосходилъ губернатора въ умѣ, а Шульцъ былъ любитель ума, въ комъ бы ни встрѣчалъ его. Однако, послабленіе епископу длилось не долго: разъ, когда Шульцу стали замѣчать, что онъ щадитъ архіерея, онъ отвѣтилъ:

— Не могу же я, господа, не дѣлать разницы между Трубецкимъ, у котораго мнѣ подаютъ блюдо его лакеи, и архіереемъ, который всегда самъ меня подчуетъ.

Это было передано Смарагду и послужило началомъ владычнаго неудовольствія, которое вскорѣ затѣмъ усилилось еще однимъ обстоятельствомъ, послѣ котораго между владыкою и Шульцемъ произошелъ разрывъ. Причиною тому былъ пріѣздъ въ Орелъ какого-то важнаго чиновника центральнаго духовнаго учрежденія. Можетъ быть, это былъ какой-нибудь директоръ канцеляріи, а можетъ быть, что-нибудь даже еще болѣе достопримѣчательное. Смарагдъ чествовалъ заѣзжаго гостя въ своемъ архіерейскомъ домѣ вечернею трапезою, а Шульцъ былъ въ числѣ возлежавшихъ, и, по обыкновенію, одинъ оживлялъ пиръ своимъ веселымъ и злымъ остроуміемъ.

Благодаря ему, зашла бесѣда за ночь и „недоставшу вину“ владыка воспліескалъ руками, что у него было призывнымъ знакомъ для слугъ; но слуги, не чая позд-

няго дополненія къ столу, отлучились. Тогда архіерей живо всталъ и, чтобы не распустить компанію, подобравъ свою бархатную рясу, побѣжалъ съ такою рѣзвостію, что, чрезвычайно удивленный этою прыткостію епископа, Шульцъ на другой же день началъ разсказывать, какъ рѣзво умѣютъ наши владыки бѣгать передъ чиновниками.

Смарагду это совсѣмъ не понравилось. Онъ нашелъ, что Шульцъ „не хорошъ въ компаніи“, но, однако, его высокопреосвященство никакъ не могъ освободиться отъ довольно тяжкаго нравственнаго вліянія маіора: Шульцъ ни за что не хотѣлъ спускать съ глазъ архіерейскую распрю съ губернаторомъ и умыслилъ весьма хитрую штуку, чтобы обнародовать положеніе ихъ фондовъ во всеобщее свѣдѣніе.

Это имѣетъ особенный интересъ, потому что тутъ мы можемъ получить довольно ясное указаніе: какъ несправедливы нѣкоторыя нареканія на архіереевъ, будто бы ни мало не дорожащихъ общественнымъ мнѣніемъ.

Нижеслѣдующій случай покажетъ, что даже и Смарагдъ былъ чутокъ къ совѣту Сираха „пещись объ имени своемъ“, которое, по словамъ Ѳеокрита, „каждый себѣ въ сладостный даръ получаетъ“. (Это важно для всякаго инока, который получитъ себѣ имя Смарагда).

На свѣтломъ окнѣ сѣраго домика на Полѣшской площади „сожженнаго“ города Орла, въ одинъ прекрасный день, совершенно для всѣхъ неожиданно, появилось два чучела: одно было красный пѣтухъ въ игрушечной каскѣ, съ золочеными игрушечными-же шпорами и бакенбардами, а другое—маленькій, опять-таки игрушечный-же козелъ, съ бородою, покрытый чернымъ лоскуткомъ, свер-

нутымъ въ видѣ монашескаго клобука. Козелъ и пѣтухъ стояли другъ противъ друга въ боевой позиціи, которая отъ времени до времени измѣнялась. Въ этомъ и заключалась вся штука. Смотря потому, какъ стояли дѣла князя съ архіереемъ, то есть: кто кого изъ нихъ одолѣвалъ (о чемъ Шульцъ всегда имѣлъ подробныя свѣдѣнія), такъ и устраивалась группа. То пѣтухъ клевалъ и билъ взмахами крыла козла, который, понуря голову, придерживалъ лапою сдвигавшійся на затылокъ клобукъ; то козелъ давилъ копытами шпоры пѣтуха, поддѣвая его рогами подъ челюсти, отчего у того голова задиралась кверху, каска сваливалась на затылокъ, хвостъ опускался, а жалостно разинутый клювъ какъ-бы вопіялъ о защитѣ.

Всѣ знали, что это значитъ, и судили о ходѣ борьбы потому, „какъ у Шульца на окнѣ архіерей съ княземъ дерутся“.

Это былъ первый проблескъ гласности въ Орлѣ и, притомъ, гласности безцензурной.

Не знаю, какъ интересовался этимъ князь Петръ Ивановичъ. Можетъ быть, что этотъ губернаторъ, по приписываемымъ ему словамъ, „сильно занятый поджогами“, за недосугами и не зналъ, что изображали шульцевы манекены; но преосвященный это зналъ и очень слѣдилъ за этимъ дѣломъ. Особенно съ тѣхъ поръ, когда фонды Смарагда въ Петербургѣ совсѣмъ пали, бѣдный старецъ очень интересовался: какъ разумѣютъ о немъ люди?—и частенько, говорятъ, посылалъ нѣкоего, по-нынѣ еще, кажется, здравствующаго въ Орлѣ мужа, „приватно пройтись и посмотрѣть, что представляютъ у Шульца на окнѣ *фигуры:* какая какую боретъ?“

Мужъ ходилъ, смотрѣлъ и доносилъ,—не знаю, все-ли сполна. Когда у Шульца на окнѣ козелъ бодалъ пѣтуха

и сбивалъ съ него каску,—владыку это куражило, и онъ веселѣлъ, а когда пѣтухъ щипалъ и шпорилъ козла, то это производило дѣйствіе противуположное.

Не наблюдать за *фигурами*, впрочемъ, было и невозможно, потому-что бывали случаи, когда козелъ представалъ очамъ прохожихъ съ аспидною дощечкою, на которой было крупно начертано: „П-р-и-х-о-д-ъ“, а внизу, подъ симъ заголовкомъ, писалось: „такого-то числа: взялъ сто рублей и двѣ головы сахару“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Говорили, что эти цифры, большею частію, имѣли живое отношеніе къ дѣйствительности, и потому за нихъ жутко доставалось всѣмъ, кто могъ быть заподозрѣнъ въ нескромности. Но предпринять противъ этого ничего нельзя было, такъ какъ противъ устроеннаго маіоромъ Шульцемъ органа гласности не дѣйствовала ни предварительная цензура, ни расширившая свободу печати система предостереженій, до благодѣяній которой, впрочемъ, еще и понынѣ не дожилъ издающійся въ моемъ родномъ городѣ „*Орловскій Вѣстникъ*“.

Сколь счастливѣе его были оные приснопамятные шутовскіе органы гласности, изобрѣтенные Шульцемъ! И за то они сравнительно сильнѣе дѣйствовали. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что крутой изъ крутыхъ и смѣлый до дерзости архіерей ихъ серьезно боялся. Можно думать, что если-бы не они, то анекдоты о Смарагдѣ, вѣроятно, имѣли бы еще болѣе жосткій и мрачный характеръ, отъ котораго владыку воздерживало только одно шутки ради устроенное пугало.

Надѣюсь, что разсказанными мелочами изъ моихъ отроческихъ воспоминаній объ архіереѣ, котораго я зналъ

въ оную безгласную пору на Руси, я въ нѣкоторой степени показалъ примѣромъ, что и самые крутые изъ архіереевъ не остаются безучастными къ общественному мнѣнію, а потому такое нареканіе на нихъ едва-ли справедливо. Теперь же я на томъ-же самомъ Смарагдѣ представлю другой примѣръ, который можетъ показать, что и обвиненіе архіереевъ въ безучастіи и въ жестокости тоже можетъ быть не всегда вѣрно.

Но пусть, вмѣсто нашихъ разсужденій, говорятъ сами маленькія „событія“.

II.

На долю Орла выпало довольно суровыхъ владыкъ, между коими, по особенному своему жестокосердію, извѣстны Никодимъ и, опять-таки, тотъ же Смарагдъ Крыжановскій. О жестокостяхъ Никодима я слыхалъ ужасные разсказы и пѣсню, которая начиналась словами:

„Архирей нашъ Никодимъ,
Архилютый крокодилъ“,

Но многія жестокости Смарагда я самъ лично видѣлъ, и самъ оплакивалъ моими ребячьими слезами истомленныхъ узниковъ орловской монастырской слободы, гдѣ они съ плачемъ глодали плѣсневыя корки хлѣба, собираемыя милостыней. Я видалъ, какъ *священники цѣловали руки* нѣкоего жандармскаго вахмистра, ростовщика, имѣвшаго здѣсь домъ и огородъ, на коемъ безплатно работали должные и не должные ему подначальные попы и дьяконы, за то только, чтобы этотъ вахмистръ „поговорилъ о нихъ секретарю“, деньгами котораго будто бы оперировалъ этотъ воинъ.

У меня на этой монастырской слободкѣ жилъ одинъ мой гимназическій товарищъ, сынъ этапнаго офицера, семья котораго мнѣ въ дѣтствѣ представлялась семьею тѣхъ трехъ праведниковъ, ради которыхъ Господь терпѣлъ на землѣ орловскія „проломленныя головы“. Это, въ самомъ дѣлѣ, была очень добрая семья, состоявшая изъ отца, бѣлаго, какъ

лунь, коротенькаго старичка, который два раза въ недѣлю съ огромною „валентиновскою“ саблею при бедрѣ садился верхомъ на сытую игренюю кобылку и выводилъ за кромскую заставу арестантскіе этапы. Арестанты его любили и, какъ былъ слухъ, не бѣгали изъ подъ его конвоя только потому, что имъ „было жалко его благородіе“. Онъ былъ совсѣмъ старецъ и, давно потерявъ всѣ зубы, кушалъ лишь одну манную кашку. Жена его, золотушная старушка, тоже была въ дѣтскомъ состояніи: она питала безграничную и ничѣмъ не смущаемую довѣрчивость ко всѣмъ людямъ, любила получать въ подарокъ игрушечныя фарфоровыя куколки, которыя она разставляла въ минуты скуки и унынія, посѣщавшія ее при появившихся подъ старость дѣтскихъ болѣзняхъ. У нея обыкновенно дѣлались то свинка, то корь, то коклюшъ, а незадолго передъ смертью появились какіе-то припадки въ родѣ родимца. Оба этапные супруги были добры до безконечности. Ихъ сынъ,— мой гимназическій товарищъ, постоянно читавшій романы Вальтеръ-Скотта, и дочь, миловидная дѣвушка, занимавшаяся вышиваньемъ гарусомъ,—тоже были олицетвореніемъ простоты и кротости. И вотъ, у этихъ-то добрыхъ людей на дворѣ, по сѣнямъ и закуткамъ, всегда проживали „духовенные“, изъ призванныхъ „подъ началъ“ или „ожидавшихъ резолюціи“. Съ нихъ въ этомъ христіанскомъ домѣ ничего не брали, а держали ихъ просто по состраданію, „Христа ради“. Изрѣдка развѣ, и то не иначе, какъ „по усердію“, кто-нибудь изъ подначальныхъ бѣдняковъ бывало промететъ дворъ или улицу или выполетъ гряды, или сходитъ на Оку за водою, необходимою сколько для хозяйскаго, столько же и для собственнаго употребленія самихъ подначальныхъ.

Въ кромешномъ аду, который представляла собою

орловская монастырская слободка, уютный домикъ этапнаго офицера и его чистенькій дворикъ представляли самое утѣшительное и даже почти сносное мѣсто. Сострадательные хозяева жалѣли злополучныхъ „подначальниковъ“ и облегчали ихъ тяжкую участь безъ разсужденія, которое такъ легко ведетъ къ осужденію. Но, однако, и здѣсь, кромѣ пріюта, „духовеннымъ“ ничего не давали, потому что не имѣли, что имъ дать. Имъ дозволяли только дергать на огородѣ чрезвычайно разросшійся хрѣнъ, который угрожалъ заглушить всякую иную зелень и не переводился, не смотря на самое усердное истребленіе его „духовенными“.

Домомъ этимъ дорожили „духовенные“ и, прощаясь съ офицерскимъ семействомъ, всегда молили „паки ихъ не отвергнуть, если впадутъ въ руцѣ Бруевича и паки сюда послѣдуютъ“. Дорожилъ этими добрыми людьми и я, не только потому, что мнѣ всегда было пріятно въ этой простой, доброй семьѣ, но и потому, что я могъ здѣсь встрѣчать многострадальныхъ „духовенныхъ“, съ дѣтства меня необыкновенно интересовавшихъ. Они располагали меня къ себѣ ихъ жалкою приниженностію и сословной оригинальностію, въ которой мнѣ чуялось несравненно болѣе жизни, чѣмъ въ тѣхъ, такъ называемыхъ, „хорошихъ манерахъ“, внушеніемъ конхъ томилъ меня претензіонный кругъ моихъ орловскихъ родственниковъ. И за эту привязанность къ орловскимъ духовеннымъ я былъ щедро вознагражденъ: единственно благодаря ей, я съ дѣтства моего не раздѣлялъ презрительныхъ взглядовъ и отношеній „культурныхъ“ людей моей родины къ бѣдному сельскому духовенству. Благодаря орловской монастырской слободкѣ, я зналъ, что среди страдающаго и приниженнаго духовенства русской церкви не все одни

„грошевики, алтынники и блинохваты“, какихъ выводили многіе повѣтствователи, и я дерзнулъ написать „*Соборянъ*“. Но въ тѣхъ же хранилищахъ моей памяти, изъ коихъ я черпалъ типичныя черты для изображенія лицъ, выведенныхъ мною въ названной моей хроникѣ, у меня остается еще много клочковъ и обрѣзковъ или, какъ нынче говорятъ по-русски, „купюровъ“. И вотъ теперь одинъ изъ этихъ „купюровъ“ просится къ настоящему случаю подъ перо. Герой моего наступающаго разсказа— молодой сельскій дьячокъ Лукьянъ, фамиліи котораго я не помню. Это былъ человѣкъ очень длинный и, отъ своей долготы, сгорбленный, худой, смуглый, безбородый, со впалыми щеками, несоразмѣрно маленькою головкою „рѣпкою“ и веселыми желтыми глазками. Онъ былъ „безпокойнаго характера“, постоянно имѣлъ разнообразныя стычки съ разными лицами, попалъ за одну изъ нихъ подъ начало и сдѣлался мнѣ особенно памятнымъ по своей отважной борьбѣ съ Смарагдомъ, котораго онъ имѣлъ удивительное счастіе растрогать, и одолѣть, — во всякомъ случаѣ, по собственнымъ его словамъ, онъ „побѣдилъ воеводу непобѣдимаго“.

Дьячокъ Лукьянъ появился въ офицерскомъ домѣ на монастырской слободкѣ лѣтомъ, передъ ученическимъ разъѣздомъ на каникулы. Родъ вины его былъ оригинальный: онъ попалъ сюда *„по обвиненію въ кисейныхъ рукавахъ“*. Подробнѣе этого о своемъ преступленіи Лукьянъ вначалѣ ничего не сообщалъ, и я такъ и уѣхалъ на каникулы въ деревню съ одними этими поверхностными и скуднымп свѣдѣніями о его виновности. Извѣстно было только, что преступленіе съ „кисейными ру-

кавами“ стряслось на Троицу и что виновный въ немъ былъ взятъ и привезенъ въ Орелъ, по его словамъ, какъ-то „нагло“, такъ что онъ даже оказался безъ шапки. Это я очень хорошо помню, потому что бѣднякъ по первоначалу чрезвычайно стѣснялся быть безъ шапки и все хлопоталъ отыскать „оказію“, чтобы выписать изъ „своихъ мѣстъ“ какую-то, будто бы имѣвшуюся у него, другую шапку. По своему легкомысленному ребячеству, я почему то все сближалъ Лукьяна съ тогдашнимъ романсомъ:

Ахъ, о чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ.

Я думалъ: не онъ-ли сочинилъ этотъ романсъ, или не запѣлъ-ли онъ его ошибкою гдѣ не слѣдуетъ. Но дѣло заключалось совсѣмъ въ иномъ.

По возвращеніи съ каникулъ, я засталъ Лукьяна въ прежней позиціи, т. е. на этой-же монастырской слободкѣ, въ офицерскомъ домѣ, но только уже не простоволосаго, а въ желтомъ кожаномъ картузѣ, съ длиннымъ четырехъ-угольнымъ козыремъ. Это меня очень обрадовало, и я, при первой-же встрѣчѣ, выразилъ ему свое удовольствіе, что онъ нашелъ хорошую оказію вытребовать себѣ шапку. Но Лукьянъ только махнулъ головою и, снявъ съ себя свой оригинальный картузъ, отвѣчалъ, что оказіи онъ еще не нашелъ, а что носимый имъ теперь на головѣ снарядъ добытъ имъ „по случаю“. При этомъ, осматривая картузъ съ глубокимъ пренебреженіемъ, какъ вещь несоотвѣтствующую его духовному званію и употребляемую только по крайности, онъ сказалъ:

— Колпачекъ этотъ, чтобы покуда накрываться, мнѣ

царскихъ жеребцовъ вертинаръ *) за регистры подарилъ, и при этомъ Лукьянъ добавилъ, что колпакъ этотъ „дурацкій“ и что какъ только онъ въ скорости возвратится домой, то сейчасъ-же этотъ „колпачекъ“ сдастъ на скворешню и скворца въ него посадитъ, чтобы тотъ научился въ ней по-нѣмецки думать: „кому на Руси жить хорошо“.

Однако, ни одинъ скворецъ не дождался этой чести, потому что нѣмецкій колпачекъ успѣлъ разрушиться на головѣ самого Лукьяна, прежде чѣмъ онъ уѣхалъ восвояси. Онъ гулялъ въ немъ все лѣто, осень и зиму до Алексѣя Божія человѣка, когда въ судьбѣ моего страдальца неожиданно произошла счастливая перемѣна.

За этотъ терминъ страданій я узналъ отъ Лукьяна въ подробности о кисейныхъ рукавахъ и о прочемъ, — о чемъ теперь, вѣроятно, безъ всякихъ для него послѣдствій, могу сказать въ воспоминаніе: какія важныя дѣла иногда судятъ наши владыки.

Лукьянъ былъ человѣкъ холостой и состоялъ дьячкомъ въ очень бѣдномъ приходѣ, въ селѣ, которое, кажется, называлось Цвѣтынь и было гдѣ-то неподалеку отъ извѣстнаго надъ Окою крутаго Ботавинскаго спуска. При Лукьянѣ жила мать, которую онъ очень любилъ, но болѣе всего онъ, по своему кавалерскому положенію, любилъ нѣжный полъ и, по этому случаю, часто попадалъ въ „стычки“. Въ этихъ стычкахъ Лукьянъ нерѣдко былъ „мятъ“, но все это ему, однако, не приносило всей той пользы, какую должно приносить „тѣлесное наученіе“.

*) „Царскими жеребцами“ въ Орлѣ тогда звали заводскихъ жеребцовъ случной конюшни императорскаго коннозаводства. Она помѣщалась противъ монастырской слободы.

Увлеченія страсти и слабости сердца заставляли его забывать все былое, и вскорѣ опять гдѣ женщины — тамъ и Лукьянъ, а затѣмъ невдалекѣ его и колотятъ и—что всего удивительнѣе — колотятъ иногда при помощи тѣхъ же самыхъ женщинъ, у которыхъ онъ, благодаря крутымъ завиткамъ на вискахъ и обольстительному духовному краснорѣчію, имѣлъ замѣчательные успѣхи. Но, на его несчастіе, онъ былъ слишкомъ непостояненъ и, притомъ, слишкомъ находчивъ. Въ такомъ родѣ было и его послѣднее преступленіе, за которое онъ теперь томился въ Орлѣ. Удостоенный вниманія пожилой постоялой дворничихи, онъ въ то же самое время воспылалъ страстію къ другой, молодой и болѣе красивой женщинѣ, и тутъ такъ „попутался“, что во время одного визита къ дворничихѣ „скрылъ“ у нея и „потаенно вынесъ“ пышные кисейные рукава, которые немедленно-же и презентовалъ соблазнительной красавицѣ. Сердце красавицы онъ этимъ преклонилъ на свою сторону, но самъ за это „двукратно пострадалъ“. Во-первыхъ, когда молодая женщина появилась въ „скрытыхъ“ Лукьяномъ кисейныхъ рукавахъ на Троицынъ день подъ качелями, то она тѣмъ привела въ неистовство обиженную дворничиху. Послѣдствіемъ этого было, что обѣ бабы произвели сначала взаимную потасовку, а потомъ, увидя желавшаго ихъ разнять Лукьяна, соединили свои силы и *объ* принялись за него: его онѣ жестоко растрепали и исцарапали, а еще болѣе „пустили молву“, вслѣдствіе чего объ этомъ было „донесено репортомъ“, который, къ удовольствію всѣхъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ друзей нерушимости духовно-судебныхъ порядковъ, предсталъ на архіерейскій судъ.

Но судъ былъ еще далекъ: обвиняемый томился, а Смарагду о немъ, вѣроятно, или совсѣмъ не докладывали, или

же владыка не считалъ дѣло „о кисейныхъ рукавахъ“ подлежащимъ немедленному разбирательству и хотѣлъ нарочно потомить духовнаго волокиту. На огородѣ офицера отцвѣлъ и свернулся наперенный Лукьяномъ „по усердію“ горохъ и посинѣли тучные бобы, въ буйной ботвѣ которыхъ, бывало, спрятавшійся Лукьянъ громко и пріятно наигрывалъ что-то на зеленой ракитовой дудкѣ. Онъ плѣнялъ этою чудесною игрою и насъ съ товарищемъ, слушавшихъ его съ чердака, куда мы забирались читать Веверлея, и многихъ сосѣдокъ офицерскаго домика, старавшихся открыть черезъ частоколъ: гдѣ кроется въ своемъ желтомъ картузѣ пострадавшій за любовь трубадуръ? Все это отошло: огороды опустѣли, Лукьянъ убралъ офицершѣ по усердію и картофель, и рѣпу, и нарубилъ съ батрачкою большіе наполы капусты, а собственное его дѣло о кисейныхъ рукавахъ ни мало не подвигалось.

Настала суровая, холодная осень,—онъ все еще сидѣлъ на опустѣломъ огородѣ и спалъ въ нетопленомъ курятникѣ. Питался онъ *хрѣномъ*, самъ готовя себѣ изъ этого фрукта и кушанье, и напитокъ. Кушанье это было—скобленный хрѣнъ съ сальными „шкварками“, которыя выбрасывали изъ кухни, а напитокъ дѣлался изъ тертаго хрѣна съ бѣлымъ квасомъ „суровцомъ“.

Шутя надъ своею нуждою, Лукьянъ называлъ свое блюдо изъ хрѣна „лимонадъ-буштекцъ“, а напитокъ „лимонадъ-бышквитъ“.

Кажется, если бы не только самаго узловатаго нѣмца, но даже самаго сильнаго изъ древнихъ русскихъ могучихъ богатырей покормить этимъ „лимонадъ-буштекцомъ“ и попоить „лимонадъ-бышквитомъ“, то и онъ черезъ недѣлю задралъ бы ноги, но тщедушный Лукьянъ живъ и здравъ бывалъ. Однако, наконецъ, вся эта исто-

ма и его пересилила: онъ заскучалъ и сталъ говорить, что „надо къ кому-нибудь подольститься и искать протекціи“, чтобы „подвинуть свое дѣло“. И онъ въ этихъ цѣляхъ дѣйствительно „подольстился“ къ кому-то такому, кто попросилъ о немъ жандармскаго вахмистра, который, какъ сказано, имѣлъ сношенія съ случайными людьми архіерейскаго дома, и тѣ явили Лукьяну благостыню, по началу судя, весьма странную, но по послѣдствіямъ, дѣйствительно, очень полезную.

У полнокровнаго и тучнаго Смарагда бывали тяжелые припадки, — надо полагать, гемороидальнаго свойства. Въ эту пору у него, по разсказамъ, болѣла поясница и напухало между „крылъ“. Архіерейское *междукрыліе* находится на спинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у обыкновенныхъ людей движутся лопатки. По этому опухоль между крылъ, по-просту говоря, значила, что у епископа напухала спина между лопатками, и отъ этой опухоли, причинявшей больному тяжесть, докторъ (кажется Деппишъ) совѣтовалъ Смарагду полѣчиться активной гимнастикой. Но какія же гимнастическія упражненія удобны и приличны для человѣка такого высокаго и притомъ священнаго сана? Нельзя же архіерею метать шарами или подскакивать на трапеціи? Но Смарагдъ былъ находчивъ и выдумалъ нѣчто болѣе солидное и, притомъ, патріархальное, а вдобавокъ, и полезное: онъ пожелалъ *пилить дрова* съ подначальными, которые въ его бытность постоянно исполняли при архіерейскомъ домѣ черныя дворовыя рабсты и, между прочимъ, пилили и кололи дрова для архіерея и его домовыхъ монаховъ.

Дьячокъ Лукьянъ былъ при чемъ-то въ сторожахъ и

искалъ „протекціи“, чтобы попасть въ пильщики, дабы такимъ образомъ имѣть случай не только встрѣтиться со своимъ владыкою, но, такъ сказать, стать съ нимъ лицомъ къ лицу. Этимъ способомъ онъ надѣялся обратить на себя владычное вниманіе и извлечь изъ того для себя нѣкоторую существенную пользу. Жандармскій вахмистръ, силою своихъ связей съ архіерейскимъ домомъ, все это устроилъ.

Смарагдъ избралъ для своихъ упражненій во врачебной гимнастикѣ послѣобѣденные часы. Прямо изъ-за стола онъ шелъ въ сарай, гдѣ труждались за топорами и пилою подначальные, и съ очередными изъ пильщиковъ перепиливалъ три, четыре, а иногда и пять плахъ. Такъ шло уже нѣсколько времени, и хотя епископъ неупустительно продолжалъ свои занятія, но они, вѣроятно, не оказывали желаемаго воздѣйствія на его владычныя междукрылія: онъ все ходилъ пригорбясь и насупясь и бѣ яко Исавъ „нрава дикаго, угрюмаго, ко гнѣву склоннаго и мстительнаго“.

Дьячокъ Лукьянъ, наблюдая все это, приходилъ отъ такого архіерейскаго вида въ неописанный страхъ, который потомъ вдругъ сталъ переходить въ раздраженіе. Всѣ горести Лукьяна разомъ точно поднялись у него изъ сердечной глубины, и онъ сталъ такъ свирѣпо ругаться, что дѣлалось за человѣка страшно. Позже онъ даже началъ угрожать чѣмъ-то нестаточнымъ, и отъ его возбужденности, дѣйствительно, можно было ожидать какого-нибудь очень нехристіанскаго поступка.

— Отекъ очень съ сытости, говорилъ онъ непочтительно о своемъ владыкѣ, отъ того ничего и не чувствуетъ,

а отцы наши все поддѣлываются: самыя тоненькія да сухія плашки ему пилить подкладываютъ. Низкое ихъ обхожденіе такъ научаетъ, но дай срокъ, пусть онъ первый разъ меня за пилою, а не за топоромъ застанетъ, я его такимъ полѣномъ разуважу, что будетъ онъ меня вѣкъ помнить.

Мы съ товарищемъ пожелали узнать, что такое, именно, Лукьянъ придумалъ подстроить своему архіерею, и узнали, что подначальный дьячокъ, полный кипящаго мщенія къ Смарагду, желаетъ подложить ему самыя толстыя коряги, надъ которыми бы его преосвященство „хорошенько пропыхтѣлся“. Я и мой товарищъ, по своему отроческому легкомыслію, находили эту мысль чрезвычайно счастливою и достойною тѣхъ представленій, какія мы имѣли о Смарагдѣ, но сильно боялись за предпріимчиваго Лукьяна, чтобы это не обошлось ему дороже, чѣмъ онъ разсчитываетъ.

Лукьянъ, однако, былъ на такой возвышенной степени воодушевленія, что не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ.

— Ребра онъ мнѣ, говоритъ, не сокрушитъ, а что ежели онъ меня костылемъ отвозитъ, то я этого только и желаю, потому что онъ опосля битья, говорятъ, иногда сдабривается.

Такъ онъ и пошелъ неуклонно на эту желанную мѣру сближенія съ своимъ архипастыремъ; а мы все не забывали интересоваться ходомъ его исторіи, которая, впрочемъ, не замедлила принять оборотъ самый краткій и самый рѣшительный. Лукьянъ сдѣлалъ, какъ намѣревался, и въ укромномъ мѣстѣ, подъ стѣною, въ пильномъ сараѣ, припасъ для своего владыки десятка полтора самыхъ толстыхъ суковатыхъ плахъ. Онъ тщательно берегъ

этотъ отборъ до того случая, когда Смарагдъ застанетъ его за работою и возьмется съ нимъ за другой конецъ пилы, чтобы разминать свои междукрылія. Случай этотъ не замедлилъ. Дня черезъ два послѣ того, какъ Лукьянъ сообщилъ намъ о своемъ смѣломъ предпріятіи, онъ явился домой въ невыразимомъ отчаяніи и, бросивъ подъ кухонную лавку свой желтый шлыкъ, объявилъ, что „надѣлалъ себѣ бѣды, какой не ожидалъ“.

— Приходитъ, говоритъ, владыка, а я пилю съ кромской округи попомъ старенькимъ; владыка попа прогнали: „пошелъ прочь“, говорятъ, потому онъ имъ не по таліи, а мнѣ приказали: „клади плаху“. Я было оробѣлъ и хотѣлъ, подобно какъ и другіе-прочіе,—положить плаху какая собою поделикатнѣе, но раздумался, что этакъ я себя долго ни къ чему счастливому не произведу и, благословясь, выхватилъ изъ своего амбара штуку самую безобразную. Владыка взглянули на меня и ничего не сказали; стали рѣзать; два ряда прошли и ряску сняли, говорятъ: „повѣсь на колокъ“. А еще рядъ отпилили и совсѣмъ стали, а я имъ другую еще коряжистѣе на козлы положилъ. Тутъ онъ на меня ужъ такимъ святителемъ взглянулъ, что у меня и въ животѣ захолодѣло. „Ничего, говоритъ, ничего, я и эту перепилю, а ужъ за то ты у меня, скотина, еще цѣлый годъ въ пильщикахъ останешься“. Съ тѣмъ и ушли.

Мы спросили Лукьяна: что же онъ теперь думаетъ дѣлать? А онъ въ отчаяніи отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, но что, кажется, ему лучше всего продолжать свой терминъ держать,—потому что, такъ онъ надѣялся, можетъ быть ему Богъ поможетъ на семъ тяготѣніи своего владыку раньше года постоянствомъ „преодолѣть и замучить“.

И точно, прошло не болѣе недѣли, какъ „державшій свой терминъ“ Лукьянъ возвратился съ веселымъ видомъ и объявилъ, что онъ „архіерея замучилъ“ и дѣло о кисейныхъ рукавахъ, кажется, поправляется.

— Какъ же это такъ счастливо обернулось? спрашиваемъ.

— А такъ, отвѣчаетъ, оно обернулось, что я его преосвященство совсѣмъ заморилъ и отъ болѣзни ихъ совершенно вполнѣ этими толстыми полѣньями выпользовалъ.

— А по чему, говоримъ, это видно!

— Разсердился и нынѣ меня, слава Богу, такъ костылемъ отвозилъ, что и сейчасъ загорбокъ больно.

— За что же это?

— Досадно стало, что характеръ имѣю большія плахи класть, и самъ мнѣ наклалъ.

— Что же, говоримъ, тутъ хорошаго?

— Теперь сдобрится.

— А какъ нѣтъ?

— Нѣтъ, сдобрится: всѣ, которые опытные, завидуютъ, говорятъ: „Экое счастье тебѣ отъ святителя! теперь, какъ сердце отойдетъ, онъ твое дѣло потребуетъ и рѣшитъ“.

Приходитъ Лукьянъ на другой день и еще веселѣе.

— Вчера же, сказываетъ, дѣло къ себѣ потребовали.

А еще черезъ день послѣ этого нашъ Лукьянъ какъ вбѣжалъ на дворъ въ калитку, такъ прямо, ни съ того ни съ сего, и пошелъ на рукахъ колесомъ.

— Отпустилъ, кричитъ, отпустилъ, ко двору благословилъ идти.

— А какое же спрашиваемъ, было наказаніе?

— Вовсе безъ наказанія: кромѣ того, какъ третьяго дня костылемъ поблагословлялъ, ничего другаго не вмѣнено.

— Да вѣдь костылемъ это было не за кисейные рукава, а за другое.

— Ну, что тамъ разбирать, что за что выпало! Одно слово: иду благополучный, все равно, какъ плетьми да на выпускъ. Чего еще надо?.

„Плетьми на выпускъ“ въ то время на Руси за большую непріятность не считалось. Нынче русскіе люди на этотъ счетъ немножко избаловались.

Итакъ, не поучаетъ-ли насъ сей приснопамятный Лукьянъ, приведеннымъ случаемъ своей судьбы, что никогда не должно отчаяваться въ милосердіи русскихъ владыкъ, ибо хотя иные изъ нихъ и гнѣвны, но и ихъ гнѣвности бываетъ порою ослабленіе. И не достоинъ ли сей, повидимому, какъ будто маловажный случай особеннаго вниманія, именно потому, что онъ былъ не съ какимъ-нибудь слабохарактернымъ лицомъ, а со Смарагдомъ, о которомъ въ Орлѣ говорили, что онъ никого не боится и единственно лишь тѣмъ уступаетъ московскому митрополиту, что тотъ „ѣздитъ на шести животныхъ, съ двумя человѣками на запяткѣ“. Другой же, менѣе Смарагда, нравный архіерей, конечно, можетъ оказаться еще податливѣе, если только случай сведетъ его съ человѣкомъ, въ коемъ онъ замѣтитъ настоящее „savoir faire“. А безъ снаровки, конечно, ничего не подѣлаешь не только съ архіереями, но даже и съ своими собственными дѣтьми.

Въ подтвержденіе же моихъ словъ о способности архіереевъ переходить отъ гнѣвной ярости къ благоувѣтному добродушію разскажу еще одинъ такой случай о другомъ архіереѣ, тоже вспыльчивомъ и гнѣвномъ, но укрощавшемся еще легче и проще.

III.

Одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичаниномъ Ш., который управлялъ огромными имѣніями у гр. П., въ восточной полосѣ Россіи. Англичанинъ Ш. былъ человѣкъ очень благородный и добрый, но своеобычный. Онъ любилъ вѣжливость и если встрѣчалъ съ чьей-либо стороны грубость и наглость, то не прощалъ ихъ безъ нотаціи. Еще въ молодости онъ имѣлъ въ Орловской губерніи исторію съ однимъ кавалерійскимъ полковникомъ, котораго Ш., просто-на-просто, прибилъ за нахальство. Не измѣнился онъ въ этомъ отношеніи и подъ старость. Когда я жилъ въ П—ской губерніи, онъ тогда, имѣя уже около 60 лѣтъ отъ роду, вызывалъ на дуэль губернскаго предводителя дворянства А., съ которымъ не раздѣлался только потому, что умеръ. Теперь они уже оба покойники.

Разъ, лѣтомъ, не помню теперь котораго, именно, года, дядя Ш., строившій *первую* въ П—ской губерніи паровую мельницу, купилъ для нея въ селѣ К. огромные штучные французскіе жернова, которые были уже скованы крѣпкими шинами и которыхъ намъ очень не хотѣлось разбирать и сковывать за ново. Мы рѣшили катить ихъ цѣликомъ и послали приготовленную для того

снасть, лошадей и людей; но, вдругъ, получаемъ извѣстіе, что камни наши, едва отъѣхавъ десять верстъ отъ К., *проломили мостъ* и засѣли въ сваяхъ.

Мы съ Ш. сейчасъ-же поѣхали на мѣсто крушенія и, пріѣхавъ въ К. довольно поздно, вечеромъ, остановились въ домѣ тамошняго священника, тогда еще очень молодаго человѣка, который былъ намъ и радъ, и не радъ. По личнымъ, добрымъ отношеніямъ къ Ш. онъ встрѣтилъ насъ весьма радушно, но былъ встревоженъ и смущенъ тѣмъ, что преосвященный В., объѣзжавшій въ ту пору епархію, ночевалъ всего въ десяти верстахъ отъ К. и, завтра, долженъ былъ нагрянуть со всею ордою провожатыхъ, коихъ Петръ Великій въ своемъ регламентѣ именовалъ „несытыми скотинами". Священнику, конечно, было о чемъ позаботиться: надо было и накормить, и размѣстить „оныхъ несытыхъ скотинъ". Особенно его затрудняло послѣднее, такъ какъ его сельскій домикъ былъ очень невеликъ, а поврежденный мостъ съ застрявшими въ сваяхъ камнями не подавалъ никакой надежды скоро переправить „объ онъ полъ потока" архипастырскую карету.

Мы были, нѣкоторымъ образомъ, виновниками тягостныхъ для батюшки осложненій, и чувствовали это, но помочь ему не могли ничѣмъ, кромѣ того, что, не претендуя на его гостепріимство въ домѣ, приготовленномъ „подъ владыку", легли спать на сѣновалѣ. Мы встали утромъ, чѣмъ свѣтъ, и отправились къ изломанному мосту, о поправкѣ котораго нельзя было и думать прежде, чѣмъ мы найдемъ какое-нибудь средство снять камень, засѣвшій въ проломѣ настилки, между сваями.

Снять камень оказалось, однако, совершенно невозможно, и мы, послѣ многихъ соображеній, рѣшили разсѣчь шины, которыя его связывали въ одно цѣлое, послѣ

чего онъ долженъ былъ раздѣлиться на штуки и упасть въ ручей, откуда уже его предстояло послѣ вытащить и перевезти на колесняхъ.

Распорядясь этою работою и оставивъ людей при дѣлѣ, мы около десяти часовъ утра возвратились въ домъ священника, выкупались въ рѣкѣ, съѣли яичницу и усталые кувырнулись на сѣновалъ и заснули. Но только-что мы разоспались, какъ внезапу бысть шумъ: мы были разбужены разливавшимся надъ поповкою оглушительнымъ трезвономъ колоколовъ и крикомъ: „ѣдетъ! ѣдетъ! архіерей ѣдетъ!“

Было очень любопытно посмотрѣть, какъ *онъ пдетъ*? Съ неубранными съ просонья головами, заспанными лицами и въ сыромъ, неотчищенномъ отъ грязи дорожномъ платьѣ, мы вышли къ калиткѣ и увидали, что *онъ пхалъ* не важно — на своихъ-на-двоихъ. По-просту говоря, *онъ шелъ пѣшкомъ*, потому что его карета не могла переѣхать черезъ мостъ. За то шелъ святитель, окруженный толпою, состоявшею человѣкъ изъ двадцати духовныхъ и не духовныхъ людей, между которыми особенно замѣчательны были двѣ бабы. Одна изъ этихъ усердныхъ христіанокъ все подстилала передъ святителемъ полотенце, на которое тотъ и наступалъ для ея удовольствія, а другая была еще благочестивѣе и наровила сама лечь передъ нимъ на дорогу,—вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы святитель по самой по ней прошелся, но *онъ* ей этого удовольствія не сдѣлалъ. Самъ онъ представлялъ изъ себя особу съ красноватымъ, гемороидальнымъ лицомъ, на которомъ свѣтились маленькіе, сердитые сѣрые глазки, раздѣленные толстымъ, дубоватымъ носомъ. Во всей фигурѣ владыки не было не только ничего „святолѣпнаго“, но даже просто ничего внушительнаго. Онъ казался только разгнѣван-

нымъ и „преогорченнымъ“. Тревожный взоръ его какъ будто вопрошалъ всѣхъ и каждаго: „Что это такое? Отчего это я могу ходить пѣшкомъ?“

Дядя Ш. былъ человѣкъ религіозный и даже ѣзжалъ въ русскую церковь, къ которой принадлежала его жена и дѣти, но на несчастіе онъ о ту пору былъ сердитъ на архіереевъ. Это вышло по одному, незадолго передъ тѣмъ случившемуся, случаю съ дочерью его великобританскаго друга, миссъ Сп—нгъ. Дѣло это состояло въ томъ, что миссъ Сп—нгъ, гостя у своихъ и у нашихъ друзей въ орловской губерніи, заболѣла и, какъ дѣвушка религіозная, позвала къ себѣ единственное духовное лицо въ деревнѣ, — приходскаго священника. А добрый сельскій батюшка не только помазалъ ее мvромъ и причастилъ, но и примазалъ ей это въ ея документѣ, т. е. сейчасъ-же „учинилъ о семъ надпись на ея паспортѣ“.

Между тѣмъ, умиравшая миссъ Сп—нгъ послѣ совершеннаго надъ нею тайнодѣйствія, не только выздоровѣла, но вскорѣ-же была помолвлена за сына извѣстнаго московскаго англійскаго коммерсанта г. Л—ви. И тутъ, когда дѣло дошло до вѣнчанія, московскій англиканскій пасторъ набрѣлъ на самый неожиданный сюрпризъ: невѣста значилась *„православною“*. Обѣ англійскія семьи и весь московскій англійскій приходъ, не съумѣвъ достойно оцѣнить это обстоятельство, пришли въ непонятное смятеніе и ужасъ. И вотъ пасторъ съ моимъ дядею отправились къ митрополиту Филарету Дроздову „отпрашивать“ присоединенную по невѣденію англичанку, но митрополитъ имъ отказалъ. Тогда дѣло поправили иначе и гораздо

легче. Помогъ въ этомъ случаѣ одинъ московскій квартальный, указавшій средство переписать оправославленную невѣсту снова въ ея прежній еретическій англиканизмъ. Секретъ, сколько припоминаю, состоялъ въ томъ, что паспортъ англичанки съ надписью о ея присоединеніи *утратили* и вытребовали ей новый, на которомъ никакой надписи о присоединеніи не было. Такъ ее и перевѣнчали какъ *будто англиканку*, хотя благодать православія на ней разумѣется осталась и до сего дня. Но все-таки московскихъ англичанъ Леонтьевскаго переулка всѣ эти хлопоты сердили и дядя Ш. былъ, по его словамъ, „золъ на архіереевъ“ и далъ слово не имѣть съ ними никакихъ дѣлъ. Однако нижеслѣдующій случай заставилъ его нарушить это слово.

О мѣстномъ п—скомъ архіереѣ В. мы кое-что знали, но, по преимуществу, только смѣшное. Онъ отличался независимостью въ расправѣ съ подчиненными и, вообще, разнообразно чудесилъ. Такъ, напр., онъ цѣлую зиму клалъ у себя въ спальной соборнаго протоіерея О—на для того, чтобы отучить этого старичка отъ нюханія табаку, даже въ ночное время. Впрочемъ некрологисты этого архіерея говорятъ о немъ разно, но въ П—зѣ онъ слылъ за человѣка грубаго, самочиннаго и досадительнаго.

Мы имъ, разумѣется, особенно ни мало не интересовались, но тутъ намъ захотѣлось посмотрѣть, не покажетъ-ли онъ при настоящемъ случаѣ какое-либо чудодѣйство? И вотъ, мы съ дядею Ш. вошли вслѣдъ за процессіею въ церковь, конечно, никакъ не ожидая, что его преосвященство постарается показать себя именно насчетъ одного изъ насъ.

Когда мы вошли въ церковь, недовольный путешествіемъ архіерей жестоко шумѣлъ на кого-то въ алтарѣ и покрикивалъ такъ интересно, что мы постарались подойти поближе и стали на лѣвомъ клиросѣ. Царскія врата были открыты, и до насъ свободно долетали слова: „песъ, дуракъ, болванъ“, которыя, кажется, главнымъ образомъ, выпадали на долю отца настоятеля, но, можетъ быть, по частямъ доставались и другимъ лицамъ освященнаго сана. Но вотъ, наконецъ, епископъ, все обозрѣвъ и сдѣлавъ всѣ распорядки въ алтарѣ, вышелъ къ солеѣ, у которой стояли ктиторъ и еще человѣка два-три не изъ духовныхъ. Здѣсь-же находилась и „матушка“ отца настоятеля, пришедшая просить его преосвященство на чай.

Преосвященный все супился и, раздавая всѣмъ по рукамъ благословеніе, спрашивалъ каждаго:

— „Чей такой“, или „чья ты?“ и, раздавъ эти благословенія, на низкій поклонъ и привѣтъ матушки отвѣтилъ:

— „Ступай, готовься—приду“. И затѣмъ онъ вдругъ неожиданно обратился къ намъ, смиренно стоявшимъ на лѣвомъ клиросѣ, и громко крикнулъ:

— А вы что? Чьи вы? Чего молчишь, старикъ?

Англичанинъ мой замо́талъ головою, что у него обыкновенно бывало признакомъ неудовольствія, и неожиданно для всѣхъ отвѣтилъ:

— А ты чего кричишь, старикъ?

Архіерей даже покачнулся и вскрикнулъ:

— Какъ? что ты такое?

— А ты что такое?

Шумливый епископъ какъ-будто совсѣмъ потерялся и, ткнувъ по направленію къ намъ пальцемъ, крикнулъ священнику:

— Говори: кто этотъ грубецъ? (sic).

— Грубецъ да не глупецъ, отвѣчалъ Ш., предупредивъ отвѣтъ растерявшагося священника.

Архіерей покраснѣлъ, какъ ракъ, и, защелкавъ по палкѣ ногтями, уже не проговорилъ, а прохрипѣлъ:

— Сейчасъ мнѣ доложить, *что это* такое?

Ему доложили, что *это* А. Я. Ш., главноуправляющій имѣніями графовъ П—скихъ.

Архіерей сразу стихъ и вопросилъ:

— А для чего онъ въ такомъ уборѣ? но, не дождавшись на это никакого отвѣта, направился прямо на дядю.—Моментъ былъ самый рѣшительный, но окончился тѣмъ, что архіерей протянулъ Ш. руку и сказалъ:

— Я очень уважаю англійскую націю.

— Благодарю.

— Характерная нація.

— Ничего: хороша, отвѣчалъ Ш.

— А что здѣсь случилось, прошу покорно, пусть остается между насъ.

— Пусть остается.

— Теперь-же прошу къ священнику: откушать вмѣстѣ моего дорожнаго чаю.

— Отчего не такъ? отвѣчалъ дядя, я люблю чай.

— Значитъ, обрусѣли?

— Нѣтъ,—значитъ—чай люблю.

Преосвященный хлопнулъ дядю потоварищески по плечу и еще разъ воскликнулъ:

— Ишь какая характерная нація! Полно злиться!

А затѣмъ онъ оборотился ко всѣмъ предстоявшимъ и добавилъ: а вы ступайте по своимъ мѣстамъ.

И наговорившіе другъ другу комплиментовъ англичанинъ и архіерей долгонько кушали чай и закусывали

„изъ дорожныхъ запасовъ“ владыки, причемъ его преосвященство въ это время не разъ принимался хлопать Ш. по плечу, а тотъ, не оставаясь въ долгу, за каждую такую ласку, въ свою очередь, дружески хлопалъ его по стомаху. Оба они остались другъ другомъ столько довольны, что на прощаньи братски расцѣловались, причемъ Ш. такъ сильно сжалъ поданную ему архіереемъ руку, что тотъ сморщился и еще разъ вскрикнулъ:

— Охъ, какая здоровая нація!

Такъ все это мирно и пріятно кончилось въ мимолетномъ свиданіи этого архипастыря съ англичаниномъ, а между тѣмъ этого самаго архіерея иные его современники представляли человѣкомъ и злымъ, и желчнымъ, да и позднѣйшіе некрологисты не могутъ согласиться въ его оцѣнкѣ. Я же болѣе согласенъ съ тѣмъ изъ нихъ, который старается доказать, что преосвященный В. имѣлъ очень доброе сердце. По крайней мѣрѣ, я не вижу причины, которая не позволяла бы мнѣ заключить, что этотъ человѣкъ имѣлъ золотую способность дѣлаться очень незлобивымъ, *если* чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ „здоровой націи“. А въ такомъ случаѣ тѣ, которымъ онъ казался неукротимымъ, вѣроятно, не умѣли себя съ нимъ держать. Не надо забывать стараго правила: „кто хочетъ, чтобы съ нимъ уважительно обходились другіе, тотъ прежде всего долженъ уважать себя самъ“.

Мнѣ кажется даже, что его преосвященство имѣлъ нѣсколько высокій для русскаго человѣка идеалъ гражданскаго общества и потому-то, именно онъ и раздражался презрѣннымъ низкопоклонствомъ и лестью окружающихъ. Онъ хотѣлъ видѣть людей болѣе стойкихъ и потому, встрѣтясь съ человѣкомъ „здоровой націи“, сейчасъ-же при-

шелъ въ отрадное состояніе удовлетворенія. Если-бы онъ ранѣе встрѣчалъ подобныхъ русскихъ людей, то навѣрно и они могли-бы привести его въ такое-же доброе расположеніе. И это, можетъ быть, самый удачный варіантъ, которымъ напрасно не воспользовался апологетъ преосвященнаго В.

IV.

Были также не разъ высказываемы жалобы, будто архіереи порою обнаруживаютъ *неодолимую* упорность въ невниманіи къ жалобамъ прихожанъ на неудовлетворяющее сихъ послѣднихъ приходское духовенство. Было говорено именно такъ, что упорство этого рода бываетъ „*неодолимо*“. Мнѣ, съ моей точки зрѣнія, и это кажется преувеличеннымъ, и я постараюсь представить на это примѣръ въ пользу моего мнѣнія.

На этотъ разъ мы будемъ вести рѣчь объ особѣ очень большой, — особѣ, ѣздившей „на шести животныхъ съ двумя человѣками на запяткахъ“, — объ особѣ, имѣвшей видную роль въ исторіи, извѣстной во всѣхъ родахъ литературы и во всѣхъ подвигахъ вѣры, не исключая строжайшаго постничества.

Объ этомъ владыкѣ злые языки говаривали (что, даже, гдѣ-то было и напечатано), будто онъ „ѣлъ по одной просфорѣ, но цѣлымъ попомъ закусывалъ“. Эта злобная выходка такъ при немъ и осталась. А, между тѣмъ, одинъ маленькій случай, который я хочу здѣсь разсказать, можетъ свидѣтельствовать, что владыка едва-ли имѣлъ приписываемый ему странный аппетитъ „цѣлымъ попомъ закусывать“. И онъ, какъ увидимъ, прибиралъ поповъ очень неохотно.

У графини В. рожденной Д., понынѣ еще здравствующей, изящной и очень бойкой свѣтской дамы, въ одной ея м—ской деревнѣ завелся не въ мѣру деньголюбивый попъ. Онъ притѣснялъ крестьянъ графини до того, что тѣ вышли изъ терпѣнія и не разъ уже на него жаловались, но или жалобы крестьянъ не доходили по назначенію, или же у попа при владыкѣ, какъ говорятъ, была „своя рука“. Но, какъ бы тамъ ни было, а только приходъ никакъ не могъ избавиться отъ своего грабителя. О томъ же, чтобы унять его нестерпимое корыстолюбіе, не могло быть и рѣчи, такъ такъ онъ „въ семъ заматорѣлъ, будучи уже въ лѣтахъ преклонныхъ“.

Но вотъ пріѣхала изъ-за границы навѣстить свои маетности графиня, обыкновенно постоянно проживавшая въ Парижѣ. Крестьяне тотчасъ-же пали ей въ ноги, умоляя ея сіятельство „стать за отца за матерь: ослобонить ихъ отъ ворога“, причемъ, разумѣется, разсказали всѣ или, по крайней мѣрѣ, многія продѣлки „ненасытнаго“ пастыря.

Графиня вскипѣла и позвала къ себѣ „ненасытнаго“, но тотъ не только не покаялся, а еще оказался искуснымъ отвѣтчикомъ и нагрубилъ барынѣ вволю.

Пылкая и тогда еще очень молодая дама сейчасъ-же написала обо всемъ этомъ самое энергическое письмо владыкѣ и была увѣрена, что его преосвященство непремѣнно обратитъ вниманіе на ея справедливую просьбу, а, можетъ быть, даже и самъ ей отвѣтитъ съ галантною вѣжливостью монсиньора Дарбуа. Но русскій владыка, конечно, былъ не того духа, какъ архіепископъ парижскій. Нашъ владыка былъ обремененъ безмѣрною мудростію, тяжесть которой не позволяла ему быть скороподвижнымъ, а внимательностью къ просьбамъ онъ никого

не баловалъ. Будучи мудръ отъ младыхъ ногтей, онъ, по преданіямъ, еще въ юности употреблялъ поговорку: „скорость потребна только блохъ ловить“. Онъ не дѣлалъ исключенія даже для спасенія утопающихъ, гдѣ тоже „потребна“ скорость. Тяжелая медлительность этого Фабія Кунктатора была чертою его характера и стимуломъ его святости.

Судя по отзывамъ панегиристовъ покойнаго, можно думать, что онъ не измѣнилъ бы этому своему правилу даже въ томъ случаѣ, если бы міру угрожалъ новый потопъ и отъ его преосвященства зависѣло бы заткнуть дыру въ хлябяхъ небесныхъ. Онъ и тогда не ускорилъ бы движенія перста, и тогда онъ продолжалъ бы въ самоуглубленіи созерцать

> ... вдали козни горькаго зла,
> Тартаръ, ярящійся пламень огня, глубину вѣчной ночи,
> Скрытое нынѣ во тьмѣ, явное тамъ въ срамотѣ *).

Нѣкто, знавшій его болѣе другихъ, сказалъ, что владыка былъ „прежде всего и послѣ всего *монахъ*“, и при томъ самый строгій „*истовый*“ монахъ, ставившій свой аскетизмъ выше всѣхъ своихъ обязанностей духовнаго администратора. И вотъ, съ этакою-то нерушимою скалою аскетизма предстояло вступить въ состязаніе молодой, красивой женщинѣ, полупарижанкѣ, избалованной своими успѣхами въ свѣтѣ, гдѣ поклонялись ея веселому остроумію, красотѣ и очень оригинальной независимости характера.

Бой могъ быть интереснымъ, но съ перваго же шага обѣщалъ быть неравнымъ. Владыка не отвѣчалъ графинѣ: онъ или совсѣмъ не удостоилъ вниманія ея письмо, или

*) „Увѣщательная пѣснь св. Григорія Богослова“, стихотворный переводъ митрополита Филарета Дроздова.

же ея хлопоты о какихъ-то притѣсненіяхъ, чинимыхъ попомъ какимъ-то крестьянамъ, казались ему „суетными“. А можетъ быть и самое нетерпѣніе крестьянъ представлялось ему „малодушествомъ“, къ которому онъ стоически относилъ всѣ человѣческія скорби и несчастія. Но графиня, привыкшая къ иному съ нею обхожденію, обидѣлась и послала его преосвященству другое письмо, за другимъ третіе, четвертое, пятое, десятое... Владыка все не отвѣчалъ ни однимъ словомъ, и ни о какомъ распоряженіи къ удовлетворенію просьбы графини вѣсти не было.

Не оставалось сомнѣнія, что владыка такъ и преодолѣетъ даму, покрывъ пылъ ея свѣтскаго негодованія своимъ молчаливымъ безучастіемъ „истоваго монаха“.

Но на этотъ разъ нашла коса на камень. Оскорбленная невниманіемъ владыки, графиня не хотѣла ему „подарить“ этого и, какъ только приспѣлъ часъ ея спѣшить съ милаго сѣвера къ своимъ сезоннымъ удовольствіямъ въ Парижъ, она призвала безутѣшныхъ крестьянъ и дала имъ слово „сама быть у владыки и не уйти отъ него до тѣхъ поръ, пока попъ будетъ смѣщенъ“.

Крестьяне откланялись графинѣ на ея ласковомъ словѣ, но едва-ли вѣрили въ возможность его исполненія.

Судьба, однако, опредѣлила иначе.

Графиня повела дѣло своихъ крестьянъ съ свойственною ей энергіею и нетерпѣливостью. Она и мысли не допускала, чтобы это смѣло задержать ее въ городѣ болѣе трехъ—четырехъ часовъ, которые она могла пожертвовать крестьянамъ въ ожиданіи поѣзда, приближав-

шаго ее къ границѣ. Поэтому она тотчасъ-же съ дороги переодѣлась въ черное платье и въ ту же минуту полетѣла къ владыкѣ.

Время было неурочное: владыка *никого* не принималъ въ эти часы, но келейникъ, очутясь передъ такою ослѣпительною, въ свою пору, дамою, съ громкимъ титуломъ и дышащимъ негодованіемъ, энергическимъ лицомъ, оплошалъ и отворилъ передъ ней двери.

Ей только и надо было.

Графиня смѣло взошла въ залъ и, сѣвъ у стола, велѣла „*попросить* къ себѣ владыку".

— Попросить!.. Келейникъ только руки развелъ; но гостья стояла на своемъ: „сію-же минуту *попросить къ ней* владыку, такъ какъ она пріѣхала къ нему *по дѣлу церкви*".

— По церковному дѣлу пожалуйте завтра, упрашивалъ ее шопотомъ келейникъ.

— Ни за что на свѣтѣ: я сейчасъ, сію минуту, должна видѣть владыку, потому что мнѣ некогда; я черезъ полтора часа уѣзжаю и могу опоздать на поѣздъ.

Келейникъ увидалъ спасеніе въ томъ, что графиня не можетъ долго ожидать, и съ удовольствіемъ объявилъ, что теперь владыку рѣшительно нельзя видѣть.

— Это ложь, онъ меня приметъ. Я требую, чтобы вы сейчасъ обо мнѣ доложили.

— Помилуйте, спросите у кого угодно, принимаетъ-ли кого нибудь владыка въ эти часы? и вы изволите убѣдиться...

— Нѣтъ, это вы изволите убѣдиться, что вы говорите ложь! Сейчасъ прошу обо мнѣ доложить, или вы увидите, какъ я съумѣю васъ заставить дѣлать то, что составляетъ вашу обязанность.

— Воля ваша, но я не могу.

— Не можете?

— Не могу-съ,—не смѣю.

— Хорошо!

Съ этимъ графиня быстро поднялась съ мѣста, сбросила съ плечъ мантилью и, подойдя къ висѣвшему надъ столомъ зеркалу, стала развязывать ленты у своей шляпки.

Келейникъ смѣшался и уже умоляющимъ голосомъ заговорилъ:

— Что это вамъ угодно дѣлать?

— Мнѣ угодно снять мою шляпу, чтобы было спокойнѣе терпѣливо ожидать, пока вы пригласите ко мнѣ вашего владыку.

— Но я... извините... я не имѣю права васъ здѣсь оставить...

Но на это графиня уже совсѣмъ не отвѣчала: она только обернулась къ келейнику и, смѣривъ его съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ, повелительно сказала:

— Отправляйтесь на свое мѣсто! Я устала васъ слушать и хочу отдыхать.

— Отдыхать?!

Послушникъ совсѣмъ опѣшилъ: сатаны въ такомъ привлекательномъ и въ то-же время въ такомъ страшномъ видѣ онъ еще не видалъ во всю свою аскетическую практику, а графиня, между тѣмъ, достала бывшій у нея въ карманѣ волюмчикъ новаго французскаго романа и сѣла читать.

Что бы рѣшился предпринять еще далѣе противъ этого навожденія неопасливый келейникъ,—это неизвѣстно. Но, къ его счастью, затруднительному его положенію *поспѣшилъ* на помощь самъ дипломатическій владыка.

По разсказу графини, только-что она раскрыла свою книгу, какъ келейникъ стихъ, а въ противуположномъ концѣ зала *что-то зашуршало.*

— Я, говоритъ графиня, догадалась, что это, можетъ быть, *самъ онъ* идетъ на расправу съ моимъ сорванствомъ, но притворилась, что не замѣчаю его появленія, и продолжала смотрѣть въ книгу. Это его, конечно, немножко затрудняло, и я этимъ пользовалась. Онъ не дошелъ до меня на кадетскую дистанцію, т. е. шаговъ на шесть, и остановился. Я все продолжаю сидѣть и гляжу въ мою книгу, а сама вижу, что онъ все стоитъ и тихо потираетъ свои, какъ будто, зябнущія руки... Мнѣ стало жалко старика; и я перевернула листокъ и какъ-бы невзначай взглянула въ его сторону. Посмотрѣла на него, но не тронулась съ мѣста, дѣлая видъ, какъ будто и не подозрѣваю, что это самъ *онъ*. Это было для меня тѣмъ болѣе удобно, что онъ былъ въ одной легкой рясѣ и какомъ-то колпачкѣ.

— Увидавъ, что я смотрю на него (продолжаю словами графини), онъ пристально вперилъ въ меня свои проницательные сѣрые глазки и проговорилъ мягкимъ, замирающимъ полушопотомъ:

— Чѣмъ могу вамъ служить?

— Мнѣ нужно видѣть владыку, отвѣчала я, по прежнему не оставляя своего мѣста и своей книги.

— Я тотъ, кого вы желаете видѣть.

— А, въ такомъ случаѣ, я прошу у вашего высокопреосвященства благословенія и извиненія, что я васъ такъ настойчиво безпокою.

И, бросивъ на столъ мой волюмъ, я подошла подъ благословеніе: онъ благословилъ и скоро спряталъ руку, какъ бы не желая, чтобы я ее поцѣловала; но на мое

извиненіе не отвѣтилъ ни слова, а продолжалъ стоять столбушкомъ.

— О, нѣтъ же, подумала я себѣ, — такъ въ свѣтѣ не водится: объясненіе въ подобной позиціи мнѣ неудобно, и я, отодвинувъ отъ стола свое кресло, пригласила его преосвященство сѣсть на диванъ.

Онъ моргнулъ раза два глазами и проговорилъ:

— Я васъ слушаю.

— Нѣтъ, отвѣчала я,—вы извините меня, владыка: я не могу такъ съ вами говорить, чтобы я сидѣла, а вы меня слушали стоя. Усердно васъ прошу присѣсть и сидя меня выслушать.

При этомъ я, какъ бы опасаясь за его слабость, позволила себѣ подвести его за локоть къ дивану.

Онъ, не сопротивлялся и сѣлъ на диванъ, а я на кресло.

Мы оба, казалось, были изрядно взволнованы,—я его невниманіемъ, а онъ моимъ нахальствомъ, и оба нѣсколько времени молчали.

Я начала первая, и скоро, овладѣвъ собою, разсказала ему, кажется, о всѣхъ главнѣйшихъ обидахъ, какія терпятъ отъ его попа мои крестьяне, и просила, во что бы то ни стало, взять отъ насъ обидчика и дать вмѣсто него въ мое село лучшаго человѣка.

Во время всего этого разсказа я наблюдала владыку и видѣла, что онъ рѣшилъ себѣ ни за что не исполнить моей просьбы. И тутъ моя врожденная отцовская вспыльчивость сказалась во мнѣ до того рѣшительно, что я способна была наговорить ему такихъ вещей, о которыхъ, конечно, сама послѣ бы жалѣла. Но я собрала всѣ свои силы и ждала отвѣта, который послѣдовалъ неспѣшно и, по моимъ понятіямъ, въ высшей степени возмутительно.

Онъ опять началъ потирать свои руки, взмахнувъ вѣками, а потомъ опять ихъ опустилъ и опять взмахнулъ и тогда только заговорилъ съ медлительными разстановками:

— Я получилъ... ваши письма...

Воспользовавшись первою паузою, я замѣтила, что „сомнѣвалась въ судьбѣ моихъ писемъ и очень рада, что они дошли по назначенію“. А въ сущности это меня еще болѣе бѣсило.

— Да, они дошли, продолжалъ онъ, я опасаюсь, что вы вовлечены въ заблужденіе...

— О, будьте покойны, владыка, я не заблуждаюсь: все, что я вамъ писала и что теперь говорю, — это сущая правда.

— На духовенство... часто клевещутъ.

— Очень можетъ быть, но я сама была свидѣтельницею многихъ поступковъ этого нечестнаго человѣка.

При словахъ „нечестный человѣкъ“ владыка опять взмахнулъ вѣками и, остановивъ на мнѣ свои сѣрые глаза, укоризненно молчалъ. Но, видя, что я смотрю ему въ упоръ, и, можетъ быть, замѣтивъ, что во мнѣ хватитъ терпѣнія пересмотрѣть и перемолчать его, онъ произнесъ:

— И при собственномъ видѣніи... все еще возможна... ошибка.

— Нѣтъ, извините, владыка, — я знаю, что въ томъ, о чемъ я вамъ говорю, нѣтъ ошибки.

Онъ опять замолчалъ и потомъ произнесъ:

— Но я долженъ быть... въ этомъ удостовѣренъ.

— Что же вамъ угодно будетъ считать достаточнымъ удостовѣреніемъ?

— Я велю спросить благочиннаго и... тогда распоряжусь.

— Но это будетъ не скоро—и вы простите меня — я не думаю, чтобы благочинный, его родственникъ, былъ болѣе достовѣрнымъ свидѣтелемъ, чѣмъ я, дочь человѣка, извѣстную правдивость котораго цѣнилъ государь, или чѣмъ мои крестьяне, страдающіе отъ попа-лихоимца.

Отъ послѣдняго слова владыка пошевелился и, какъ бы желая встать, прошепталъ:

— Я чту память вашего родителя, но... дѣла должны идти въ своемъ порядкѣ.

— Такъ дайте хотя средство унять его какъ-нибудь, пока это дѣло будетъ переходить свои несносные порядки! сказала я, чувствуя, что болѣе не могу да и не хочу владѣть собою.

— Прикажите сказать ему,... моимъ именемъ, что мнѣ... о немъ доложено.

— Для него ничего не значитъ ваше имя.

Владыка остановилъ свои ручки, но терпѣливо отвѣтилъ:

— Это... не можетъ быть.

— Нѣтъ, извините: я не пріучена лгать и если я вамъ это говорю, то это, именно, такъ и есть. Я ему давно говорила, что буду вамъ жаловаться, но онъ отвѣчалъ: „Владыка намъ ни шьетъ, ни поретъ, а намъ пить-ѣсть надо“.

И только-что я это проговорила, какъ тихій голосъ владыки исчезъ и угасшій взглядъ его загорѣлся: онъ пристально воззрился на меня во всѣ глаза и, точно выростая съ дивана, какъ выдвижной великанъ въ циркѣ, произнесъ звучнымъ, сильнымъ и полнымъ голосомъ:

— *Онъ вамъ это сказалъ?!*

— Да, отвѣчала я, онъ сказалъ: „владыка намъ ни шьетъ, ни поретъ...“

И не успѣла я повторить всей фразы, какъ въ дрожащей рукѣ владыки судорожно зазвенѣлъ серебрянный колокольчикъ, и... я черезъ полчаса могла со станціи желѣзной дороги послать въ деревню извѣстіе, что корыстолюбивый попъ отъ насъ уже взятъ".

Этотъ незначительный случай, я думаю, можетъ показать, съ одной стороны, что наши владыки очень осторожны въ своихъ расправахъ съ духовенствомъ и склонны къ рѣшительнымъ мѣрамъ только тогда, когда узнаютъ о недостаткѣ субординаціонной почтительности въ іерархіи. Съ другой же стороны, отсюда можно видѣть, что, при всей прозорливости, нашихъ епископовъ, каковою по мнѣнію многихъ особенно отличался сейчасъ упомянутый святитель и они, эти высокоблагодатные люди, все-таки могутъ погрѣшать и быть жертвами своей довѣрчивости. Такъ это и случилось въ разсказанномъ мною случаѣ. Корыстолюбивый попъ, — виновный во множествѣ дурныхъ поступковъ,—не виноватъ былъ только въ томъ, что ему навязала приведенная въ азартъ графиня: *онъ никогда не говорилъ погубившихъ его словъ, что „владыка ему ни шьетъ, ни поретъ"*.

V.

Однако, если-бы предшествовавшій случай былъ поставленъ въ вину владыкѣ, который такъ незамѣтно попалъ въ женскія сѣти, то не надо забывать, что этихъ опасныхъ сѣтей иногда не избѣгали даже и такіе святые, которые творили чудеса еще за-живо. Но за то у насъ извѣстны и другіе епископы, которыхъ никакія жены не могли уловить въ свои сѣти. Одинъ изъ таковыхъ, напримѣръ, достойный Іоаннъ Смоленскій, о которомъ ходитъ слѣдующій анекдотъ.

Вскорѣ по прибытіи его въ Смоленскъ, даже едва-ли не послѣ первой, совершенной имъ тамъ, службы, двѣ мѣстныя „аристократки“ пожаловали въ его пріемную и приказали о себѣ доложить.

Архіерей, между тѣмъ, уже успѣлъ снять рясу и сѣлъ съ стакановъ чая къ своему рабочему столу, на которомъ, вѣроятно, написаны многія изъ его вдохновенныхъ и глубокихъ сочиненій.

Услыхавъ докладъ о посѣтившихъ его дамахъ, Іоаннъ удивился ихъ желанію его видѣть и, не оставляя своего мѣста, приказалъ докладчику спросить ихъ: „что имъ нужно?“

Тотъ вышелъ и черезъ минуту возвратился съ отвѣтомъ, что дамы пришли „за благословеніемъ“.

— Скажи имъ, что я сейчасъ всѣхъ благословилъ въ церкви.

Келейникъ пошелъ съ этимъ отвѣтомъ, но опять идетъ и докладываетъ, что — „дамы желаютъ особо благословиться“.

— Скажи имъ, что моего одного благословенія на всѣхъ достаточно.

Келейникъ пошелъ разъяснять безпредѣльность разширяемости архіерейскаго благословенія, но снова идетъ назадъ съ неудачею.

— Требуютъ, говоритъ, чтобы ихъ *особенно благословили*.

— Ну, скажи имъ, что я ихъ и особо благословляю и посылаю имъ это мое особое благословеніе чрезъ твое посредство.

Но келейникъ пошелъ и опять возвращается.

— Онѣ, докладываетъ, и теперь не уходятъ.

— Чего-же имъ еще нужно?

— Говорятъ, что желаютъ поученія.

— Попроси извинить, я усталъ, а поученіе имъ въ церкви скажу.

Но келейникъ опять возвращается.

— Еще что? спрашиваетъ епископъ.

— Недовольны: говорятъ, „мы для домашней бесѣды пришли.“

Преосвященный, продолжая оставаться за рабочимъ столомъ, протянулъ руку къ полкѣ, на которой у него складывались получаемыя имъ газеты, и взявъ два номера *„Домашней Бесѣды“* г. Аскоченскаго, сказалъ келейнику:

— Дай имъ поскорѣе „*Домашнюю Бесѣду*“ и скажи, что я тебѣ не позволяю мнѣ о нихъ болѣе докладывать.

Дамы удалились и никогда болѣе не возвращались для домашней бесѣды съ епископомъ, который за то съ этой поры сталъ слыть у нѣкоторыхъ смолянъ нелюдимымъ и даже грубымъ, хотя онъ, на самомъ дѣлѣ, таковымъ не былъ. По крайней мѣрѣ, люди, имѣвшіе счастіе знать его ближе, полны наилучшихъ воспоминаній о пріятности его прямаго, искренняго обхожденія и поражавшей всѣхъ прелести его смѣлаго и глубокаго ума и истинно-христіанской свободы мнѣній.

Повторяемый же въ разсказахъ о немъ вышеприведенный анекдотъ съ двумя смоленскими дамами, кажется, нѣтъ нужды относить къ *нелюдимству* покойнаго епископа. Его, можетъ-быть, скорѣе надо отнести къ тому чувству, какое должны были возбуждать въ этомъ умномъ человѣкѣ праздныя докуки, такъ называемыхъ, „архіерейскихъ барынь“, которыя, къ сожалѣнію и къ униженію своего пола, еще и до сихъ поръ въ изобиліи водятся повсюду, гдѣ есть владыки, склонные напрасно баловать ихъ своимъ вниманіемъ и тѣмъ поощрять и развивать въ нихъ суетность, нераспознающую благочестія отъ святошества.

Этотъ анекдотъ также долженъ относиться не къ укоризнѣ нашимъ епископамъ, а, напротивъ, къ похвалѣ ихъ проницательности, и онъ, по моему мнѣнію, прекрасно поясняетъ собою анекдотъ о пріемѣ, котораго достигла графиня В... Смоленскія дамы, докучавшія епископу, такъ сказать, по ханжеской *рутинѣ*, встрѣтили твердый отпоръ и были отосланы къ „*Бесѣдѣ*“ г. Аскоченскаго, а графиня В., настойчиво дѣйствовавшая *по*

вдохновенію, была принята и удовлетворена, какъ требовало дѣло.

Кто бы что ни говорилъ, но такая способность отстранить, съ твердостію, мертвящую рутину и отдать должное живому вдохновенію, конечно, говоритъ въ пользу, а не во вредъ того высокаго представленія, какое намъ пріятно имѣть о нашихъ іерархахъ, положеніе коихъ часто бываетъ очень трудно и очень непріятно. Въ обществѣ этого и не воображаютъ, потому что въ обществѣ не знаютъ множества тягостныхъ мелочей архіерейскаго обихода.

VI.

Дамы, даже очень благочестивыя, не исключая принявшихъ санъ „ангельскій“, имѣютъ удивительную способность доводить нашихъ святителей до прегрѣшеній, которыхъ тѣ, по своей извѣстной праведности, конечно, ни за что бы безъ женской докуки не сдѣлали. Такъ, напр., о покойномъ „Русскомъ Златоустѣ“ Иннокентіи таврическомъ (Борисовѣ) извѣстно, что онъ былъ человѣкъ не только умный и даровитый, но и до того свободомысленный, что, бывши кіевскимъ ректоромъ, прощалъ и покрывалъ грубыя, кощунственныя выходки В. И. Аскоченскаго, а въ письмахъ своихъ къ Максимовичу, даже прежде Флуранса, вступался за „душу бѣдныхъ животныхъ“. Анекдотовъ о его либерализмѣ было много, и они достовѣрны, хотя добрая ихъ половина свидѣтельствуетъ, что этотъ замѣчательный человѣкъ былъ несвободенъ отъ нѣкотораго, въ своемъ родѣ, хлыщеватаго фатовства *). Однако все это можно совмѣстить и помирить

*) Такъ напр. едва-ли многіе знаютъ, что изумлявшая современниковъ *разносторонность* свѣдѣній пр. Иннокентія часто почерпалась имъ на краткосрочное подержаніе изъ карманной французской *Энциклопедіи мыслей*. Русскій Златоустъ, отправляясь куда-либо, гдѣ ему предстояло блеснуть, подготовлялся по этой книжкѣ, которая, говорятъ, и найдена въ столѣ преосвященнаго послѣ его смерти. „Воспитаньемъ, слава Богу, у насъ не мудрено блеснуть“.

съ многосторонностію увлекавшейся художественной натуры Иннокентія. Но вотъ чему совершенно трудно повѣрить это— что высокопреосвященный либералъ Иннокентій могъ хоть разъ въ жизни драться и, притомъ, дрался весьма демократически, сердитѣе и азартнѣе прославившагося въ этомъ дѣлѣ Смарагда или, блаженной памяти, уфимскаго Августина, который говорятъ, бивалъ, архимандрита Филарета Амфитеатрова, бывшаго впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ. И что-же: кто довелъ до такого поступка нашего даровитѣйшаго витію Иннокентія? Женщина и, вдобавокъ, инокиня, и даже игуменья.

Одинъ сотрудникъ пр. Иннокентія по переводу богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ, разсказывалъ мнѣ и многимъ другимъ слѣдующую энергическую расправу „русскаго Златоуста". Владыка Иннокентій служилъ какъ-то въ вологодскомъ или въ Устюжскомъ женскомъ монастырѣ, сестры котораго вмѣстѣ съ своею игуменьею поднесли ему за это довольно цѣнный образъ. Зная скудость средствъ бѣдной обители, Иннокентій не захотѣлъ принять этого цѣннаго и, притомъ, ему совершенно ненужнаго подарка. Онъ усердно поблагодарилъ мать игуменью и сестеръ, но икону просилъ ихъ оставить у себя, можетъ быть, въ надеждѣ, что онѣ найдутъ какъ-нибудь средство реализировать произведенныя на нее затраты: поступокъ, конечно, благоразумный и вполнѣ достойный памяти Иннокентія. Послушайся благочестивыя сестры обители своего добраго и резоннаго архипастыря, — все бы прекрасно и обошлось. Но имъ это пришлось не по обычаю, и онѣ таки доставили образъ въ архіерейскій домъ, гдѣ одна изъ именуемыхъ петровскимъ регламен-

томъ „несытыхъ архіерейскихъ скотинъ“, за извѣстную мзду, взялась тотъ образъ передать владыкѣ и, яко-бы, это и исполнила. Благочестивыя сестры добились своего и успокоились.

Прошло не мало времени; владыка занимается своими учеными трудами и свѣряетъ съ сотрудникомъ зырянскія книги, какъ вдругъ однажды ему понадобился его келейникъ, который, какъ на грѣхъ, на ту пору отлучился и не явился по владычному зову. Сотрудникъ хотѣлъ пойти и позвать его, но живой Иннокентій предупредилъ и самъ прошелъ въ келейницкую, гдѣ думалъ застать своего служку спящимъ. Но келейника онъ тутъ не нашелъ, а за то нашелъ на его стѣнѣ знакомый образъ, сооруженія сестеръ вологодской обители. Владыка вскипѣлъ и, призвавъ келейника, сію же минуту *избилъ* его не только руками, но и *ногами*. Раздраженный епископъ билъ взяточника до изнеможенія силъ и, преставъ отъ сего дѣланія, сейчасъ же послалъ сію самую „несытую скотину“ отнести игуменьѣ образъ, которымъ эта назойливая женщина, по своему непослушанію и упрямству, довела своего владыку до такого гнѣва, что онъ, по словамъ очевидца, „несмотря на свой досадительно-малый ростъ, являлъ энергію и силу Великаго Петра“.

Поступокъ, конечно, горячій и не архипастырскій, но не нужно и не должно забывать, что все это происходило въ оныя, относительно, недавнія времена, когда считалось неблаговиднымъ, чтобы духовный правитель имѣлъ у себя даже для чистки сапогъ и другихъ домашнихъ услугъ простаго наемнаго человѣка, который удобнѣе тѣмъ, что онъ привычнѣе къ лакейскому дѣлу и не пользуется въ глазахъ невѣждъ авторитетомъ лакея монашествующаго. Нѣтъ, архіерей непремѣнно долженъ

былъ терпѣть при себѣ если не ту, такъ другую „несытую скотину“, облеченную въ долгую одежду и препоясанную по чресламъ поясомъ усменнымъ. Этого требовалъ этикетъ владычныхъ домовъ, объ упраздненіи котораго, впрочемъ, еще и понынѣ скорбятъ многіе русскіе ханжи и пустосвяты.

Теперь все это уже отошло въ область минувшаго: нынче уже не слыхать, чтобы архіереи дрались; вѣроятно, они не дерутся, да и не будутъ впередъ драться. *) И въ этомъ опять нельзя не видѣть ихъ важнаго преимущества передъ всѣми обыкновенными смертными: обыкновенные люди, на Руси, по общимъ примѣтамъ, посмирнѣли со времени введенія мировыхъ учрежденій,—говоря простымъ языкомъ, они „испугались мироваго“, но архіерею мировой не страшенъ. Если-бы случилось, что нынче кого-нибудь прибилъ-бы архіерей, то побитый напрасно пошелъ-бы жаловаться къ мировому,—мировой архіерею не судья. Архіерей превыше суда мірскаго и потому страховъ его не страшится и не боится. **) Всеобщій русскій укротитель, нашъ мировой, несомнѣнно, не укрощалъ ни одного архіерея,—архіерей самъ себя укротилъ и засмирѣлъ. Отчего же это? Что такъ благодѣтельно подѣйствовало на архіерейскіе нравы? Нѣкоторые указы-

*) Слова эти къ крайнему моему удивленію вызвали самое неожиданное опроверженіе изъ Москвы, гдѣ какъ нарочно на этотъ грѣхъ одинъ изъ тамошнихъ святителей въ Октябрѣ м. 1879 г. „избилъ въ кровь какого-то монаха, отца Меркурія“.—Такая опрометчивость съ моей стороны поставлена газетами мнѣ на видъ (*Новости* 4 Ноября 1878 г. № 282) и я долженъ повиниться, что никакихъ оправданій принести не могу. Я думалъ, что архіереи не будутъ болѣе драться, но теперь вижу, что ошибся.

**) Происшествіе съ московскимъ о. Меркуріемъ это подтвердило. О. Меркурій, какъ писано о немъ, не пашель никакой справы на избившаго его святителя. Извѣстіе это въ органѣ св. Сунода, сколько я знаю, не опровергнуто.

яаютъ, какъ на причинное въ этомъ событіе-соборную исторію калужскаго епископа Григорія, котораго кинулся бить недовольный имъ дьячекъ. Но это, очевидно, такое же случайное происшествіе, какъ и другая соборная исторія кіевская, когда была провозглашена анаѳема, епископу Филарету Филаретову (нынѣшнему рижскому) и третья исторія въ петербургскомъ соборѣ съ викаріемъ Добронравинымъ, въ котораго былъ брошенъ камень. Все это происшествія чисто случайнаго характера, каковыя бывали и прежде, но на архіереевъ не производили нынѣшняго отраднаго вліянія. * А потому въ замѣтномъ нынѣшнемъ самоукрощеніи особъ этого сана, я думаю, нельзя считать виновниками раздражительныхъ маньяковъ, возглашающихъ архіереямъ анаѳемы или мечущихъ въ нихъ камни. Мнѣ кажется, что, можетъ-быть, гораздо основательнѣе видѣть здѣсь вліяніе общаго *духа времени*, который, какъ бы онъ кѣмъ ни понимался и ни истолковывался, но, по прекрасному выраженію И. С. Тургенева, оказываетъ на всѣхъ неодолимое давленіе, побуждая всякое величіе *опрощаться*. Правда, что нѣкоторые изъ особъ гражданскихъ и военныхъ до сихъ поръ еще какъ бы этого не чувствуютъ, и, опять по выраженію того-же Тургенева, продолжаютъ въ военномъ генеральствѣ „хрипѣть“, а въ статскомъ „гундосить“; но архіереевъ и нельзя ставить

*) Охотники видѣть во всякой такой случайности что-то „систематическое“ забываютъ Харьковскій случай, когда анаѳему архіерею хватилъ посреди собора въ день православія его же соборный протодіаконъ. Но тутъ систематическаго было только то, что прежде, чѣмъ хватить анаѳему своему архіерею отецъ протодіаконъ хватилъ дома что-то другое, безъ чего будто-бы этимъ особамъ „нельзя выкричать большое служеніе.“ Епископъ Филаретъ (историкъ церкви) котораго это всѣхъ ближе касалось, однако очевидно не считалъ это ни за что систематическое: онъ хотя и наказалъ виновнаго, но не строго и не мстительно.

съ этими на одну доску; такъ-какъ между архіереями, не смотря на ихъ владычное своенравіе, всегда были и есть люди, по преимуществу, умные, и потому ни мало не удивительно, что истина жизни ими почувствована сильнѣе, чѣмъ другими. Тотъ бы глубоко заблуждался, кто хотѣлъ бы настаивать, будто архіереи измѣнились поневолѣ и съ напуга. У нихъ не можетъ быть никакого напуга. Живой русскій тактъ, присущій этимъ людямъ, выросшимъ на русскихъ поповкахъ и погостахъ, даетъ имъ вѣрную оцѣнку всякихъ событій, въ которыхъ, несмотря на ихъ порою суматошный характеръ, нѣтъ ничего способнаго напугать настоящаго русскаго человѣка, знающаго Русь, какъ она есть. Нѣтъ, архіереи *опростились* просто потому, что все живое и все желающее еще жить теперь опрощается, по неодолимому закону событій, которыхъ никакія искусственные дѣятели не могутъ ни остановить, ни направить по иному направленію. Такъ называемый *престижъ* потерялся въ заботахъ тяглой жизни, и его не только не для чего искать, но даже и не у кого болѣе искать. Даже тѣ, которые были окутаны этимъ *престижемъ* съ ногъ до головы, и тѣмъ „сіе оружіе оскудѣша въ конецъ“. Остается еще какое-то русско-татарское кочевряженье, но и оно уже никому не внушаетъ ни почтенія, ни страха. „Жизнь, по выраженію поэта (И. С. Никитина), изнываетъ въ заботѣ о хлѣбѣ“.

Русь хочетъ *устроиваться, а не великатиться*, и измѣнить ея настроеніе въ противоположномъ духѣ *невозможно*. Кто этого не понимаетъ, о томъ можно *только жалѣть*...

Понимать свое время и умѣть дѣйствовать въ немъ сообразно лучшимъ его запросамъ — это не значитъ ра-

болѣнствовать волѣ массъ; нѣтъ, это значитъ только чувствовать потребность „одной съ ними жизнью дышать и внимать ихъ сердецъ трепетанью“. И наши лучшіе архіереи этого хотятъ. Откидывая насильственно къ нимъ привитой и никогда имъ не шедшій византійскій этикетъ, они сами хотятъ *опроститься* порусски и стать людьми народными, съ которыми, по крайней мѣрѣ, отраднѣе будетъ ждать какихъ-либо *настоящихъ* мѣръ, способныхъ утолить нашу религіозную истому и возвратить изнемогшей вѣрѣ русскихъ людей духъ животворящій.

Затѣмъ, снова продолжаемъ передвигать нашу портретную галлерею, открывая новое ея отдѣленіе лицами инаго „благоувѣтливаго“ характера.

VII.

Самая неукротимая, желчная раздражительность оныхъ „бывыхъ“ епископовъ ни какъ не можетъ быть строго осуждаема, безъ вниманія къ нѣкоторымъ тяжкимъ условіямъ ихъ, повидимому, счастливаго и даже, будто-бы, завиднаго положенія. Теперь, когда, благодаря новому порядку вещей, въ судахъ резонно и основательно ищутъ снисхожденія, а иногда и полнаго оправданія преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ состояніи болѣзненнаго раздраженія, вызваннаго ненормальностію функцій организма несправедливо и жестоко было-бы не примѣнить этого, хотя въ нѣкоторой степени, къ людямъ, осужденнымъ вести жизнь самую вредную для своего здоровья, отъ котораго, по увѣреніямъ ученыхъ врачей, весьма много зависитъ и расположеніе духа, и сила самообладанія.

Я смѣю думать, что такое вниманіе было-бы со стороны общества только справедливостью, въ которой оно не должно отказывать никому, въ какомъ-бы онъ ни находился званіи. И причину думать такимъ образомъ я имѣю на основаніи словъ одного очень умнаго и прямодушнаго архіерея, о которомъ мы сейчасъ будемъ бесѣдовать.

Но прежде скажу два слова о нелѣпомъ представле-

ніи, существующемъ у многихъ людей, о такъ называемомъ „архіерейскомъ счастіи“ и о „привольностяхъ владычной жизни“, которая на самомъ дѣлѣ гораздо грустнѣе, чѣмъ думаютъ.

Надо признаться, что русскіе міряне, часто ропща и негодуя на своихъ духовныхъ владыкъ, совсѣмъ не умѣютъ себѣ представить многихъ тягостей ихъ житейской обстановки и понять значеніе тѣхъ условій, отъ которыхъ владыки *не могутъ освободиться*, какова бы ни была личная энергія, ихъ одушевляющая. Такъ называемые, „свѣтскіе люди“ видятъ только одну сторону епископскаго житья,—такъ сказать, „казовой его конецъ“, а никогда не промѣряли всей матеріи. Въ нѣкоторыхъ мірскихъ кружкахъ, гдѣ сужденія особенно неразборчивы, но смѣлы, считаютъ „архіерейское житье“ верхомъ счастія и блаженства. Простолюдины, напримѣръ, говорятъ обыкновенно о томъ, „какія важныя рыбы архіереи ѣдятъ, и какъ поѣвши зобовъ не просиживаютъ“. А между тѣмъ, какая мука и досада хоть бы съ этимъ „счастіемъ“ „ѣсть“ и съѣденнаго „непросиживать“. *)

*) Впрочемъ въ самомъ сказаніи объ архіерейскихъ рыбахъ тоже не мало преувеличеннаго и даже баснословнаго. Такъ на прим., разсказываютъ въ народѣ, будто на „коренную“ ярмарку (подъ Курскомъ) съѣзжаются архіерейскіе повара и отбираютъ для своихъ владыкъ „всю головку“, т. е. весь первый сортъ проковой копченой и вяленой рыбы, преимущественно бѣлужьяго и осетроваго балыка; но, разумѣется, все это вздоръ. Встарь, говорятъ, что-то такое бывало, но уже давно минуло. Встарь, какъ видно и изъ записокъ Гавр. Добрынина, между архіереями, дѣйствительно, бывали не только любители, но и знатоки тонкаго рыбнаго стола; но въ наше время и этотъ слѣдъ иноческаго аристократизма исчезъ. Нынѣшніе епископы плохіе гурмандисты: настоящій архіерейскій вкусъ къ тонкимъ рыбамъ у нихъ утраченъ и, живя, по простотѣ, они и кушать стали простую, но болѣе здоровую пищу, какую вкушаютъ всѣ люди здраваго ума и скромнаго достатка. Дорогіе рыбные

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ епископовъ, извѣстный уже своими литературными трудами, усердно воздѣлывалъ садъ при своемъ архіерейскомъ домѣ. Гостя лѣто въ томъ городѣ и часто посѣщая его преосвященство. я почти всегда заставалъ его или за граблями, или за лопатой и разъ спросилъ: съ какихъ поръ онъ сдѣлался такимъ страстнымъ садоводомъ?

— Ничуть не бывало, отвѣчалъ онъ я вовсе не люблю садоводства.

— А зачѣмъ же вы всегда трудитесь въ саду?

— Это по необходимости.

Я полюбопытствовалъ узнать: по какой необходимости?

— А по такой, отвѣчалъ онъ, что съ тѣхъ поръ, какъ, учинившись архіереемъ, я лишонъ *права двигаться*, то началъ страдать невыносимыми головными болями; жирѣю какъ каплунъ и того и гляжу, что меня кондрашка стукнетъ.

Взаправду: кто изъ всѣхъ смертныхъ, не исключая даже колодниковъ, можетъ считать себя лишеннымъ такого важнаго и необходимаго права, какъ *„право двигаться?“* Кажется никто... кромѣ русскаго архіерея. Это его ужасная привиллегія: ему *нельзя выйдти* за ворота своего двора, а позволяется только *выѣхать*, и то не на одномъ и даже не на двухъ, а непремѣнно на четырехъ животныхъ, да еще, пожалуй, подъ трезвонъ колоколовъ.

Надо пожить въ такомъ положеніи, чтобы понять, до чего оно тягостно и какъ вредно оно отзывается на всемъ

столы у архіереевъ теперь бываютъ рѣдко и то только для дорогихъ гостей,—сами же они, въ своемъ уединеніи, рыбы себѣ не заготовляютъ, а кушаютъ, большею частію, одно... грибное. Нѣкоторые епископы теперь даже берутъ для себя столъ по-просту изъ кухмистерскихъ, гдѣ питается всякій „разночинецъ.“

организмѣ. Сколько силъ и способностей, можетъ быть, погибло жертвою одной этой привиллегіи? И какъ тяготятся этою привиллегіею многіе изъ тѣхъ, которымъ завидуютъ люди, считающіе блаженствомъ „ѣсть и не просиживать зоба“.

Мой ближайшій родственникъ, довольно извѣстный врачъ, *спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ*, живетъ въ г. К., въ собственномъ домѣ, бокъ о бокъ съ М. монастыремъ, гдѣ обыкновенно проживаетъ мѣстный викарный епископъ. По своей акушерской практикѣ родственникъ мой никакихъ сношеній съ своими черными сосѣдями не имѣлъ и не надѣялся практиковать у нихъ, но вотъ, однажды, темною осеннею ночью, (лѣтъ пять, шесть тому назадъ) къ нему, звонится монахъ и, во что бы то ни стало, проситъ его поспѣшить на помощь къ преосвященному.

Докторъ подумалъ, что монахъ ошибся дверями, и приказалъ слугѣ разъяснить иноку, что онъ врачъ-акушеръ и для епископа не годится. Но слуга, вышедшій къ монаху съ этимъ отвѣтомъ, возвращается назадъ и говоритъ, что монахъ не ошибся, что онъ, именно, присланъ къ моему родственнику, котораго владыка проситъ придти какъ можно скорѣе, потому что ему очень худо.

— Что же такое съ нимъ? спрашиваетъ докторъ.

— Очень худо, говоритъ: въ животѣ что-то разнесло.

— Ну, думаетъ акушеръ если дѣло въ животѣ, такъ это уже недалеко отъ моей спеціальности, — и пошелъ, какъ всегда ходитъ къ требующимъ его помощи, съ мѣшкомъ своихъ акушерскихъ снастей и снарядовъ. Мы, было отсовѣтывали ему не заносить въ монастырь этого духа, но онъ не послушался:

— Надо взять, говоритъ: я безъ нихъ, какъ безъ рукъ. И онъ отлично сдѣлалъ, что настоялъ на своемъ.

Возвращается онъ назадъ передъ самымъ утромъ, съ ароматною сигарою въ зубахъ, и смѣется.

Разспрашиваемъ его: гдѣ былъ?

— Да, дѣйствительно, говоритъ, былъ у архіерея.

— А кому же у него помогалъ?

— Да ему же и помогалъ.

— Неужели, спрашиваемъ, и инструменты не даромъ бралъ?

— Да, говоритъ: одна инструментина пригодилась, и разсказываетъ, вообще слѣдующее:

— Прихожу, говоритъ, въ спальню и вижу — архіерей лежитъ и стонетъ:

— „Охъ, докторъ! какъ вы медлите... мнѣ худо“.

Я ему отвѣчаю: „Извините, владыка, вѣдь я акушеръ и лечу спеціально однѣхъ женщинъ“. А онъ говоритъ:

— „Ахъ, полноте, пожалуйста: есть-ли когда теперь это разбирать,—да у меня, можетъ быть, и болѣзнь-то женская“.

— Что же у васъ такое?

— „Брюхо вспучило—совсѣмъ задыхаюсь“.

— И вижу, говоритъ докторъ, онъ дѣйствительно такъ тяжело дышетъ, что даже весь побагровѣлъ и глазами нехорошо водитъ; а въ брюхѣ, гдѣ ни постучу, все страшно вздуто.

— У васъ, говорю, все это газами полно, — и ничего болѣе.

— „Да я и самъ, отвѣчаетъ, думалъ, что въ иномъ-то ни въ чемъ вы меня не обличите, а только помогайте“.

— Желудокъ надо скорѣе очистить, сказалъ докторъ.

— „И не трудитесь: все напрасно: одеревенѣлъ и не чистится".

И архіерей назвалъ самыя сильнѣйшія слабительныя, которыя онъ (самъ изрядный знатокъ медицины) употреблялъ, но все безполезно.

— Худо, молвилъ акушеръ.

— „Да-съ, отвѣчалъ епископъ: совсѣмъ весь свой аппаратъ испортилъ. Хоть ничего не ѣшь и не пей, а все его не убережешь въ этой не человѣческой жизни. Но теперь... умоляю.... хоть какую нибудь струменцію что ли въ ходъ пустить, только бы полегчало.

Тутъ-то и пригодилась инструментина изъ акушерскаго ридикуля, а послѣ принесеннаго ею быстраго облегченія насталъ пріятный разговоръ, начавшійся съ того, что врачъ сказалъ облегченному святителю, что онъ ему не будетъ ничего прописывать, потому что болѣзнь его не отъ случайной неумѣренности, а отъ недостатка воздуха и движенія, но что состояніе его, обусловливаемое этими причинами, очень серьезно и угрожаетъ его жизни.

— „Ахъ, говоритъ архіерей: я съ вами согласенъ. Но что же вы мнѣ посовѣтуете?

— Больше ходить по воздуху, преимущественно по горкамъ, которыхъ у насъ такъ много.

— „Какъ же, какъ же... прекрасно; да еще бы, можетъ быть, часа полтора въ сутки верхомъ на конѣ поѣздить?

— Это бы очень полезно.

— „Сядьте же, дорогой сосѣдъ, поскорѣе къ моему столу и напишите мнѣ все это, по старой формулѣ „Cum Deo".

— Зачѣмъ же это писать, когда я вамъ это такъ ясно сказалъ.

— „Да мало ли что вы мнѣ сказали! Я и самъ безъ васъ все это знаю. Нѣтъ, а вы мнѣ это напишите, а я попробую въ сѵнодъ просьбу послать и приложу вашъ рецептъ: не разрѣшатъ ли мнѣ, хоть *ради спасенія жизни, часа два въ день по улицѣ пѣшкомъ ходить?* Но нѣтъ, впрочемъ, не хочу васъ напрасно и затруднять, не пишите. И св. сѵнодъ мнѣ такой льготы не разрѣшитъ, да и благочестивые люди мнѣ не дадутъ пѣшкомъ ходить: все подъ благословеніе будутъ становиться. Другое бы дѣло верхомъ ѣздить, я это и люблю, и когда-то много на Востокѣ на конѣ ѣздилъ, и тогда никакихъ этихъ припадковъ не зналъ, но на Востокѣ нашъ братъ счастливѣе,—тамъ при туркахъ проще можно жить и свободнѣе можно двигаться.

— Ну, вы бы, говоритъ докторъ, какъ нибудь у себя дома устроили себѣ моціонъ.

— „Лѣтомъ, когда садъ открытъ,—я хожу по саду. Хоть и скучно все по одному мѣсту топотать, но топочу. А вотъ, какъ придетъ осень съ дождями, такъ и сѣлъ. Куда же въ топь-то лѣзть? А на дворѣ на мощеныя дорожки выйти—опять благословляться пристанутъ. И сижу въ комнатѣ. Зима, всѣ дни дома, и весь весенній ранокъ тоже дома. Вотъ вы и посчитайте: много ли архіерею по воздуху-то можно ходить?

— У васъ по монастырскому двору зимою дорожки есть.

— „Какъ же: есть,—только мнѣ-то по нимъ ходить нельзя.

— Отчего же?

— „Санъ великъ ношу: монахи будутъ стѣсняться со мною гулять, да и мнѣ, скажутъ, не пристойно съ ними панибратствовать; а потомъ благочестивцы прознаютъ, что архіерей наружи ходитъ, за благословеніемъ одолѣ-

ютъ. Словомъ, безпокойство поднимется: даже мой монастырскій журавль и конюшенный козелъ, которые нынче имѣютъ передо мною привиллегію разгуливать по той дорожкѣ,—и они почувствуютъ стѣсненіе отъ моего появленія на воздухъ. Какой же вы мнѣ иной, болѣе подвижный, образъ жизни можете указать?

Врачъ развелъ руками и отвѣчалъ:

— Никакого.

— А вотъ, то-то и есть, что „никакого“. Я давно говорю, что мы, архіереи, самые, можетъ быть, безпомощные и даже совсѣмъ пропащіе люди, если за насъ медицина не заступится.

— Медицина? повторилъ врачъ,—ну, ваше преосвященство, врядъ-ли вы отъ насъ этого дождетесь.

— А почему?

— Да вѣдь мы не набожны... Скорѣе набожные люди пусть за васъ заступятся.

— Такъ-то и было! Экъ вы куда хватили! — набожные-то это и есть наши губители. Передъ ними архіерей, наѣвшись постной сырости, рыгнетъ, а тотъ это за благодать принимаетъ, — говоритъ, будто „душа съ Богомъ бесѣдуетъ“, когда она совсѣмъ ни съ кѣмъ не бесѣдуетъ, а просто отъ тѣсноты на воздухъ просится. Нѣтъ! медицина, государь мой, одна медицина можетъ насъ спасти и она тутъ не выйдетъ изъ своей роли. Медицина должна нами заняться не для насъ и не для благочестія, а для обогащенія науки.

— Какую же услугу можетъ оказать медицинѣ занятіе архіереями? Это очень интересно.

— Очень интересно-съ! Медицина черезъ насъ можетъ обогатить науку открытіями. Я вотъ, за столько лѣтъ моихъ кишечныхъ страданій, очень зорко слѣжу

за всѣми новыми медицинскими диссертаціями и все удивляюсь: что они за негодныя и неинтересныя темы берутъ! Тотъ пишетъ о лучистомъ эпителіѣ, другой—о послѣ-родовомъ послѣдѣ, словомъ, все о томъ, что выплевывается да извергается, а нѣтъ того, чтобы кто-нибудь написалъ диссертацію, напримѣръ, „объ архіерейскихъ запорахъ“. А это было бы и ново, и оригинально, и вполнѣ современно, да и для человѣчества полезно, потому что мы, освѣжившись, сдѣлались бы добрѣе... Намекнуть бы только объ этомъ надо гдѣ-нибудь въ газетахъ, а то навѣрное найдется умный медикъ, который за это схватится. И ужъ какая бы къ нему отборная, духовная публика на диспутъ съѣхалась и какую бы онъ себѣ выгодную практику приготовилъ, спеціализовавшись по этому предмету. А наше начальство, увидавъ изъ этого разсужденія доказательства: отчего родъ преподобныхъ наиболѣе страждетъ и умаляется, можетъ быть, смилостивилось бы и позволило бы намъ ходить пѣшкомъ по улицѣ. И, можетъ быть, тогда и люди-то къ намъ больше привыкать бы стали, и начались бы другія отношенія, — не чета нынѣшнимъ, оканчивающимся раздаяніемъ благословеній. Право, такъ! Я или другой архіерей, ходя межь людьми, можетъ быть кого-нибудь чему-нибудь доброму бы научилъ, и воздержалъ бы, и посовѣтывалъ. А то что въ насъ кому за польза? Пожалуйста, докторъ, поверните насъ на пользу науки и пустите объ этомъ, промежду своими, словечко за насъ — *запорниковъ* *).

*) Лица, имѣющія какія-либо сношенія съ спеціальными медицинскими органами, можетъ быть дѣйствительно принесли-бы нѣкоторую пользу человѣчеству, если-бы не пренебрегли точно мною передаваемымъ мнѣніемъ епископа объ особенномъ характерѣ ихъ, такъ сказать, сословнаго недуга. Можетъ быть, гг. медики убѣдили-бы общество и начальство, что такъ людямъ жить нельзя.

И больной съ докторомъ, пошутивъ, весело разстались.

А между тѣмъ, подумайте, читатель: сколько горькаго въ этой шуткѣ, которою отводитъ свою досаду русскій человѣкъ свѣтскаго и духовнаго чина? сколько въ томъ, что онъ осмѣиваетъ, чего-то напраснаго, обременяющаго и осложняющаго жизнь невыносимыми условіями, которыя, чуть не цѣлые вѣка, стоятъ неизмѣнными только потому, что никто не хочетъ понять ихъ тяжесть и снять съ людей „бремена тяжкія и неудобоносимыя“....

Положимъ, что наше облагодатствованное духовенство невозможно ставить на одну доску съ какими-нибудь совсѣмъ безблагодатными протестантскими пасторами, которые ходятъ повсюду, куда можно ходить честному человѣку; но если даже сравнить положеніе нашего епископа съ положеніемъ лица соотвѣтственнаго сана римской церкви, то на сколько свободнѣе окажется въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ даже римскій епископъ? Этотъ не только можетъ проѣхать къ знакомому мірянину безъ звона и на простомъ извозчикѣ, но онъ посѣщаетъ безвредно для себя и для церкви музеи, выставки, концерты, самъ покупаетъ для себя книги, а съ однимъ изъ таковыхъ, еп. Г—мъ, большимъ любителемъ стариннаго искусства, я даже неразъ хаживалъ къ букинистамъ на петербургскій Апраксинъ дворъ, и все это не вредило ни сану епископа, ни его доброй репутаціи, ни римской церкви.

Почему-же нашъ епископъ лишенъ этой свободы, и почему лишеніе это идетъ, напримѣръ, такъ далеко, что когда одинъ изъ русскихъ епископовъ, человѣкъ весьма ученый и литературный, пожелалъ заниматься наряду

съ другими людьми въ залахъ публичной библіотеки, то говорили, будто это было найдено нѣкоторыми широко разставленными людьми за непристойность и даже за „фанфаронскую браваду“ (два слова, и оба не русскія).... Мы такъ не привыкли, чтобы наши епископы пользовались хотя-бы самою позволительною свободою, что приходимъ въ недоумѣніе, если встрѣчаемъ ихъ гдѣ-нибудь запросто. Я помню, какъ, однажды, покойный книгопродавецъ Николай Петровичъ Кораблевъ (вмѣсто котораго, по газетнымъ извѣстіямъ, вѣроятно изъ вѣжливости, преждевременно былъ зачисленъ умершимъ его товарищъ Сиряковъ) встрѣтилъ меня въ самомъ возбужденномъ состояніи и съ живостью и смущеніемъ возвѣстилъ, что къ нимъ въ магазинъ *заходилъ епископъ!* Но и то это было еще во время оно; да и епископъ тотъ былъ краса нашей церковной учености, трудолюбивый Макарій литовскій....

Въ обществѣ о такомъ „укрывательствѣ архіереевъ“ думаютъ различно: одни находятъ, что этого, будто, „требуетъ санъ“, а другіе утверждаютъ, что санъ тутъ ни причемъ, и, ссылаясь на простоту и общедоступность “оныхъ давніихъ архіереевъ“, склонны винить въ отчужденіи архіереевъ отъ міра, такъ называемую, „византійскую рутину“, или, наконецъ, кичливость самыхъ архіереевъ, которымъ, будто-бы, особенно нравится сидѣть во свѣтѣ неприступнѣмъ и ѣздить на шести животныхъ.

Можетъ быть, что все это качествуетъ въ своемъ родѣ, склоняя дѣло къ одному положенію: но есть и *нѣчто*, какъ мнѣ кажется, еще болѣе дѣйственное. Довольно общее и, притомъ, не безосновательное убѣжденіе таково, что православные любятъ пышное велелѣпіе

своихъ духовныхъ владыкъ и едва-ли могли-бы снести безъ смущенія ихъ „опрощеніе“. Объ этомъ даже очень недавно говорилъ „*Голосъ*“ по поводу непріятности, случившейся съ епископомъ Гермогеномъ въ Исакіевскомъ соборѣ. Однако, впрочемъ, по игрѣ случая сказано это было въ томъ-же самомъ нумерѣ, гдѣ говорилось, что въ оное время всѣ газеты, будто-бы, писали не то, что думали. Но и на самомъ дѣлѣ, православные, дѣйствительно, до того любятъ велелѣпіе владыкъ, что даже при расписываніи своихъ храмовъ, на изображаемыхъ по западной стѣнѣ картинахъ страшнаго суда, настойчиво требуютъ, чтобы въ разинутой огненной пасти геенны цѣпью дьявола, обнимающаго корыстолюбиваго Іуду, было непремѣнно прихвачено и нѣсколько архіереевъ *въ полномъ облаченіи**). Любовь къ пышности, мнѣ кажется, несомнѣнна, и она не ограничивается, требованіемъ пышности только въ служеніи. Есть православные, которымъ, какъ будто, нужно, чтобы ихъ архіереи и внѣ храма вели себя по-важнѣе, — чтобы они ѣздили не иначе, какъ „въ простяжъ“, по крайней мѣрѣ четверкою, „гласили томно“ и „благословляли авантажно“, и чтобы при этомъ показывались не часто, и чтобы доступить до нихъ можно было не иначе, какъ „съ подходцемъ“. Напрасно было-бы оспаривать, что все это дѣйствительно такъ; но

---

*) Когда въ Орлѣ въ дни моего отрочества расписывали церковь Никитія, и я ходилъ туда любоваться искусствомъ мѣстныхъ художниковъ, то одинъ изъ таковыхъ, высоко разумѣя о своемъ дарованіи, которое будто-бы, позволяло ему «однимъ почеркомъ написать двѣнадцать апостоловъ», говорилъ, что, будто, ему разъ одинъ церковный староста далъ десять цѣлковыхъ на шабашку, чтобы онъ поставилъ въ аду за цѣпь къ Іудѣ Смарагда, и что онъ, будто-бы, это отлично исполнилъ. «Сходства, говоритъ, лишняго не вышло, а при томъ всѣ однако понимали, что это нашъ Тигръ-Ефратовичъ».

едва-ли можно было-бы доказать, что такое „любленіе“ пышности выражаетъ любовь къ лицамъ, отъ которыхъ она требуется, и укрѣпляетъ уваженіе къ ихъ высокому сану. Совсѣмъ нѣтъ; въ этомъ желаніи православныхъ „превозвышать“ своихъ архіереевъ есть живое сродство съ извѣстнымъ съ рыцарскихъ временъ „обожаніемъ женщинъ“, которое отнюдь не выражало собою ни любви, ни уваженія рыцарей къ дамамъ: дамы отъ этого „обожанія“ только страдали, въ томительной зависимости. Пышность архіереевъ не создала имъ народнаго почтенія. Не говоря о скверныхъ цѣсняхъ и сказкахъ, сложенныхъ русскими насчетъ архіереевъ, и не считая извѣстныхъ лубочныхъ каррикатуръ, гдѣ владыки изображаются въ унижающемъ ихъ видѣ, однѣ эти церковныя картины страшнаго суда съ архіереями, связанными неразрывною цѣпью съ корыстолюбивымъ Іудою, показываютъ, что „любленіе“ пышности архіерейской стоитъ не высокой цѣны и выражаетъ совсѣмъ не то, что думаютъ нѣкоторые, стоятели за эту пышность. Она скорѣе всего просто слѣдствіе привычки и, можетъ быть, вкуса, воспитаннаго византизмомъ и давно требующаго перевоспитанія *истиннымъ христіанствомъ*. Тотъ-же самый народъ, которому, будто-бы, столь нужна пышность, узнавъ о такомъ „простомъ владыкѣ“, какъ жившій въ Задонскѣ Тихонъ, еще при жизни этого человѣка оцѣнилъ его духъ и назвалъ его *святымъ*. Этотъ самый народъ жаждалъ слова Тихона и слушался этого слова болѣе, чѣмъ всякихъ иныхъ словесъ владыкъ пышныхъ.

Небезъизвѣстенъ и другой подобный же примѣръ и нынче, но только мы не назовемъ этого современнаго намъ епископа, изъ уваженія къ его скромности и тщательному старанію, съ коимъ онъ таится отъ міра и его

похвалъ. Стало-быть, не пышность и не велелѣпіе, а еще болѣе не важность и не неприступностъ служатъ лучшимъ средствомъ добраго вліянія архіереевъ на ихъ паству, а, напротивъ, — качества совсѣмъ иныя, — качества, не только не утверждающіяся на пышности, но даже совсѣмъ съ нею несродныя: нужна *простота*.

Есть, однако, люди, которые утверждаютъ, что плѣнительная простота, отличавшая Тихона, возможна только для епископовъ, отказавшихся отъ дѣлъ управленія. Правящій-же епископъ, будто-бы, не можетъ вести себя такъ просто, — ибо „нашъ-де народъ еще не достигъ того понятія, чтобы чтить простоту“.

Помимо отвратительнаго и горькаго чувства, внушаемаго симъ подобными словами, которыя дышатъ и невѣжествомъ, и предательствомъ, они совершенно несправедливы. Въ подкрѣпленіе моей мысли я приведу примѣры двухъ недавно скончавшихся архіереевъ, кои оба были младенчески просты, а правили епархіями ничуть не хуже самыхъ непростыхъ.

VIII.

Первый изъ двухъ непорочныхъ „младенцевъ въ митрахъ“, былъ усопшій кіевскій митрополитъ Филаретъ Амѳитеатровъ, о милой простотѣ котораго я уже разсказывалъ въ моей книжечкѣ *„Владычный Судъ*, но еще и здѣсь разскажу нѣчто въ воспоминаніе его теплой и чисто-дѣтской души.

То, что я ниже буду разсказывать, извѣстно мнѣ со словъ моего умершаго друга, художника петербургской академіи художествъ, Ивана Васильевича Гудовскаго, котораго, вѣроятно, еще очень многіе не забыли въ Кіевѣ. Онъ былъ хорошій мастеръ своего дѣла и очень добрый, честный и прямой, правдивый человѣкъ, котораго каждому слову можно было смѣло и несомнѣнно вѣрить.

Ив. В. Гудовскій — сынъ казака изъ г. Пирятина. Онъ еще въ отрочествѣ своемъ былъ привезенъ въ Кіево-Печерскую лавру и, во вниманіе къ замѣченнымъ въ немъ художественнымъ наклонностямъ, отданъ для наученія живописи въ лаврскую иконописную мастерскую. Мастерскою этою (пришедшею при митр. Арсеніѣ въ совершенный упадокъ) тогда завѣдывалъ іеромонахъ Иринархъ, художественныя способности котораго многихъ

не удовлетворяли. Иринарху ставили въ вину, что „кисть его надъ смертными играла“; онъ имѣлъ удивительное несчастіе всѣхъ писать „на одно лицо“. И на самомъ дѣлѣ, отецъ Иринархъ былъ не очень большой искусникъ, но человѣкъ очень рачительный и очень полезный. Онъ оставилъ въ лаврѣ множество памятниковъ своего удивительнаго мастерства „писать *всѣхъ на одно лицо*“. Замѣчательнѣйшія изъ произведеній этого рода представляютъ иконо-портреты святыхъ, почивающихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ, размѣщенные надъ ихъ гробницами. Во всѣхъ этихъ ликахъ отцомъ Иринархомъ соблюдено удивительное „сходство на одно лицо“, Даже мужчины и женщины у него всѣ схожи между собою, и не только par expression, — что еще кое-какъ возможно было-бы объяснить однородностію одушевлявшаго ихъ религіознаго настроенія, но всѣ они схожи par trait, что уже можетъ быть объяснено только феноменальною своеобразностію благочестивой кисти отца Иринарха, которая давала всему теплый колоритъ *родства святости*. Митрополитъ Филаретъ Амѳитеатровъ считалъ іеромонаха Иринарха хорошимъ мастеромъ по иконописанію, и едва-ли митрополитъ не былъ правѣе многихъ заѣзжихъ знатоковъ, смущавшихся тѣмъ, что у отца Иринарха „все шло на одно лицо“. У него за то не было непріятной *головастости* академика Солнцева (который не избѣжалъ своего порока даже въ изданномъ теперь М. О. Вольфомъ дорогомъ и изящномъ „Молитвословѣ“) и не было сухой *вытянутости* фигуръ Пѣшехонова. Пѣшехоновъ, по моему мнѣнію, гораздо стильнѣе г. Солнцева, но онъ всегда „клонилъ къ *двоеперстію*“ въ „благословящихъ ручкахъ“, что, какъ извѣстно, въ православіи терпимо быть не можетъ. Этимъ Пѣшехоновъ навлекъ на себя

такое подозрѣніе митр. Филарета, что считался одно время неблагонадежнымъ, а при реставраціяхъ даже и „*опаснымъ*“. Особенно это усилилось съ того случая, какъ Пѣшехоновъ въ одной ихъ стѣнописныхъ картинъ собора вздумалъ открыть контуры двуперстнаго сложенія и, довѣрясь стариннымъ очертаніямъ, прописалъ было ручки по этимъ абрисамъ. Но, къ счастію для кіевскихъ святынъ, Пѣшехоновъ не укрылся съ этимъ отъ вниманія досужихъ людей, которые довели о томъ до вѣдома митрополита, и дѣло было поправлено: антикварныя вольности Пѣшехонова были отстранены, и святые отцы древняго собора сложили свои ручки троеперстно.

Съ отцомъ Иринархомъ не могло быть никакихъ безпокойствъ подобнаго рода: умѣя писать „всѣхъ на одно лицо“, онъ еще аккуратнѣе всѣмъ давалъ одинаковыя ручки, съ вѣрнымъ троеперстіемъ. Да и, вообще, онъ писалъ въ иконномъ родѣ довольно пріятно, строгонькимъ, но довольно округлымъ монастырскимъ рисункомъ, въ мягкихъ тонахъ и нѣжными лассировками, что, безспорно, приличествуетъ иконописному роду живописи и очень нравилось митрополиту Филарету*). Но всего бо-

*) Два современника: Филаретъ московскій (Дроздовъ) и Филаретъ кіевскій (Амфитеатровъ) между множествомъ отличавшихъ ихъ различій, различно относились и къ иконописному искусству. Филаретъ Дроздовъ, по собственному его признанію (см. письма, изд. А. Н. Муравьевымъ), не зналъ толку въ этомъ дѣлѣ и даже, судя по тону письма, относился къ этому какъ будто равнодушно; но Филаретъ кіевскій любилъ иконописное дѣло и считалъ себя въ немъ свѣдующимъ. Онъ смѣло вмѣшивался въ работы по реставраціи стѣнописи кіевскихъ соборовъ, пока (какъ разсказывали за достовѣрное) получилъ чувствительныя для него непріятности отъ покойнаго государя Николая Павловича, желавшаго правильной реставраціи Софійскаго собора Ярослава. По правдѣ судя, кажется, добрый старецъ болѣе любилъ искусство, чѣмъ понималъ его.

лѣе о. Иринархъ былъ отличный *школьмейстеръ*, что совершенно основательно цѣнилъ въ немъ покойный владыка. Лаврская школа при о. Иринархѣ была, относительно, въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что надо было удивляться мастерству кіево-печеркихъ правителей, которые потомъ умѣли привести ее въ такое жалкое состояніе, въ какомъ я ее въ послѣдній разъ видѣлъ не задолго до кончины митрополита Арсенія, многообразные услуги коего кіевской паствѣ еще не оцѣнены. При Иринархѣ здѣсь не только „тонко“ работали, но и не дурно держали учениковъ, такъ что у нихъ былъ свой товарищескій *духъ* и преданія, нѣсколько напоминавшія духъ школъ старинныхъ монастырскихъ маэстро. Нѣкоторые ученики о. Иринарха переходили изъ его школы въ академію и тамъ оказывались хорошо подготовленными по рисунку и отличались добрымъ, чисто художественнымъ настроеніемъ, дѣлавшимъ ихъ хорошими товарищами и пріятными людьми въ дальнѣйшей жизни. Все это творилъ о. Иринархъ, — довольно строгій монахъ, но большой любитель своего рукомесла и заботливый укоренитель его въ тѣхъ, кого судьба давала ему въ ученики.

Художникъ Гудовскій *пришелъ* въ Петербургъ, въ академію, изъ этой-же школы о. Иринарха, о которой до своей трагической кончины говорилъ всегда съ одушевленіемъ, какъ „о милыхъ годахъ своей юности“; въ этихъ-же разсказахъ онъ не разъ упоминалъ слѣдующій анекдотическій случай, лично касающійся митрополита Филарета Амфитеатрова.

„Разъ, говорилъ Гудовскій, — мы работали лѣтомъ, внизу, подъ митрополичьими покоями, *) и тамъ послѣ обѣда и отдыхали. Отецъ Иринархъ, бывало, пообѣдавши, остается уснуть въ своей кельѣ, а мы, — ребятишки — находили, что намъ лучше тутъ, потому что здѣсь было прохладнѣе, да и присмотра за нами не было; а, самое главное, — что отсюда изъ оконъ можно было лазить въ митрополичій садъ, гдѣ насъ соблазняли большія, сочныя груши, называемыя въ Кіевѣ „принцъ-мадамы“, которыя мы имѣли сильное желаніе отрясти“.

„Послѣ долгихъ между собою совѣтовъ и обсужденія всѣхъ сторонъ задуманнаго нами предпріятія полакомиться митрополичьими принцъ-мадамами, мы пришли къ убѣжденію, что это сладкое дѣло хотя и трудно, но не невозможно. Надежно огороженный садъ никто не караулилъ, а единственный посѣтитель его былъ самъ митрополитъ, который въ жаркіе часы туда не выходилъ. Стало-быть, надо было только обезпечить себя отъ зоркаго глаза отца Иринарха, чтобы онъ не пришелъ въ ту пору, когда мы спустимся въ садъ красть груши. А потому мы, въ одинъ прекрасный день, размѣтили посты, поставили на нихъ махальныхъ и, затѣмъ, одинъ по одному, всею гурьбою, спустились потихоньку въ угольное окно, выходившее въ темное, тѣнистое мѣсто у стѣны, и, какъ хищные хорьки, поползли за кустами къ самымъ лучшимъ деревьямъ“.

„Все шло хорошо; работа кипѣла, и пазухи нашихъ блузъ тяжело нависали. Но вдругъ, на одномъ деревѣ, появилось разомъ два трясуна, изъ которыхъ одинъ былъ,

*) Я уже не помню: была-ли тутъ временная мастерская, или работы шли въ нижней домовой церкви митрополичьяго дома, или все это было въ Голосѣевѣ.

вѣроятно, счастливѣе другаго, и у нихъ, тутъ-же, на деревѣ, произошла потасовка, но въ это самое время *кто-то* крикнулъ:

— Отецъ Иринархъ идетъ!

„Не разбирая, *какой изъ нашихъ махальныхъ* это крикнулъ, мы ударились бѣжать, разсыпая по дорогѣ значительную долю наворованныхъ принцъ-мадамъ. А тѣ двое, которые подрались на деревѣ, съ перепугу оборвались и оба разомъ полетѣли внизъ. И всѣ мы, столпившись кучею у окна, чрезъ которое спускались другъ за другомъ веревочкою, смялись и, плохо соображая, что намъ дѣлать, зашумѣли. Каждому хотѣлось спастись поскорѣе, чтобы не попасться отцу Иринарху, и отъ того мы только мѣшали другъ другу, обрывались и падали. А *гдѣ-то*, сверху надъ нами, *кто-то* весело смѣялся, спокойнымъ и добрымъ старческимъ смѣхомъ".

„Это всѣ мы замѣтили, но въ суетахъ не обратили на это вниманія, тѣмъ болѣе, что когда мы успѣли взобраться назадъ въ окно и попрятать принесенные съ собою ворованные запасы, то мы обнаружили, что одинъ изъ дравшихся на деревѣ былъ изъ числа нашихъ махальныхъ, которому надлежало стоять на самомъ опасномъ пунктѣ и наблюдать приближеніе отца Иринарха...

„Всѣ часы своей послѣобѣденной работы мы объ этомъ перешептывались за своими мольбертами, а вечернею шабашкою тотчасъ-же приступили къ дознанію: какъ это могло случиться, и рѣшили виновника „отдуть". Но чуть только мы хотѣли привести это рѣшеніе въ исполненіе, какъ тотъ струсилъ и, желая спастись отъ наказанія, выдалъ ужасную тайну: онъ сказалъ намъ, что не онъ одинъ, а всѣ три наши махальные не выдержали иску-

шенія, и, покинувъ свои посты, вмѣстѣ съ нами сбѣжали въ садъ за краснобокими принцъ-мадамами“.

Ночью, поѣвъ всѣ накраденныя груши, юные артисты рѣшили больше не воровать; но на-завтра забыли это рѣшеніе и снова выступили въ садъ въ томъ-же порядкѣ, только съ назначеніемъ новыхъ сторожей, которые, однако-же, за исключеніемъ одного, оказались не исправнѣе прежнихъ. Не успѣли воришки приняться за свое дѣло, какъ и лакомки-сторожа появились между ними,—всѣ, за исключеніемъ одного. Но и этотъ одинъ былъ плохой и злой сторожъ: оставшись при своемъ мѣстѣ, онъ умыслилъ жестокое коварство.

— „Не успѣли мы, говорилъ Гудовскій, приняться за работу по деревьямъ, какъ этотъ хитрецъ приложилъ руки трубкою къ губамъ и крикнулъ:

— Отецъ Иринархъ идетъ!

„Всѣ мы, сколько насъ тамъ было, услыхавъ это, какъ пули попадали сверху на землю и... не поднимались съ нея... Не поднимались потому, что къ одному ужасу прибавился другой, еще большій: мы опять услыхали голосъ, котораго уже не могли не узнать. Этотъ голосъ былъ тотъ самый, который насъ вчера предупреждалъ насчетъ приближенія Иринарха, но нынче онъ не пугалъ насъ, а успокоивалъ. Слова, имъ произнесенныя, были:

— „Неправда, рвите себѣ, Иринархъ еще не идетъ! Это былъ голосъ митрополита Филарета, котораго дѣти узнали и, приподнявъ изъ травы свои испуганныя головенки, оцѣпенѣли... И какъ иначе,—они увидѣли самого его, владыку кіевскаго и галицкаго, стоявшаго

для нихъ на стражѣ у косяка своего окошечка и весело любовавшагося, какъ они обворовываютъ его садъ...

Какъ-же приняли эти дурновоспитанныя дѣти такое странное и, можетъ-быть, съ точки зрѣнія всякаго сухаго педагога, конечно, очень неодобрительное отношеніе къ ихъ плохой шалости?

— „Мы, говорилъ Гудовскій, потеряли всѣ чувства отъ стыда; мы всѣ какъ-бы окаменѣли и не могли двинуться, пока замѣнявшій намъ махальнаго митрополитъ крикнулъ:

— „Ну теперь бѣгите, дурачки,—теперь Иринархъ идетъ!

„Тутъ мы брызнули: опять по вчерашнему взобрались на свое мѣсто, но были страшно смущены и болѣе красть митрополичьи груши не ходили.

„Прошелъ день, два, три,—мы все были въ страхѣ: не призоветъ-ли митрополитъ о. Иринарха и не откроетъ-ли ему, какіе мы негодяи? Но ничего подобнаго не было, хотя, „милый дидуся“, очевидно, объ насъ думалъ и, догадываясь, что мы безпокоимся, захотѣлъ насъ обрадовать.

„На четвертый день послѣ происшествія, вдругъ намъ принесли цѣлыя ночвы разныхъ плодовъ и большую деревянную чашу меду и сказали, что это намъ владыка прислалъ.

— „По какому-же это случаю? допытывались мы, радостно и робко принимая щедрый подарокъ. Но *случая* никакого не было, кромѣ того, о которомъ мы одни знали и крѣпко о немъ помалчивали.

„Посланный сообщилъ только, что владыка просто сказалъ:

— „Сошлите живописцамъ-мальчишкамъ медку и вся-

кихъ яблочекъ... Дурачки вѣдь они, имъ хочется... Пусть поточатъ".

— „Мы эти его груши и сливы,—честное слово говорю,—со слезами ѣли и потомъ, какъ онъ первый разъ послѣ этого служилъ, окружили его и не только его руки, а и ряску-то его расцѣловали, пока насъ дьякона по затылкамъ не растолкали".

Такъ онъ ихъ наказалъ и, прибавлю, наказаніе его было столь памятно, что лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого, когда мы съ Гудовскимъ жили въ домѣ, выходившемъ на Софійскую улицу, этотъ, тогда уже пожилой художникъ, бывало, ни разу не пропуститъ мимо митрополичьей кареты, чтобы не крикнуть вслѣдъ съ дѣтскою радостью:

— „Здоровъ будь, милый дидуню!"

И болѣе того: этотъ человѣкъ, здороваго и остраго ума, вращавшійся въ свое время въ различныхъ кружкахъ Петербурга, не сохранилъ всей вѣры, къ которой былъ наставленъ своею церковью. Онъ былъ религіозенъ, но, къ сожалѣнію, долго жилъ съ монахами, хорошо зналъ ихъ и относился критически и даже враждебно къ духовенству вообще, и къ черному въ особенности; но на предложенный ему однажды вопросъ: гдѣ-же, однако, въ какой церкви самое лучшее духовенство? отвѣчалъ:

— „Въ русской, бо изъ него выйшовъ нашъ старый дидуся Филаретъ, дуже добрый."

И Богъ вѣсть, когда пала въ эту художественную душу любовь къ „дуже доброму дидусѣ".—Можетъ-быть, именно тогда, когда превосходный старецъ покрывалъ своею превосходною добротою *ребячье баловство*, которое любой педагогъ и моралистъ не усумнились-бы теперь назвать *воровствомъ* и даже, пожалуй, признакомъ

соціалистическаго взгляда на собственность, а какой-нибудь либеральный перевертень съ прокурорскаго кресла потребовалъ-бы за все это самую строгую кару. Но, къ счастью, не такъ смотритъ на вещи не направленская, а настоящая добродѣтель, однимъ изъ прекрасныхъ представителей которой можетъ быть названъ Филареть Амфитеатровъ, о коемъ, право, кажется, можно сказать, какъ о Моисеѣ,—что онъ „смиренъ бѣ паче всѣхъ человѣкъ“.

Но чтобы сказать все, что мнѣ, случайно конечно, извѣстно объ истинномъ, неподдѣльномъ смиренствѣ этого истиннаго человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы и не дать пропасть анекдоту, который можетъ пригодиться для характеристики простой, но замѣчательной личности митрополита Филарета, запишу еще слѣдующее событіе, извѣстное мнѣ отъ очевидцевъ,—роднаго дяди моего, профессора С. П. А—ва, и бывшаго генералъ-штабъ-доктора крымской арміи Н. Я. Чернобаева.

Когда юго-западный генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ возвратился въ послѣдній разъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ назначенъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ, то онъ посѣтилъ митрополита Филарета и разсказывая ему новости, какія считалъ умѣстнымъ сообщить его смиренію, привелъ слова императора Николая Павловича о церковномъ управленіи.

Слова эти, очень вѣрно сохраняемыя моею памятью, были таковы, что, будто покойный государь, разговаривая съ Дмитріемъ Гавриловичемъ о разныхъ предметахъ, сказалъ:

— „О церковномъ управленіи много безпокоиться нечего: пока живы Филаретъ мудрый, да Филаретъ благочестивый, все будетъ хорошо“.

Услыхавъ это отъ министра, митрополитъ смутился и поникъ на грудь головой, но черезъ секунду оправился поднялъ лицо и радостно проговорилъ:

— Дай Богъ здоровья государю, что онъ такъ цѣнитъ заслуги митрополита московскаго.

— И ваши, ваше высокопреосвященство, поправилъ Бибиковъ.

Филаретъ наморщилъ брови.

— Ну, какія мои заслуги?..... ну что..... тутъ... Государю наговорили... Все „мудрый“ Филаретъ московскій, а я... что,—пустое.

— Извините, владыка: это не вамъ принадлежитъ ваша оцѣнка!

Но митрополитъ замахалъ своею слабою ручкою.

— Нѣтъ... нѣтъ, ужь позвольте... какая оцѣнка: все принадлежитъ мудрости митрополита московскаго. И это кончено, и я униженно прошу ваше высокопревосходительство мнѣ больше не говорить объ этомъ.

И при этомъ онъ, говорятъ, такъ весь покраснѣлъ и до того сконфузился, что всѣмъ стало жалко „милаго старика“ за потрясеніе, произведенное въ немъ неосторожнымъ прикосновеніемъ къ его деликатности.

Такъ дѣтски чистъ и простъ былъ этотъ превосходный человѣкъ, что всякая мелочь изъ воспоминаній о немъ наполняетъ душу пріятнѣйшею теплотою настоящаго добра, которое какъ будто съ нимъ родилось,— жило съ нимъ, и... съ нимъ умерло... По крайней мѣрѣ, для людей, знавшихъ Филарета, долго будетъ казаться, что органически ему присущее добро умерло съ нимъ въ томъ отношеніи, что ихъ глазъ нигдѣ не находитъ другаго такого человѣка, который былъ-бы такъ подчиненъ кроткому добротолюбію, не по теоріи, не въ силу морали воспитанія и, еще болѣе, не въ силу сухой и нестоющей морали направленія, а именно подчинялся этому требованію самымъ сильнымъ образомъ *органически*. Онъ родился съ своею добротою, какъ фіалка съ своимъ запахомъ, и она была его природою.

Но какъ онъ, съ такимъ характеромъ и въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, могъ править такою первоклассною епархіею, какъ кіевская? Полагаютъ, что его, вѣроятно, обманывали какіе-нибудь свои „гаврилки“ (т. е. родственники) и, пользуясь его добротою, подъ его руку вершили кривду надъ правдою. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не терпѣлъ при себѣ ни одного „гаврилки“ и имъ никто не правилъ, кромѣ его собственнаго сердца. Ветхій и немощный Филаретъ имѣлъ прекрасныхъ викаріевъ и замѣчательнаго намѣстника Іоанна, нынѣ епископа полтавскаго, который, можетъ-быть, болѣе сдѣлалъ *для духа* монашества лаврскаго, чѣмъ старательно прославляемый нынѣ намѣстникъ Сергіевской лавры Антоній—*для архитектуры;* но всѣ эти лица сотрудничали м. Филарету, а не верховодили имъ. Во всѣхъ дѣлахъ, требовавшихъ отъ него самостоятельности, онъ дѣйствовалъ самостоятельно и до конца жизни правилъ самъ и

вездѣ его доставало (только въ университетъ онъ пересталъ ѣздить, потому что „не хотѣлъ слышать о конкубинахъ“ *). Даже гдѣ нужна была строгость и наибольшая энергія, онъ и тутъ не устранялся отъ дѣла, а только всегда боялся быть жестокимъ.

*) Пр. Филаретъ пріѣхалъ на защищеніе диссертаціи, въ которой разбиралась разница права дѣтей, прижитыхъ отъ сожительства connubium и concubinatum. Митрополитъ долго крѣпился и слушалъ, но, наконецъ, не выдержалъ и всталъ. Насилу упросили его «не смущать диспутанта». Онъ это уважилъ, но жаловался.

— Что-же, говоритъ, я монахъ, а только и слышу connubium да concubinatum. Не надо было звать меня.

И въ этомъ онъ былъ правъ. Но замѣчательно: это такъ осталось у него въ памяти, что онъ, когда рѣчь касалась университетовъ, всегда любилъ за нихъ заступаться, но шутливо прибавлялъ:

— Одно въ нихъ трудно монаху, что все «connubium» да «concubinatum»,—а больше все хорошо.

Впрочемъ изъ всѣхъ, такъ называемыхъ, «свѣтскихъ» наукъ, мнѣ извѣстно опредѣлительное отношеніе м. Филарета только къ медицинѣ. Тяжко страдая мочевыми припадками, онъ безпрестанно нуждался въ помощи врача З—го и, получавъ облегченіе отъ припадка, говорилъ со вздохомъ:

— Медицина—божественная наука!

IX.

Одинъ изъ памятныхъ случаевъ въ самостоятельномъ родѣ устроилъ ему бывшій парадный іеродіаконъ монастыря, о. Ан-ій. Богатырь, красавецъ и жуиръ, діаконъ этотъ пользовался большими льготами въ монастырѣ, гдѣ дорожили его громоподобнымъ голосомъ и спускали ему многое, чего, можетъ-быть, не слѣдовало-бы спускать. Все это его до такой степени избаловало, что онъ сталъ не знать мѣры своимъ увлеченіямъ и, придя разъ лѣтнею ночью въ изступленіе ума, вышелъ изъ кельи на житній дворъ, гдѣ на ту пору стояли волы пріѣхавшихъ съ вечера мужиковъ. Изступленному іеродіакону пришла мысль сѣсть на вола верхомъ и начать разъѣзжать на немъ по монастырю.

Онъ такъ и сдѣлалъ: отвязалъ отъ ярма самаго рослаго, половаго вола, замоталъ ему на рога налыгачъ (ремень) и взмостился ему на спину. Непривычный къ верховой ѣздѣ, быкъ пошелъ ревѣть, прыгать и метаться, а богатырь-діаконъ сидитъ на немъ, какъ клещъ на жужелицѣ, и, жаря его каблуками въ ребра, кричитъ: „врешь,—не уйдешь“.

И волъ реветъ, и сѣдокъ реветъ; сонъ мирной обители нарушенъ,—она встревожена; спавшіе покатомъ по

всему двору странники въ переполохѣ мятутся, думаютъ, что видятъ бѣса,—и впопыхахъ никто не разберетъ, кто кого деретъ. Словомъ смятеніе произошло ужасное: шумъ, гвалтъ, суматоха и, въ заключеніе, когда дѣло объяснилось,—скандалъ и соблазнъ, утаить который было такъ-же трудно, какъ сберечь секретъ Полишинеля. Нынѣшней газетной гласности, питающейся отъ скандаловъ, при тогдашней тѣснотѣ еще не было, но слухъ, которымъ земля полнится, на другой-же день распространился изъ монастыря въ монастырь, оттуда по приходскимъ причтамъ и, наконецъ, дошелъ до мірянъ, между коими рѣдко кто не зналъ чудака іеродіакона Ан—ія. Онъ, съ его нелѣпымъ басомъ, гигантскимъ сложеніемъ, завитыми кудрями и щегольскими черными бархатными рясами, то на желтомъ, то на голубомъ атласномъ подбоѣ, слишкомъ билъ въ глаза каждому. Я никогда не слыхалъ, чтобы инокъ Ан—ій былъ особенно прославляемъ за свое благочестіе, какъ аскетъ, но его любили, какъ простяка, за его наивную и безтолковую, а часто даже комическую удаль, съ которою онъ, наприм., самъ разсказывалъ, что онъ „изнываетъ отъ силы“, потому что, по ужасно-крѣпкому своему тѣлосложенію, онъ болѣе не монахъ, а *паразитъ*.

Послѣ этого не должно показаться удивительнымъ, что вѣсть о ночномъ путешествіи лаврскаго „паразита“ верхомъ на быкѣ казалась занятною, и многихъ интересовало: какія это будетъ имѣть для него послѣдствія? Но дни проходили за днями, а паразитъ оставался на своемъ мѣстѣ, и строгіе люди стали смущаться: что-же это митрополитъ: онъ ослабѣлъ, онъ слишкомъ старъ, или, наконецъ, отъ него все это скрыли? Возможно-ли, чтобы за все это безчинное волтижерство такого виднаго инока ему совсѣмъ ничего не было?

Но всѣ эти люди смущались напрасно: происшествіе не осталось безъизвѣстнымъ владыкѣ, да это было и невозможно, такъ какъ разгоряченный волъ или самъ занесъ наѣздника къ митрополичьимъ покоямъ, или-же паразитъ нарочно его сюда направилъ. Владыка сталъ на высотѣ своего призванія: онъ взыскалъ съ волтижера и взыскалъ по-своему не только справедливо, но даже строго.

Управлявшій тогда лаврскою типографіею очень образованный монахъ, къ которому я часто хаживалъ учиться гальванопластикѣ, разсказывалъ мнѣ по секрету всю сцену разбирательства этого дѣла у Филарета.

Митрополитъ, имѣя, какъ я сказалъ, превосходнаго намѣстника въ лаврѣ, не захотѣлъ даже ему довѣрить разбора этого необычайнаго дѣла, а рѣшилъ самъ его разобрать и наказать виновнаго *примѣрно*.

Какъ инокъ строгой жизни, онъ, разумѣется, былъ сильно возмущенъ и разгнѣванъ произведеннымъ безпорядкомъ и собирался быть такъ строгъ, что даже опасался, какъ-бы не дойдти до жестокости.

Приступая къ открытію судьбища, онъ все обращался къ кому-то изъ приближенныхъ къ нему монаховъ и говорилъ:

— Боюсь, что буду жестокъ—а?

Тотъ его успокоивалъ, говоря, что виновный стоитъ сильнаго наказанія.

— Да, стоитъ онъ дуракъ, стоитъ, но я боюсь, что я буду уже очень жестокъ—а? твердилъ митрополитъ.

— Ничего, ваше высокопреосвященство! Онъ снесетъ.

— Снесетъ-то снесетъ, но вѣдь это не хорошо, что я буду очень жестокъ.

Насталъ часъ суда,—разумѣется — суда *келейнаго*, происходившаго только въ присутствіи двухъ-трехъ почетныхъ старцевъ.

Виновный, думавшій, что имъ очень дорожатъ за голосъ, мало смущаясь, ожидалъ въ передней, а владыка, весьма смущенный, сѣлъ за столъ и еще разъ освѣдомился у одного изъ приближенныхъ, какъ тотъ думаетъ: не будетъ-ли онъ очень жестокъ? И хотя тотъ его успокоилъ, но онъ все еще просилъ:

— А на случай, если я стану жестокъ, то вы мнѣ подговорите за него что-нибудь подобрѣе.

Открылся судъ: ввели подсудимаго, который какъ переступилъ порогъ, такъ и сталъ у двери.

„Жестокій“ судья для внушенія страха принасупился, завертѣлъ въ рукахъ свои бѣленькія костяныя чотки съ голубою бисерною кисточкою и зашевелилъ беззвучно губами.

Богъ его знаетъ: изливалъ-ли онъ въ этомъ беззвучномъ шопотѣ самыя жестокія слова, которыя намѣревался сказать виновному, или... молился о себѣ и, можетъ-быть, о немъ-же. Послѣднее, вѣрнѣе... Но вотъ онъ примѣрился говорить вслухъ и произнесъ протяжно:

— Ишь, кавалеристъ!

Дьяконъ упалъ на колѣни.

Филаретъ привсталъ съ мѣста и, строго хлопнувъ рукою по столу, зашибъ палецъ. Это, кажется, имѣло вліяніе на дѣло: владыка долго дулъ, какъ дитя, на свой палецъ и получивъ облегченіе, продолжалъ живѣе.

— Что, кавалеристъ!

Виновный упалъ ницъ и зарыдалъ.

Митрополитъ изнемогъ отъ своей жестокости: онъ опять

подулъ на палецъ, повелъ вокругъ глазами и, опустясь на мѣсто, закончилъ своимъ добрымъ баскомъ:

— Пошелъ вонъ, кавалеристъ!

Судъ былъ конченъ; послѣдствіемъ его было такое незначительное дисциплинарное монастырское взысканіе, что сторонніе люди, какъ я сказалъ, его даже вовсе и не замѣтили; но митрополитъ, говорятъ, еще не разъ возвращался къ обсужденію *своего* поступка. Онъ все находилъ, что онъ „былъ жестокъ“, и когда его въ этомъ разувѣряли, то онъ даже тихонько сердился и отвѣчалъ:

— Ну какъ-же я не жестокъ: а отчего-же онъ, бѣдный, плакалъ?

Атлетъ-черноризецъ, котораго терпѣлъ и о которомъ такъ соболѣзновалъ „добрый дидуня“, однако, погибъ. По его собственнымъ словамъ, онъ „за свои грѣхи пережилъ своего благодѣтеля“, но не пережилъ своей слабости.

Много лѣтъ спустя, въ одну изъ своихъ побывокъ въ Кіевѣ, я ѣздилъ съ моими родными и друзьями погулять въ лѣсистую пустынь Китаевъ. Обходя монастырь, со стороны пруда, надъ бѣлильнымъ токомъ, гдѣ выкладываютъ на солнце струганый воскъ съ свѣчнаго завода, я увидалъ у св. брамы колоссальную фигуру монаха съ совершенно сѣдою головою и въ одномъ подрясникѣ.

Онъ разговаривалъ съ извѣстною всѣмъ китаевцамъ бродяжкою „монашескою дурочкою“, а возлѣ него, безцеремонно держа его за рукавъ, стоялъ послушникъ (по кіевски *слимакъ*) и урезонивалъ его идти домой.

Я всмотрѣлся въ лицо богатыря и узналъ его: это былъ оный давній „паразитъ“, давшій мнѣ много красокъ для лица выведеннаго мною въ *Соборянахъ* діакона Ахиллы.

Я заговорилъ съ нимъ, но онъ меня не узналъ, а когда я ему напомнилъ кое-что прошлое, онъ вспомнилъ, осклабился, но сейчасъ-же понесъ какой-то жалкій, нескладный и безстыдный вздоръ.

Это былъ человѣкъ уже совершенно погибшій: въ немъ умерло все человѣческое,—все, кромѣ того, что не умираетъ въ душѣ самаго падшаго русскаго человѣка: онъ сохранилъ рѣдкую способность—*добро помнить*.

При одномъ имени покойнаго Филарета онъ весь съежился, какъ одержимый, и, страшно стукнувъ себя своимъ могучимъ кулачищемъ въ самое темя, закричалъ:

— Подлецъ я, подлецъ!—я огорчалъ его, моего батьку! и съ этимъ онъ такъ ужасно зарыдалъ, что слимакъ, сочтя это неприличнымъ, повернулъ его за плечи къ брамѣ, пихнулъ въ калитку и сказалъ:

— Уже годи,—идить до дому. Це у въ васъ опьять водка плачетъ.

Паразитъ пошелъ:—крѣпость его, видно, уже ослабѣла, и онъ привыкъ повиноваться,—но плакала въ немъ, мнѣ кажется, все-таки *не одна водка*...

Но возможенъ вопросъ: гдѣ-же доказательство, что добрякъ Филаретъ не портилъ служебнаго дѣла своею младенческою простотою и правилъ епархіею не хуже самыхъ непростыхъ?

Доказательства есть, хотя ихъ надо взять не изъ сухихъ цифръ оффиціальнаго отчета, а изъ живыхъ сравненій, какъ говорится, „*отъ противнаго*“.

Что оставилъ митрополитъ Филаретъ въ наслѣдіе своимъ наступникамъ? Сплошное, одновѣрное населеніе,

самымъ трогательнымъ образомъ любившее своего „старесенькаго дидусю“, и обители, въ которыхъ набожные люди осязали духъ схимника Парѳенія,—этого дивнаго человѣка, тихая слава котораго была равна его смиренію, даже превосходившему смиреніе его владыки.

Митрополитъ Исидоръ правилъ кіевскою епархіею недолго, такъ что его управленіе не для чего и сравнивать; но митрополитъ Арсеній управлялъ ею много лѣтъ, и наслѣдіе, переданное имъ митрополиту Филоѳею, замѣчательно. Онъ оставилъ епархію расторгнутою чуждымъ ученіемъ (штундою), съ которымъ борьба трудна, и исходъ ея неизвѣстенъ. Изъ иноковъ-же времени Арсенія самою широкою извѣстностію пользовался на всю Русь распубликованный племянникъ его высокопреосвященства, архимандритъ Мельхиседекъ, котораго митр. Арсеній поставилъ начальникомъ монастыря, имѣвшаго несчастіе долго скрывать въ своихъ стѣнахъ возмутительныя безчинства этого до мозга костей развращеннаго насильника. Дѣянія этого срамника и дебошира, позорившаго русскую церковь, закончились тѣмъ, что онъ утонулъ, катаясь съ женщинами. Старикъ Днѣпръ былъ исполнителемъ суда Божія: онъ опрокинулъ ладью, въ которой носилось оставленное митр. Арсеніемъ гулевое сокровище, и только тутъ и Мельхиседекъ, и его спутницы, „погибоша аки Обрѣ“. Такъ судъ Божій поправилъ грѣхи безсудія, хранившаго этого „гаврилку“ на соблазнъ людямъ, изъ коихъ многіе отъ одного этого безстыднаго видѣнія спѣшили перебѣгать въ тихую штунду.

Какой урокъ всѣмъ, имѣющимъ при себѣ такихъ „гаврилокъ“, которые приносятъ видимое безславіе церкви! Подвергать ее всѣмъ ударамъ, въ изобиліи падающимъ на нее за этихъ „гаврилокъ“, — значитъ не любить ее или,

по крайней мѣрѣ, не дорожить ея спокойствіемъ болѣе, чѣмъ спокойствіемъ своего „гаврилки“.

Митрополитъ Филаретъ Амфитеатровъ ничего въ этомъ родѣ дурнаго не оставилъ церкви, а оставилъ совершенно иное: онъ завѣщалъ ей „дитя своего сердца“ (племянника) преосв. Антонія, нынѣшняго архіепископа Казанскаго, у котораго, можетъ-быть, нѣтъ недостатка въ сильныхъ недоброжелателяхъ, но который тѣмъ не менѣе, конечно небезосновательно, пользуется уваженіемъ и любовью очень многихъ людей въ Россіи, ожидающихъ отъ него большихъ услугъ церкви.

А посему можно думать, что Русь судитъ о церковномъ правительствѣ митрополита Филарета Амфитеатрова правильно: она держится въ этомъ словъ своего Божественнаго Учителя: „*дерево узнается по плодамъ*“ (Мѳ. 12, 33).

Не мнѣ одному, а многимъ, давно кажется удивительнымъ: почему такъ много говорится объ „истинномъ монашествѣ“ митрополита Филарета московскаго и, при этомъ, *никогда* не упоминается объ *истиннѣйшемъ* монахѣ Филаретѣ кіевскомъ. *) Не дерзая ни одного слова

*) Строки эти были уже набраны, когда на страницахъ журнала „*Русскій Архивъ*“ появились безцѣнныя извѣстія, восполняющія нравственный обликъ митр. Филарета Амфитеатрова и характеризующія отношенія къ нему Императора Николая Павловича.

Когда возобновляли великую церковь Кіево-Печерской Лавры, мѣстные художники закрыли старинныя фрески новою живописью, масляными красками. Это считалось и тогда преступленіемъ, а потому была назначена коммиссія, и синодъ постановилъ митрополиту Филарету сдѣлать

сказать противъ перваго, я все-таки имѣю право сожалѣть, что его монашество какъ-будто совсѣмъ застилаетъ того, кого еще при жизни звали не иначе, какъ *„нашъ ангелъ“*. Вся жизнь митрополита Филарета Амфитеатрова можетъ быть по истинѣ названа *самою монашескою* въ самомъ наилучшемъ понятіи этого слова... Но кажется и объ этихъ высокихъ людяхъ надо сказать то, что Сократъ сказалъ о женщинахъ, т. е., что „лучше всѣхъ изъ нихъ та, о которой нечего разсказывать“, — или, по крайней мѣрѣ, нечего разсказывать въ апологіяхъ, а достаточно вспомнить ненастнымъ вечеромъ, у домашняго очага, гдѣ тѣло согрѣвается огонькомъ, а душа тихою бесѣдою о *добромъ человѣкѣ*...

Память подобныхъ людей часто не имѣетъ мѣста въ исторіи, но за то она легко переходитъ въ *житія*, — эти священныя саги, которыя благоговѣйно хранитъ и *чтитъ* память народовъ.

выговоръ. Государь написалъ на докладѣ: „Оставить старика въ покоѣ; мы и такъ ему насолили“.

Въ первый затѣмъ пріѣздъ Государя въ Лавру, митрополитъ Филаретъ, послѣ обычнаго молебствія, указавъ на группу чернецовъ, сказалъ:

— „Вотъ, Ваше Величество, художники, расписывавшіе храмъ“.

— „Кто ихъ училъ?“ спросилъ Государь.

— „Матерь Божія“, отвѣчалъ простодушно владыка.

— „А! въ такомъ случаѣ и говорить нечего“, замѣтилъ Императоръ“

Судя по времени, къ которому относится этотъ разсказъ, нельзя сомнѣваться, что въ числѣ художниковъ, получившихъ непосредственные уроки отъ Матери Божіей, былъ представленъ и знаменитый от. Иринархъ, написавшій ,,на одно лицо“ всѣхъ кіевскихъ святыхъ.

IX.

Отъ милостиваго Филарета кіевскаго перейдемъ къ другому, тоже очень доброму старцу, епископу Н—ту. Этотъ былъ въ иномъ—гораздо болѣе веселомъ родѣ, но тоже чрезвычайно простъ, а при всемъ этомъ правилъ епархіею такъ, что оставилъ ее своему наступнику ничуть не хуже иныхъ прочихъ.

Въ отдаленной восточной епархіи, гдѣ недавно „окончилъ жизнь свою смертію“ пр. Н—тъ, находятся большія имѣнія г-на N., очень богатаго и чрезвычайно набожнаго человѣка, устроившаго себѣ житницу отъ винныхъ операцій. Набожность г-на N. такъ велика, что близкіе люди этого праведника, не будучи въ состояніи оцѣнить это настроеніе, готовы были принять ее за требующую леченія манію. Это, впрочемъ, кажется, было необходимо, потому что г-нъ N. хотѣлъ *все* нажитое съ русскаго народа отдать въ жертву монастырямъ и такимъ способомъ примириться съ Богомъ и „спасти души дѣтей своихъ нищетою“. Монахи обѣщали ему все это устроить и работали около этого человѣка очень сильно, но чиновники, все-таки, ихъ пересилили и устроили огра-

ниченіе правъ N. раздаривать святымъ отцамъ то, что годится еще собственнымъ дѣтямъ.

Иноческое фанатизированіе довело этого человѣка до того, что онъ совсѣмъ очудачѣлъ. Онъ не только „цѣлоденно молился“, но даже спалъ въ какой-то освященной „срачицѣ“, опоясанный пояскомъ съ мощей св. Митрофана, въ рукавичкахъ св. Варвары и въ шапочкѣ Іоанна Многострадальнаго, а проснувшись, занимался химіей: дробилъ „херувимскій ладанъ“ изъ пещеры гроба и разсыропливалъ св. елей и воду, для раздачи несчастнымъ.

Эти благочестивыя занятія однако ему тоже были вмѣнены въ вину и отнесены къ наученію монашескому, хотя, можетъ-быть, химикъ получилъ пристрастіе къ подобнымъ занятіямъ гораздо ранѣе. Таковъ этотъ замѣчательный человѣкъ и понынѣ: онъ—строитель церквей, постникъ и ненасытный любитель странниковъ, монаховъ, а наипаче чтитель архіереевъ, съ которыми неустанно ищетъ сближенія. Когда онъ долго не сподобляется архіерейскаго благословенія натурою, онъ испрашиваетъ онаго письменно. Въ обширныхъ помѣстьяхъ N., соединенныхъ въ той же отдаленной глухой мѣстности, до сихъ поръ водятся „пустынники“, которыхъ онъ завелъ, и онъ-же ихъ кроетъ отъ нескромныхъ очей міра и, особенно, отъ полицейскихъ властей. Это разведеніе и сбереженіе пустынниковъ стоитъ дорого и, вдобавокъ, N. не мало претерпѣваетъ отъ нихъ и за нихъ, такъ какъ они порою балуются и попадаются въ дѣлахъ непустынническихъ. Въ собственныхъ селахъ N. самыя лучшія церкви, въ которыхъ всегда все въ исправности: чистота, порядокъ, книжный обиходъ, утварь и ризница,—словомъ, все благолѣпіе въ велелѣпіи. А въ селѣ, гдѣ живетъ самъ N., „храмъ сіяетъ“, при немъ два штата и ежедневное

служеніе, которое измученные г-номъ N. священнослужители называютъ „безчеловѣчнымъ“, оттого, что при немъ не присутствуетъ *ни одного человѣка*. Таковъ уставъ благочестиваго владѣльца, которому, конечно, не смѣетъ и подумать возражать вполнѣ отъ него зависимый причтъ духовенства.

Къ лицамъ бѣлаго духовенства N. строгъ до немилосердія и докучливъ даже болѣе, чѣмъ покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, котораго, какъ извѣстно, звали въ шутку то „несостоявшимся оберъ-прокуроромъ“, то „генералъ-инспекторомъ пономарства“. Впрочемъ, при огромномъ ихъ сходствѣ по ревности къ храму и по лютости къ храмовымъ служителямъ, они совсѣмъ не похожи другъ на друга въ томъ отношеніи, что покойный Андрей Николаевичъ былъ знатокъ церковныхъ уставовъ и порядковъ и могъ въ нихъ наставить инаго настоятеля, а у г. N. такого знанія нѣтъ. Кромѣ познаній въ химіи и гомеопатическихъ дѣленіяхъ освященныхъ твердыхъ тѣлъ и жидкостей, онъ во всемъ церковномъ человѣкъ кругомъ темный, и от того у него нѣтъ той рѣшительности и смѣлости, которыми былъ одержимъ А. Н. Муравьевъ, дерзавшій произносить осужденіе не только священникамъ и священноинокамъ, но даже преосвященнѣйшимъ владыкамъ и всему ихъ святѣйшему собору. N. неповиненъ въ такихъ знаніяхъ, но за то не виноватъ и въ продерзостяхъ, за кои А. Н. Муравьевъ, вѣроятно, порядкомъ посудится съ обработанными имъ чернецами *). Г-нъ N. не таковъ:

*) До чего покойный Андр. Ник. Муравьевъ негодовалъ на высшихъ представителей церкви, могутъ знать только тѣ, кто видалъ его въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ контрировалъ, Богъ-вѣсть изъ-за чего, съ митрополитомъ Арсеніемъ. Раздраженіе противъ сего владыки приводило Андрея Николаевича въ состояніе величественнаго пафоса, въ

онъ простецъ и беретъ все отъ одного вдохновенія,—отчего ему угодить трудно и даже невозможно, если блюсти свое правило и хоть немножко хранить свое достоинство, о коемъ позволяетъ заботиться Сирахъ.—Составляя себѣ придворный штатъ духовныхъ, N., обыкновенно, собираетъ кондуитъ человѣка изъ архива всѣхъ четырехъ вѣтровъ и, вообще, мѣняетъ и перемѣняетъ лицъ до тѣхъ поръ, пока найдется искусникъ ему по обычаю.

которомъ онъ даже пророчествовалъ, предсказывая, коею смертію будутъ вскорѣ скончаваться самые величественные столпы церкви. Но предусмотрительный митрополитъ Арсеній, до котораго, вѣроятно, доходили отголоски этого пророчества, повелъ дѣло такъ тонко, что пережилъ Андрея Николаевича и успѣлъ ему хоть мертвому сдѣлать самую чувствительную непріятность: онъ затруднилъ его выносъ и погребеніе въ Андреевской церкви и чуть не успѣлъ совсѣмъ лишить его права почивать подъ сводами храма. Остальныя пророчества, которыхъ я былъ слушателемъ, тоже еще не исполнились: всѣ возмущавшіе покой Андрея Николаевича „вредоносцы церкви"—здравы и невредимы. Но если онъ невѣрно пророчествовалъ, то вознаградилъ это удивительною законченностью своего собственнаго жизненнаго пути. Цѣлую жизнь инспектируя священнодѣйствія, онъ умеръ въ этихъ-же самыхъ занятіяхъ. Наканунѣ смерти онъ пожелалъ особороваться. Таинство это, во главѣ другихъ лицъ, совершалъ Филаретъ (Филаретовъ), бывшій викарій уманскій, нынѣ епархіальный архіерей рижскій. Больной во время соборованія былъ уже такъ слабъ, что не подавалъ голоса. Но когда служба была окончена и архіерей сталъ разоблачаться, умирающій, ко всеобщему удивленію, совсѣмъ неожиданно произнесъ:

— „Благодарю: таинство совершено по чину".

Таковы были его послѣднія слова на землѣ.

Этою, какъ нельзя болѣе отвѣчающею всегдашнему его настроенію, фразою Муравьевъ окончилъ свою генералъ-инспекторскую службу русской церкви и доказалъ, что онъ былъ одинъ изъ рѣдкихъ, типическихъ, послѣдовательныхъ и вполнѣ законченныхъ характеровъ. По крайней мѣрѣ, его не могутъ превзойти ни старый Домбей у Чарльза Диккенса, ни та старушка у Тургенева, которая сама хотѣла заплатить рубль за свою отходную. Эта послѣдняя черта, по моему мнѣнію, непремѣнно должна-бы украсить біографію „несостоявшагося оберъ-прокурора", которая, вообще, могла-бы быть очень интересною.

Тутъ бываетъ отпустъ, пока подъ ловкача не подберется мастеръ еще ловчѣе. Игра идетъ до тѣхъ поръ, пока увидятъ, что сѣвшій на мѣсто новый священнослужитель основательно овладѣлъ своимъ господиномъ. Для этого-же нужны: во-первыхъ, чувствительность въ служеніи, во-вторыхъ, любовь къ „таинственнымъ уединеніямъ“ въ лѣсахъ или на верхней горницѣ, въ-третьихъ, равнодушіе и сухость къ женѣ, и, въ-четвертыхъ, подъ секретомъ сообщенный тайный обѣтъ монашества. Все это ловкіе люди находятъ возможность продѣлывать вполнѣ удовлетворительно, а когда N. такими ихъ заслугами его вкусу расположится въ ихъ пользу, тогда и ему начинаютъ открываться ихъ заслуги передъ небомъ: онъ сподобляется видѣть сіяніе или около лица самого священника, или вокругъ потира, который тотъ износитъ. Съ этихъ поръ дѣло священнослужителя становится крѣпко, и если-бы N. послѣ этого даже самъ увидалъ таковаго дивотворца, въ часы уединенія играющаго въ верхней горницѣ въ карты, или сидящаго зимою, подъ вечерокъ, у печки, обнявшись съ женою, то все это ему не только проститъ, но даже и не вмѣнитъ въ вину, а отнесетъ къ „искушенію“, отъ котораго праведному человѣку трудно укрыться. Для того „преобладающу грѣху и преизбыточествуетъ благодать“.

Изъ того, что мною вкратцѣ сказано, знатокамъ церковно-бытовой жизни, конечно, будетъ довольно понятно, коего сорта набожность и благочестіе у самого г. N. и коего духа люди могутъ уживаться съ нимъ и угождать *его благочестію*... Для несвѣдущихъ-же пояснять это долго и, можетъ-быть, опасно,—„да не соблазнится ни

единъ отъ малыхъ сихъ". Но весь этотъ отмѣнный подборъ отмѣнныхъ духовныхъ не могъ умолить Провидѣніе, чтобы всѣ женатые сыновья и замужнія дочери г. N. овдовѣли и ушли въ монастырь, куда онъ и самъ желалъ-бы уйдти, чтобы тамъ „помириться съ Богомъ".

Изъ всѣхъ своихъ родныхъ N. сподобился устроить въ монашество только одного, запутавшагося въ дѣлахъ, свояка, но и то неудачно. Тотъ оказался до такой степени легкомысленнымъ, что даже изъ монастыря давалъ поводы къ соблазну младшимъ. Такъ напр., получивъ, однажды, письмо отъ племянницы, институтки, онъ написалъ ей: „не адресуй мнѣ *его благородію:* я уже монахъ, а монахъ благороднымъ быть не можетъ". И этотъ бѣдный инокъ, хотя и былъ скоро поставленъ въ іеромонахи К—го монастыря, но не выдержалъ, запилъ и умеръ.

Вся семья N., очень многочисленная и очень почтенная, тоже не тяготѣетъ къ иночеству. Молодые люди, осемьянившись, нѣжно любятъ свои семейства и религіозны, въ свою мѣру, по-русски; съѣзжаясь, лѣтомъ, къ отцу, они даже прекрасно поютъ на клиросѣ сельской церкви, и никакихъ религіозныхъ сомнѣній и споровъ не любятъ. Если же промежду ихъ случайно явится безпокойный совопросникъ, то таковаго отсылаютъ обыкновенно „переговорить съ батюшкой"; а этого, сколько извѣстно, всякій еретикъ боится хуже огня геенскаго и продолжительнаго разговора о религіи съ русскимъ батюшкою не выдержитъ. Словомъ, всѣ дѣти N. простые, добрые, очень милые люди, безъ всякой *ханжеской претензіонности*.

Преосвященный Н—тъ поступилъ изъ г. В. въ г. П. послѣ архіерея суроваго, большаго постника, съ которымъ старый N. былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и

желалъ точно такія-же отношенія учредить съ Н. Но при первомъ-же визитѣ, у нихъ дѣло пошло неладно.

N. явился къ новому владыкѣ съ нѣкогда знаменитымъ цензоромъ г. Z., святошество котораго на многихъ дѣйствовало непріятно. Владыка, добрый, весьма почтенный старичокъ, еще не совсѣмъ отдохнулъ и, къ тому-же, былъ еще разстроенъ тѣмъ, что доставшійся ему двухъэтажный домъ въ г. П. былъ гораздо хуже одноэтажнаго дома въ г. В., а поправлять его было *не-на-что*. Да, буквально не-на-что!.. Архіерей былъ *бѣденъ* и хотя у него было триста руб., которые онъ, по его словамъ, „заработалъ честнымъ трудомъ“, но онъ поэтому-то и не хотѣлъ отдать ихъ на поправку архіерейскаго дома. Притомъ-же ему было досадно, что его *повысили*,—при переводѣ произвели изъ епископовъ въ архіепископы, а болѣе существеннаго ничего не дали. Онъ этимъ обижался, находя, что ему „позолотили пилюлю“. Вдобавокъ ко всему, владыка отдыхалъ отъ своего весьма дальняго пути и несовсѣмъ хорошо себя чувствовалъ, а нетерпѣливые благочестивцы въ это время на него набѣжали. Усталый архіерей началъ позѣвывать и замѣчать:

— Не къ дождю-ли? что-то моритъ...

И, дѣйствительно, пошелъ дождикъ, сначала маленькій, а потомъ и большой.

— Вамъ надо зонтикъ, сказалъ владыка и велѣлъ подать зонтъ, съ которымъ онъ имѣлъ привычку гулять по саду.

Оба святоши встали, но вотъ новая бѣда: оба они считали слишкомъ большою для себя честью „идти подъ *владычнымъ* зонтикомъ“ и стали перекоряться.

— Нѣтъ, я не могу идти подъ владычнымъ зонтикомъ.

— Нѣтъ, уже идите вы,—я еще менѣе достоинъ держать владычный зонтикъ.

И все это у самаго крыльца, подъ окнами у владыки, а дождь ихъ такъ и поливаетъ.

Въ это время откуда ни возьмись какой-то балда и говоритъ:

— Оба вы не достойны ходить съ владычнымъ зонтикомъ, а потому я его у васъ беру.

И, съ этимъ, хвать! да и былъ таковъ, а глядѣвшій на все это владыка вмѣсто того, чтобы разсердиться и послать погоню, расхохотался и говоритъ:

— Резентъ! онъ умно разсудилъ! Что за святыня въ моемъ зонтикѣ?

N. и Z. долго ломали головы: какъ могъ такъ опрометчиво сказать владыка и не есть-ли это своего рода нигилистическая ересь?

Вскорѣ затѣмъ епископъ сталъ собираться лѣтомъ сдѣлать объѣздъ части своей обширной епархіи. Узнавъ объ этомъ, N. тотчасъ-же просилъ его не лишить своего посѣщенія его „пустынку“ и благословить его дѣтей, которые обыкновенно съѣзжаются къ старику на лѣто изъ Петербурга.

Владыка едва-ли считалъ нужнымъ быть въ „пустынкѣ“, гдѣ, какъ онъ достаточно зналъ, благодаря усердію помѣщика, не только все внѣшнимъ образомъ исправно, но даже великолѣпно; однако, по добротѣ своей и по отличавшему его неумѣнію говорить слово „нѣтъ“, онъ склонился на просьбу N. и далъ ему обѣщаніе быть у него въ гостяхъ около Петрова дня.

Къ Петрову дню молодые люди, живущіе обыкновенно въ столицѣ, всегда пріѣзжали на отдыхъ къ отцу въ „пустынку“, и потому обѣщаніе архіерея было во всѣхъ отношеніяхъ удобно и пріятно для благочестиваго хозяина. Загодя еще объ этомъ было возвѣщено мѣстнымъ

причтамъ, которые сейчасъ-же и взялись за „божіе дѣло“, т. е. начали тщательно перетирать всѣ вещи въ храмѣ и мыть стекла, а самъ N. въ это время блаженствовалъ за хлопотами по приготовленію помѣщенія для владыки. Ему, разумѣется, устраивали покои въ домѣ, а во флигеляхъ— для его свиты, которая у прежнихъ здѣшнихъ архіереевъ всегда была очень обширна. Въ покои владыки наставили иконъ и наслали передъ ними ковровъ, чтобы его преосвященству „не грубо было кланяться“, а въ свитскихъ покояхъ, во флигелѣ, учредили „столы“, такъ чтобы все, могущее здѣсь произойдти, произошло *скромно*. N. былъ увѣренъ, что, когда здѣсь вся челядь будетъ питаться, онъ съ владыкою поведетъ цѣлонощную никодимову бесѣду и сподобится самъ прочесть его высокопреосвященству полунощницу.

Затѣмъ, оставалось только ждать этой радости и притомъ недолго: около Петрова дня, въ самую веселую сельскую пору уборки покосовъ, въ „пустынку“ прискакалъ за десять верстъ выставленный N. нарочный съ извѣстіемъ, что владыка ѣдетъ.

IX.

N. тотчасъ-же сѣлъ въ экипажъ и поскакалъ на встрѣчу „дорогому гостю“.

Помѣщикъ выѣхалъ одинъ, потому что не считалъ удобнымъ представлять владыкѣ дѣтей на дорогѣ и, къ тому-же, онъ не зналъ, «какъ его преосвященство съ нимъ обойдется“. Послѣ происшествія съ „владычнымъ зонтикомъ“ N. нѣсколько сомнѣвался насчетъ владыки, и сомнѣвался даже до такой степени, что не былъ увѣренъ, удостоитъ-ли владыка пересадить его къ себѣ въ аресту, какъ это дѣлали всѣ его предшественники, или же оставитъ его скакать по-полицмейстерски спереди или сзади. Это, и въ самомъ дѣлѣ, могло серьезно озабочивать N., потому что онъ очень любилъ почетъ, и всѣ прежніе п—скіе владыки обыкновенно сажали его съ собою въ карету. Отчего же было его этимъ не утѣшить, особенно послѣ такой *двусмысленной* исторіи съ „владычнымъ зонтикомъ“, которую человѣкъ болѣе рѣшительный назвалъ-бы просто „владычнымъ нигилизмомъ“?

И вотъ, съ небольшимъ черезъ полчаса, на пологомъ косогорѣ, далеко видномъ съ верхняго этажа дома, показался быстро несшійся столбъ пыли, а въ немъ архіерейскій поѣздъ, который, однако, оказался очень ма-

лымъ. Къ храму подскакали только троечныя дрожки, въ которыхъ сидѣлъ нѣсколько недовольный или смущенный N., а въ каретѣ очень простой старичекъ съ добродушнымъ лицомъ, въ черномъ клобучкѣ, за нимъ-же, въ заднемъ кабріолетѣ за каретою, человѣкъ, который одинъ и составлялъ *всю свиту* архіерея. Это, между прочимъ, было одною изъ причинъ замѣтнаго на лицѣ хозяина смущенія. N. не привыкъ къ такой простотѣ и считалъ ее новымъ признакомъ всюду проникающаго нигилизма, который могъ имѣть дурное вліяніе не только на крестьянъ, но и на дѣтей владѣльца и на самое духовенство. Къ тому-же, эта, столь желанная и столь благодѣтельная для бѣднаго сельскаго духовенства, простота оставляла безъ употребленія многое изъ приготовленнаго къ угощенію предполагаемой обширной компаніи и портила весь эффектъ встрѣчи. Даже и „исполлаети-деспота“ некому было грянуть при входѣ владыки. Какъ хотите судите, а добрый православистъ не могъ оставаться спокоенъ и доволенъ, видя такое „разореніе отеческаго обычая“.

Но, кромѣ того, N. имѣлъ еще сугубое огорченіе въ томъ, что владыка не только не посадилъ его въ карету, а даже „уязвилъ его“ за усердіе. А именно, онъ просто раскланялся съ N. въ окно и спросилъ:

— Куда поспѣшаете? вѣрно по дѣлу хозяйственному? Резентъ! Дѣла прежде всего, а я и безъ васъ справлюсь.

— Нѣтъ, какъ можно, владыка! Я нарочно выѣхалъ на встрѣчу вашему преосвященству.

— А для какой причины?

N. смѣшался: онъ не ожидалъ такого страннаго вопроса и отвѣчалъ:

— Такъ... хотѣлъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Ну вотъ! стоило того дѣло. Это и дома бы можно.

— Хотѣлъ благословенія, владыко...

— Ага! ну, что-же: резентъ! Боже васъ благослови, отвѣчалъ владыка, а теперь садитесь-же поскорѣй на свое мѣсто да погоняйте. Жарынь, я усталъ, въ холодокъ хочется.

И, усадивъ N. на его прежнее мѣстечко, владыка прикатилъ, какъ доселѣ ѣхалъ, одинъ въ своей каретѣ и затѣмъ непосредственно началъ рядъ крайне смущавшихъ благочестиваго хозяина „странныхъ поступковъ, въ нигилистическомъ штилѣ".

Во-первыхъ, епископъ ходилъ скоро и когда, при вступленіи его въ церковь, дѣти помѣщика (между коими одинъ былъ въ мундирѣ кавалерійскаго офицера) пропѣли „Достойно есть" и „исполатіе", то онъ остановился и слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, а потомъ похвалилъ ихъ и, скоро обойдя храмъ, опять принялся хвалить ихъ стройное пѣніе. Узнавъ же отъ молодыхъ людей по выходѣ изъ церкви, что они составляютъ свой домашній хоръ, которымъ исполняютъ оперное хоровое пѣніе, пожелалъ послушать ихъ *свѣтское пѣніе*. Это старому N. казалось уже совсѣмъ соблазнительно, а молодые съ удовольствіемъ спѣли для епископа нѣсколько мѣстъ изъ „Жизни за Царя" и изъ „Руслана", а также изъ „Фауста" и изъ „Пророка".

Владыка все слушалъ и все одобрялъ. Затѣмъ, усмотрѣвъ, что не далеко передъ домомъ на лужайкѣ убираютъ сѣно, онъ захотѣлъ пройдтись на покосъ и

былъ такъ простъ, что взялъ изъ рукъ одной дѣвушки грабли и самъ прогребъ рядъ сухаго сѣна. А на обратномъ пути съ сѣнокоса къ дому, повстрѣчавъ возы съ сѣномъ, онъ до того увлекся мірскими воспоминаніями, что проговорилъ изъ козловскаго „Чернеца“:

— Вотъ возъ, укладенный снопами,
И на возу, среди сноповъ,
Сидитъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ чудными глазами.

И опять все такое свѣтское, а ничего ни о попахъ, ни о дьяконахъ, и вообще ни о чемъ божественномъ. Къ вечеру-же владыка даже пожелалъ половить въ мѣстномъ пруду карасей, смотрѣлъ на эту ловлю съ большимъ удовольствіемъ и не разъ ее похваливалъ, приговаривая:

— Хорошая работка, — апостольская! Надо быть ближе къ природѣ, — она успокоиваетъ. Іисусъ Христосъ все горки любилъ, да при озерцахъ сиживалъ. Хорошо надъ водою думать.

И такъ онъ провелъ весь день, совсѣмъ безъ всякихъ разговоровъ о странникахъ и юродивыхъ, и, покушавъ чаю, отказался отъ ужина и попросилъ себѣ только „христова кушанья“, т. е. *печеной рыбки*. Затѣмъ, онъ ушелъ въ отведенныя ему комнаты, но отъ услугъ N., который его сопровождалъ и просилъ позволенія прочитать ему полунощницу, отказался, сказавши:

— До полунощи еще далеко; я тогда самъ помолюсь, а пока пришлите-ка мнѣ какой-нибудь журнальчикъ.

— Какой прикажете, владыко: „Странникъ“ или „Православный Собесѣдникъ“?

— Ну эти я дома прочту, а теперь нѣтъ-ли — гдѣ господинъ Щедринъ пишетъ?

Старый N. этого не понялъ, но молодые поняли и послали владыкѣ „*Отечественныя Записки*“, которыя тотъ и читалъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему приспѣлъ часъ становиться на полунощницу. Своего дѣла онъ, не смотря на всю усталость, не опустилъ, — огонь въ его окнахъ свѣтился далеко за полночь, а рано утромъ, на другой день, епископъ уже далъ духовенству аудіенцію, но опять очень странную: онъ переговорилъ съ духовенствомъ *на ходу*, — гуляя по саду, и потомъ немедленно сталъ собираться далѣе въ путь въ городъ О.

Бенефисъ, который готовилъ себѣ въ архіерейскомъ посѣщеніи N., совершенно не удался и только „высокое почтеніе къ сану“ воздерживало хозяина отъ критики „не по поступкамъ поступающаго“ гостя. За то младшее поколѣніе было въ восторгѣ отъ милой простоты владыки, и владыка, въ свою очередь, повидимому, чувствовалъ искренность сердечно возлюбившей его молодежи.

Это можно было видѣть изъ всего его поведенія и особенно изъ того, что, не соглашаясь оставаться обѣдать по просьбѣ самого N., онъ не выдержалъ и сдался, когда къ нему приступили съ этою просьбою кавалеристъ, два студента и молодыя дѣвушки и дамы. Онъ ихъ только спросилъ:

— Но для какой-же причины я долженъ еще остаться?

— Да намъ, ваше преосвященство, хочется съ вами побыть.

— А по какой причинѣ вамъ такъ хочется?

— Такъ... съ вами очень пріятно.

— Пріятно!

Владыка улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ну, если пріятно, такъ резентъ: я остаюсь, — только вы мнѣ за это хорошенько попойте.

И онъ остался, попросивъ хозяина не безпокоиться особенно о его обѣдѣ, потому что онъ все „предлагаемое“ кушаетъ*). Просидѣвъ почти все дообѣденное время въ залѣ, владыка опять слушалъ, какъ ему, подъ акомпаниментъ фортепіано, пропѣли лучшіе нумера изъ „Жизни за Царя“, „Руслана“ и многихъ другихъ оперъ.

---

*) Кушать „предлагаемое“ безъ строгой критики, кажется, не только позволительно, но даже полезно, а несоблюденіе этого, напротивъ, ведетъ иногда къ соблазнамъ и, притомъ, такимъ, которые послѣ никакъ нельзя разъяснить. Такъ, напримѣръ, епископъ Л., посѣтивъ въ г. М. извѣстнаго епископа М—ла (изъ уніатовъ), остался у него кушать съ нѣкоторымъ страхомъ, потому что былъ *предубѣжденъ*, будто владыка М—лъ кушаетъ мясное. Но какъ къ столу были званы и другіе гости, то преосвященный Л. думалъ, что при людяхъ этого не случится. Но предубѣжденность преосв. Л. довела его до того, что всѣ подаваемыя къ столу блюда стали ему казаться *мясными!*

— Не могу, владыка, сказалъ гость хозяину, отвѣдавъ одну ложку: это говяжій бульонъ.

— Успокойтесь, ваше преосвященство: это такая уха.

— Какая-же это уха!

— Уха, я вамъ докладываю, и прошу кушать.

Но пр. Л. не повѣрилъ и кушалъ, хотя не безъ аппетита, но со смущеніемъ, а черезъ то, разумѣется, предубѣжденность его еще болѣе увеличилась. И вотъ, подаютъ второе блюдо, сдѣланное *въ перекладку*, и хозяинъ спрашиваетъ гостя:

— Какой рыбы позволите вамъ положить, этой или этой?

Но предубѣжденный гость уже совсѣмъ на блюдѣ рыбы не видитъ, а видитъ только рябчиковъ въ перекладку съ индѣйкой!..

И предубѣжденному еп. Л. все это было такъ трудно скушать, что у него сдѣлалась отрыжка, на которую онъ не переставалъ жаловаться даже до самаго недавняго времени, когда еп. М—лъ уже былъ удаленъ на покой и долженъ былъ сократить свое хлѣбосольство до крайняго minimum'а.

Откушавъ же, онъ тотчасъ сталъ собираться ѣхать, и карета его была подана во время кофе. Онъ какъ пріѣхалъ одинъ съ своимъ слугою „Сэмэномъ“, такъ съ нимъ-же однимъ хотѣлъ и уѣзжать, но три молодые брата N. явились къ нему съ просьбою позволить имъ проводить его до г. О.

— А по какой причинѣ меня надо провожать? спросилъ владыка.

— Здѣсь глухая дорога, ваше преосвященство.

— А я не боюсь глухой дороги: у меня денегъ только триста рублей, и тѣ честнымъ трудомъ заработаны.

— Да намъ хочется васъ провожать, владыка.

— А если хочется... это резентъ, — сопровождайте.

И поѣздка состоялась съ провожатыми. Архіерей сѣлъ, какъ пріѣхалъ, — въ свою карету, а впереди его курьерами снарядились въ большомъ казанскомъ тарантасѣ три рослые молодца: мировой посредникъ, офицеръ и университетскій студентъ. Самъ хозяинъ, видя, что его владыка не приглашаетъ, остался дома. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что проводилъ поѣздъ за рубежъ своихъ владѣній и, принимая здѣсь прощальное благословеніе отъ архіерея, выразилъ ему свою о немъ заботливость.

— Въ О. тамъ ничего нельзя достать, владыка, такъ вы меня не осудите.

— А по какой причинѣ я васъ могу осуждать?

— Я велѣлъ кое-что сунуть вашему слугѣ подъ сидѣнье.

— А что именно вы подъ моего Сэмэна подсунули?

— Немножко закусочекъ и... шипучаго.

— А для чего шипучаго?

— Пусть будетъ.

— Ну, резентъ: пусть будетъ. Сэмэнъ, сохрани, другъ, подъ тебя подложенное.

И съ тѣмъ хозяинъ возвратился, а поѣздъ тронулся далѣе.

Отъ „пустынки“ до города О. на хорошихъ разгонныхъ коняхъ ѣздятъ одною большою упряжкою, и владыка, выѣхавшій послѣ ранняго обѣда, долженъ былъ пріѣхать въ городъ къ вечеру. Время стояло погожее, и грунтовыя дороги были въ порядкѣ, а потому никакихъ „непредвидѣнностей“ не предвидѣлось, и оба экипажа пронеслись доброе полпути совершенно благополучно и даже весело. Веселости настроенія, конечно, не мало содѣйствовало и то, что путники, скакавшіе впереди въ тарантасѣ, молодые люди, тоже выѣхали не безъ запаса и, притомъ, не закладывали его очень далеко. Но они не совсѣмъ вѣрно разочли и раньше времени замѣтили, что оживлявшая ихъ возбудительная влага исчезла прежде, чѣмъ путь пришелъ къ концу. Достать же восполненіе оскудѣвшаго дорогою негдѣ было... кромѣ какъ у архіерея, которому хлѣбосольный старецъ предупредительно сунулъ что-то подъ его Сэмэна.

И вотъ, расшалившаяся молодежь немножко позабылась и пришла къ дерзкой мысли воспользоваться архіерейскимъ запасомъ. Весь вопросъ былъ только въ томъ: какъ это сдѣлать? Просто остановиться и попросить у архіерея вина изъ его запаса — казалось неловко, обратиться же за этимъ къ Сэмэну — еще несообразнѣе. А между тѣмъ, вина достать хотѣлось во что бы то ни стало, и желаніе это было исполнено.

Ѣхавшій впереди тарантасъ вдругъ остановился, и три молодые человѣка, въ самыхъ почтительныхъ позахъ, явились у дверецъ архіерейской кареты.

Владыка выглянулъ и, увидавъ стоявшаго передъ нимъ съ рукою у козырька кавалериста, вопросилъ:

— По какой это причинѣ мы стали?

— Здѣсь, ваше преосвященство, въ обычаѣ: на этомъ мѣстѣ всѣ останавливаются.

— А по какой причинѣ такой обычай?

— Тутъ, кто имѣетъ съ собою запасъ, всегда тосты пьютъ.

— Вотъ-те на! А по какой-же это причинѣ?

— Съ этого мѣста... были замѣчены первыя мѣсторожденія рудъ, обогатившихъ отечественную промышленность.

— Это резентъ! отвѣтилъ владыка: если сіе справедливо, то я такому обычаю не противникъ. И, открывъ у себя за спиною въ каретѣ форточку, черезъ которую онъ могъ отдавать приказанія помѣщавшемуся въ заднемъ кабріолетѣ Сэмэну, скомандовалъ:

— Сэмэнъ, шипучаго!

Сэмэнъ открылъ свои запасы, пробка хлопнула, и компанія, распивъ бутылку шампанскаго, поѣхала далѣе.

Но проѣхали еще верстъ десять, и опять тарантасъ сталъ, а у окна архіерейской кареты опять три молодца, предводимые офицеромъ съ рукою у козырька.

Владыка снова выглянулъ и спрашиваетъ:

— Теперь по какой причинѣ стали?

— Опять важное мѣсто, ваше преосвященство.

— А по какой причинѣ оно важно?

— Здѣсь Пугачовъ проходилъ, ваше преосвященство, и былъ разбитъ императорскими войсками.

— Резентъ, — и хотя фактъ сомнителенъ, чтобы это было здѣсь, но, тѣмъ не менѣе, Сэмэнъ, шипучаго?

Прокатили еще, и опять тарантасъ стоитъ, а молодые люди снова у окна кареты.

—Еще по какой причинѣ стали? освѣдомляется владыка.

— Надо тостъ выпить, ваше преосвященство.

— А по какой причинѣ?

— Здѣсь, ваше преосвященство, самая высокая сосна во всемъ уѣздѣ.

— Резентъ,—и хотя фактъ совершенно не достовѣренъ, но, Сэмэнъ, шипучаго!

Но „Сэмэнъ“ не отвѣтилъ, а звавшій его владыка, глянувъ въ форточку, всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Ахъ-ти мнѣ! — мой Сэмэнъ отвалился!

Происшествіе случилось удивительное: за каретою дѣйствительно не было не только Сэмэна, но не было и всего задняго кабріолета, въ которомъ помѣщалась эта особа со всѣмъ, что подъ оную было подсунуто.

Молодые люди были просто поражены этимъ происшествіемъ, но владыка, опредѣливъ значеніе факта, самъ ихъ успокоилъ и указалъ имъ, что надо дѣлать.

— Ничего, сказалъ онъ: это событіе естественно. Сэмэнъ отвалился по той причинѣ, что карета и вся скоро развалится. Поищите его поскорѣе по дорогѣ, не зашибся-ли!

Тарантасъ поскакалъ назадъ искать отвалившагося Сэмэна, котораго и нашли всего версты за двѣ, совершенно цѣлаго, но весь бывшій подъ нимъ запасъ шипучаго исчезъ, потому что бутылки разбились при паденіи кабріолета.

Насилу кое-какъ прицѣпили этотъ кабріолетъ на зад-

нія долгія дроги тарантаса, а Сэмэна усадили на козлы и привезли обратно къ владыкѣ, который тоже не могъ не улыбаться по поводу всей этой исторіи и, тихо снося довольно грубое ворчаніе отвалившагося Сэмэна, уговаривалъ его:

— Ну, по какой причинѣ такъ гнѣваться? Кто виноватъ, что карета *напьянилась*.

По такомъ финалѣ поѣздъ достигъ города, гдѣ сопровождавшіе владыку молодые люди озаботились тщательно укрѣпить кабріолетъ Сэмэна къ каретѣ и здѣсь, прощаясь съ пр. Н—мъ, испросили у него прощенія за свою вчерашнюю шалость

— Богъ проститъ, Богъ проститъ, отвѣчалъ владыка. Ребята добрые,—я васъ полюбилъ и угощалъ за то, что согласно живете.

— Но, владыка... вы сами такъ снисходительны и добры... Мы васъ никогда не забудемъ.

— Ну вотъ! пѣтушки хвалятъ кукука за то, что хвалитъ онъ пѣтушекъ. Меня помнить нечего, а помните Того, Кто велѣлъ, чтобы всѣ мы любили другъ друга.

И съ этимъ молодежь разсталась съ добрымъ старцемъ навсегда.

Кажется, по осени того-же года, старшій изъ этихъ трехъ братьевъ, необыкновенно хорошо передававшій manière de parler епископа Н-та, войдя съ пріѣзда въ свой кабинетъ, гдѣ были въ сборѣ короткіе люди дома, воскликнулъ:

— Грустная новость, господа!

— Что такое?

— Сэмэнъ больше уже не даетъ пѣтушкамъ шицу-

чаго! сказалъ онъ, подражая интонаціи преосвященнаго Н—та.

— А по какой причинѣ? вопросили его въ тотъ-же голосъ.

— Милый старичокъ нашъ умеръ, — вотъ номеръ газеты, читайте.

Въ газетѣ дѣйствительно стояло, что пр. Н—тъ скончался, и скончался въ дорогѣ. Вѣроятно, при немъ былъ его „Сэмэнъ“, но какъ о малыхъ людяхъ, состоящихъ при такихъ особахъ, не говорится, то о немъ не упоминалось. Впрочемъ, хотя все это было сказано по казенному, но, однако, не обошлось безъ теплоты, вѣроятно совсѣмъ не зависѣвшей отъ автора. Сказано было о какомъ-то сопровождавшемъ владыку протоіереѣ, которому добрый старецъ, умирая, устно завѣщалъ употребить на доброе дѣло все тѣ-же пресловутые триста рублей, „нажитые имъ честнымъ трудомъ“ и составлявшіе *все* оставленное этимъ архіепископомъ наслѣдство. Деньги эти онъ всегда носилъ при себѣ, и они оказались въ его подрясникѣ.

Какъ онъ ихъ „нажилъ честнымъ трудомъ“, это остается не выяснено, но нѣкто, знавшій покойника, полагаетъ, что, вѣроятно, онъ получилъ ихъ за сдѣланный имъ когда-то переводъ какой-то ученой греческой книги.

Наступникъ этого ласковаго и снисходительнаго епископа, ѣздившаго въ ветхой каретѣ и читавшаго на сонъ грядущій сатиры Щедрина, кажется, не имѣлъ никакихъ поводовъ жаловаться, что предмѣстникъ его сдалъ ему епархію въ безпорядкѣ. Она, подобно многимъ частямъ русскаго управленія, умѣла прекрасно управляться сама собою, къ чему русскіе люди, какъ извѣстно, отмѣнно

способны, если только тотъ, кто ими правитъ, способенъ убѣдить ихъ, что онъ имъ вѣритъ и не хочетъ докучать имъ на всякій шагъ безпокойною подозрительностію.

За симъ, сказавъ миръ праху и добрую память доброму старцу, перейдемъ къ лицамъ тоже добрымъ, но гораздо болѣе тонкимъ и политичнымъ.

X.

Есть очень распространенное, но совершенно ложное мнѣніе, будто наши архіереи, всѣ заурядъ, люди крутые и неподатливые, будто они совсѣмъ безжалостны къ скорбямъ и нуждамъ мірскихъ человѣковъ. Такое, давно сложившееся, но, какъ я смѣю думать, неосновательное или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ одностороннее мнѣніе, особенно раздражительно выразилось въ послѣднее время, т. е., именно въ то время, когда представительство церкви, повидимому, какъ-будто начало сознавать необходимость не раздражать болѣе противъ себя русское общество, и безъ того раздраженное до весьма искренней непріязни къ духовенству.

По несчастью, поводъ къ самымъ сильнымъ раздраженіямъ былъ данъ какъ разъ въ самое недавнее время, и причиною къ нему было, такъ называемое въ газетахъ, послѣднее „фіаско брачнаго вопроса въ св. синодѣ“.

Синодальныя сужденія по этому *ноющему* вопросу русской жизни далеко не вполнѣ извѣстны всему обществу, которое должно было довольствоваться только краткими „резюме“, а въ нихъ для него не было ничего утѣшительнаго. Люди несчастливые въ бракѣ опять остались въ безотрадномъ и безвыходномъ положеніи—тянуть

цѣлую жизнь тяжкое и неудобоносимое бремя несноснаго сожительства при взаимныхъ неладахъ и ненависти. Выходы остались прежніе: или смерть, или клятвопреступническая процедура нынѣшняго развода, или преступленіе въ родѣ того, какое намъ являетъ судебная хроника въ харьковскомъ дѣлѣ объ убійствѣ доктора Ковальчукова. Желать смерти даже ненавистнаго человѣка отвратительно; искать союза съ клятвопреступниками, содѣйствіе которыхъ необходимо при нынѣшнихъ законахъ о разводѣ, не менѣе отвратительно и, притомъ, стоитъ очень дорого. Это возможно только людямъ богатымъ, а семейное счастіе желательно и потребно каждому,—и бѣдному оно даже нужнѣе, чѣмъ богатому. Третій способъ раздѣлаться съ ненавистнымъ союзомъ есть—преступленіе, на которое, къ счастію человѣчества, способны очень немногіе относительно всего числа несчастливыхъ супруговъ. Далѣе, выходя изо всякаго терпѣнія, люди, при какой-нибудь долѣ благоразумія, предпочитаютъ то, что, по господствующимъ понятіямъ, хотя и составляетъ позоръ, но при всемъ томъ даетъ людямъ какой-нибудь призракъ семейнаго счастія: у насъ все болѣе и болѣе распространяется безбрачное сожительство по-неволѣ. Люди эти несутъ нѣкоторое тяжкое отчужденіе и, страдая отъ него, конечно, не благословляютъ и никогда не благословятъ тѣхъ, кого они считаютъ виновниками своихъ несчастій, т. е. защитниковъ тягостнѣйшихъ и невыносимыхъ условій нерасторжимаго брака при несходствѣ нрава и характеровъ.

Понятно, что когда, при такихъ обстоятельствахъ, обществу стало извѣстно, что брачный вопросъ, поднятый въ синодѣ по почину лица свѣтскаго чина, „потерпѣлъ полнѣйшее фіаско“ по неподатливости лицъ чина духовнаго, то это не содѣйствовало притупленію чувства раздраженія, питаемаго многими противъ епископовъ, но, напротивъ, рожонъ, противъ котораго рѣшились прать представители церкви, еще болѣе обострился. Послышались рѣчи памятныя и страшныя, которыя можно извинить только тѣмъ состояніемъ ужасной намученности, отъ которой впадали въ отчаяніе люди, потерявшіе въ этомъ „фіаско“ всякую надежду поправить свою несчастную жизнь. Говорили: „Наши епископы, вѣрно, сами хотятъ доводить насъ до клятвопреступничества и даже до преступленій еще болѣе тяжкихъ! Пусть-же будетъ такъ, но тогда мы знать не хотимъ этой церкви, у которой такіе жестокіе представители“.

И было это раздраженное, но неосновательное слово такъ внятно и такъ жестоко, что оно, кажется, должно-бы проникнуть и за тѣ высокія стѣны, которыми ограждали себя неподатливые устроители этого фіаско. И было-бы непонятно и ужасно, какъ этотъ стонъ не тревожилъ ихъ сна и не вредилъ ихъ аппетиту, если-бы... *если-бы они могли поступить иначе*. Но дѣло, именно, таково, что, при данномъ ему направленіи, они, *какъ люди духовнаго чина*, не могли поступить иначе: они не могли руководиться ни чувствами, ни логикою явленій, которыя рѣшительно становятъ насъ на сторону лицъ, считающихъ пересмотръ и реформу брачнаго вопроса въ Россіи настоятельно-необходимыми. Ихъ дѣйствіями правила и должна была править логика иныхъ началъ, отъ которыхъ они не могли и не могутъ отступить своею вла-

стію. Но общество наше или вовсе незнающее церковной исторіи, или знающее ее только по учебникамъ, одобреннымъ св. синодомъ, никакихъ подобныхъ вопросовъ не можетъ здраво обсуждать, а умѣетъ только раздражаться. Оно *такъ воспитано.*

Но здѣсь не мѣсто разбирать интереснѣйшій и самый животрепещущій брачный вопросъ, съ непостижимымъ и, можно сказать, предосудительнымъ равнодушіемъ оставляемый нынче безъ вниманія нашей печатью*). Тронувъ его, надо тронуть очень большую и важную матерію, для чего потребовалось-бы не только

*) Очень замѣчательно, что печать довольно усердно и довольно основательно трогала этотъ вопросъ, когда онъ совсѣмъ не циркулировалъ въ правительственныхъ сферахъ (см. статьи г. Филиппова въ „*Современникѣ*“); но когда вопросъ поступилъ на очередь и подлежалъ рѣшенію, печать не оказала ему сравнительно самой малой доли того вниманія, на которое надлежало-бы, кажется, разсчитывать въ интересахъ общества. Потеря отъ этого для общества произошла большая. Конечно, нѣтъ никакого основанія думать, что даже самая энергическая поддержка со стороны печати могла измѣнить сущность рѣшенія, которое можно было предвидѣть и которое не могло быть инымъ при данномъ этому дѣлу направленіи. Но печать, несомнѣнно, могла придать вопросу всю важность его общественнаго значенія и указать другія основанія, на коихъ вопросъ о бракѣ можетъ быть и долженъ быть разсмотрѣнъ въ сферахъ, властныхъ дать ему исходъ болѣе надежный и болѣе удовлетворяющій положенію самому мучительному и невыносимому. Печать, въ этомъ случаѣ, не было связана *ничѣмъ*, кромѣ развѣ изобилія болѣе интересныхъ матеріаловъ, постоянно накопляющихся въ дѣловыхъ портфеляхъ русскихъ редакцій. Мнѣ однако достовѣрно извѣстно, что лучшій компромиссъ, при которомъ можно было ожидать самаго удовлетворительнаго рѣшенія нашего брачнаго вопроса, былъ предложенъ не публицистами и не юристами, а однимъ изъ нашихъ современныхъ архіереевъ, неоффиціальное заявленіе котораго, къ сожалѣнію, оставлено безъ вниманія. Не мудрено, что когда мучительный вопросъ о брачной реформѣ снова появится на сценѣ, резонное мнѣніе умнаго владыки будетъ уже слишкомъ прочно позабыто и дѣло опять пойдетъ въ долгій ящикъ.

много времени и мѣста, но и много знанія и обстоятельности, а моя задача иная, болѣе легкая и болѣе общая. Я не пишу изслѣдованія причинъ послѣдняго фіаско брачнаго вопроса въ св. синодѣ и не обязанъ представлять критики воззрѣній, руководившихъ устроителями этого фіаско. Я хочу только показать живыми очерками архіерейскихъ отношеній къ людямъ, страдавшимъ отъ пути этого роковаго вопроса, что объ архіереяхъ несправедливо заключать по этому „фіаско“. Многіе (если не всѣ) епископы въ душѣ совсѣмъ не такъ жестки и безсердечны, какъ это думаютъ озлобленные мученики семейнаго ада, и я приведу тому небезъинтересные и характерные примѣры въ наступающихъ разсказахъ. Они, какъ я надѣюсь, могутъ показать, что нашимъ архіереямъ совсѣмъ не чужды доходящія до нихъ скорби мірскихъ человѣковъ, нуждающихся въ милосердномъ снисхожденіи къ ихъ брачнымъ затрудненіямъ. Мы увидимъ, что архіереи иногда дѣлаютъ для облегченія этихъ затрудненій не только все, что могутъ, но даже порою идутъ въ своемъ соболѣзнованіи гораздо далѣе.

Первый случай такого рода я знаю въ моемъ собственномъ отдаленномъ свойствѣ.

Нѣкто А. Т., довольно родовитый и крупный помѣщикъ о—ской губерніи, былъ женатъ на своей кузинѣ. Несмотря на ихъ непозволительный по степени родства бракъ, они были обвѣнчаны и жили такъ благополучно, какъ будто на союзъ ихъ, самымъ законнымъ образомъ, низошло самое полнѣйшее божеское благословеніе, котораго, казалось-бы, ничто не въ состояніи нарушить. И мужъ, и жена были извѣстны за очень хорошихъ лю-

дей, каковыми, вѣроятно, считалъ ихъ и мѣстный преосвященный П—пъ, очень строгій монахъ и чудакъ, но очень добрый человѣкъ, неоднократно посѣщавшій супруговъ Т—выхъ въ ихъ родовомъ селѣ Х—ахъ, на берегу рѣки Оки. У Т—выхъ было уже нѣсколько дѣтей, и вдругъ надъ ними грянулъ громъ и, притомъ, что называется, грянулъ не изъ тучи, а изъ навозной кучи. Божіе благословеніе, благоуспѣшно призванное на это семейство церковью и видимо на немъ опочившее, захотѣлъ снять и снялъ пьяный дьячокъ. Это былъ изрядный забулдыга, который повадился ходить къ А. Т. „кучиться“, т. е. просить у него то дровецъ, то соломы. Онъ страшно надоѣдалъ этимъ попрошайствомъ, которое, вдобавокъ, обратилъ въ промыселъ: что выпрашивалъ, то не довозилъ до дому, а переводилъ въ кабакѣ на вино.

Узнавъ объ этомъ, Т. прекратилъ отпускъ дьячку яровой соломы, и когда тотъ опять сталъ докучать и попалъ подъ руку во время крайней досады, причиненной прорвою мельничной плотины, то Т. прогналъ его не совсѣмъ вѣжливо и, по былой дворянской распущенности, не придалъ этому особеннаго значенія. Велика-ли важность велѣть людямъ вытолкать пьянаго дьячка изъ дому? Но дьячокъ былъ на сей разъ съ амбиціею: онъ почелъ причиненную ему обиду за важное и отомстилъ за себя знатно и чисто по-дьячковски.

Недѣлю или двѣ спустя послѣ этого домашняго событія въ селѣ Х—хъ, Т. получилъ отъ домашняго секретаря преосв. П—па приглашеніе немедленно пожаловать въ городъ къ владыкѣ по самому важному дѣлу.

Таинственное дѣло это былъ доносъ, присланный

обиженнымъ дьячкомъ, на незаконность брака Т—ыхъ, повѣнчанныхъ въ недозволенной степени родства.

Епископъ П—пъ вызвалъ Т—ва только для того, чтобы сообщить ему объ этомъ непріятномъ событіи, котораго архіерей никакъ не могъ оставить безъ послѣдствій, и рекомендовалъ Т—ву по дружбѣ спѣшить въ Петербургъ, гдѣ назвалъ дѣльца, способнаго уложить все дѣло о расторженіи брака „подъ сукно, до умертвія“.

Т. запасся знатною и, по его соображеніямъ, достаточною для удовлетворенія дѣльца суммою, простился съ дѣтьми и съ опечаленною женою и прикатилъ въ Петербургъ.

Я его постоянно видѣлъ у себя въ эту пору и знаю всѣ перипетіи дѣла до мельчайшихъ подробностей. Оно началось, какъ говорятъ, „съ удавки“. Хорошо аттестованный преосвященнымъ П—помъ дѣлецъ, даже и состоятельному Т—ву приходился не подъ силу. Не за то, чтобы опровергнуть доносъ и утвердить бракъ двоюроднаго брата съ сестрою, а только за то, „чтобы уложить дѣло до умертвія“, онъ, не обинуясь, запросилъ русскую сказочную цѣну „до полцарства“, и ни о чемъ меньшемъ не хотѣлъ и разговаривать. „Полцарства“ — это былъ его прификсъ.

Дѣло это происходило лѣтъ 15—16 тому назадъ, и учрежденіе, отъ котораго оно зависѣло, было не въ нынѣшнемъ составѣ; но, однако, уже и тогда въ немъ появлялись новые отважные люди, замѣнившіе старинныхъ подъячихъ, бравшихъ „помельче, да почаще“. Преосв. П—пъ, конечно, и не зналъ этого новаго типа облагороженныхъ взяточниковъ, передъ которыми прежніе „хапунцы“ выходятъ кроткіе агнцы. Притомъ-же, дѣлецъ стоялъ на почвѣ законности и, стало быть, могъ никого

не бояться. Что было дѣлать? „Отдать до полцарства“, какъ онъ просилъ съ остроумною шутливостію, конечно, было жалко, да и жирно. Это составляло тысячъ около тридцати. Но остановиться на однихъ переговорахъ и не дать этихъ денегъ значило явно погубить дѣло самымъ рѣшительнымъ и, притомъ, безотлагательнымъ способомъ. Дѣлецъ слылъ за человѣка сколько смѣлаго и ловкаго, столько-же корыстолюбиваго, злаго и мстительнаго.

Все это Т—въ соображалъ и обсуждалъ, бродя цѣлыхъ три мѣсяца въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ въ О. дѣло его было уже рѣшено какъ нельзя для него хуже.

Думалъ, думалъ бѣдный Т—въ и, наконецъ, истерзанный мученіями жены и раздраженный тоскою и огромными упущеніями по хозяйству, рѣшился „дать алчному чиновнику до полцарства“. Но какъ такой наличной суммы у помѣщика въ рукахъ не было и реализовать ее тогда было еще труднѣе, чѣмъ нынче, дѣлецъ же былъ, разумѣется, человѣкъ осторожный и не шелъ ни на какія сдѣлки, а требовалъ наличность, то, въ виду всего этого, Т. послалъ женѣ распоряженіе немедленно запродать все имѣніе прицѣнившемуся къ нему богачу М—ву, а деньги доставить какъ можно скорѣе въ Петербургъ для вручения ихъ дорогому благодѣтелю.

Молодая дама, конечно, не прочь была исполнить требованіе мужа, но, по свойственной большинству дамъ бережливости, не могла разстаться съ своимъ добромъ, по крайней мѣрѣ, хоть не оплакавъ его. Ей хотѣлось спасти свой бракъ, но нестерпимо жаль было сразу лишиться „до полуцарства“.

И вотъ, по непростительному, но опять весьма свой-

ственному нѣкоторымъ дамамъ радикализму, разстроенной молодой женщинѣ вдругъ стало представляться, что вся эта игра не стоитъ такой дорогой свѣчки.

— „Бросить все, да и конецъ сразу со всѣми дьячками и попами и тѣми, кто еще ихъ повыше“ — вотъ что внезапно пришло ей въ ея разсчетливую головку. Она съ большимъ трудомъ удержалась отписать въ этомъ тонѣ мужу и съ еще большимъ усиліемъ заставила себя ѣхать въ г. О. съ тѣмъ, чтобы начать тамъ переговоры о желаніи продать родовое имѣніе, которое злополучные супруги надѣялись передать дѣтямъ.

Въ горѣ, почти близкомъ къ отчаянію, прибыла Т—ва въ О. и послала человѣка за нѣкіимъ „Воробьемъ“, мѣщаниномъ, исполнявшимъ тогда въ этомъ городѣ всякія маклерскія коммиссіи, но посолъ не засталъ знаменитаго „Воробья“ дома, огорченная-же дама, чтобы не сидѣть одной вечеръ съ своимъ горемъ, вздумала проѣхать къ кому-нибудь изъ своихъ, посовѣтоваться. Но дѣло было лѣтомъ, когда О., представлявшій тогда, по выраженію близко знавшаго его романиста, „дворянское гнѣздо“, былъ пустъ: вся его родовая знать жила въ эту пору въ своихъ маетностяхъ, и совѣтоваться было не съ кѣмъ, съ мѣстными же дѣловиками дама не хотѣла говорить, да и не видѣла въ томъ никакой для себя пользы.

Въ такомъ положеніи, грустная и одинокая, не видя ни въ комъ изъ людей помощи и защиты, она вспомнила о самомъ послѣднемъ помощникѣ, призываемомъ какъ-бы изъ-за штата, — она вспомнила о Богѣ. —

Мысль отдать праздный и тяготящій своею пустотою часъ молитвѣ показалась ей такою утѣшительною и счастливою, что она немедленно-же привела ее въ исполненіе.

Случай благопріятствовалъ молитвенному настроенію огорченной дамы: въ то самое время, какъ она пожелала обратиться къ „послѣднему защитнику“, въ церквахъ ударили ко всенощной, и люди потянулись къ храмамъ. Въ это время въ О. была „болѣзнь на людяхъ“, и все населеніе города было настроено построже, почутче и побогобоязненнѣе. Т—ва вспомнила объ уютномъ уголкѣ въ домовой церкви преосв. П—па и немедленно-же отправилась туда „выплакаться: не просвѣтитъ-ли Богъ, что ей сдѣлать?“

Таковы, по ея собственнымъ словамъ, были ея мысли, которымъ она намѣрена была просить услышанія.

Вздумано и сдѣлано: — Т—ва пріѣхала въ монастырь и застала домовую церковь довольно отдаленнаго архіерейскаго дома почти совсѣмъ пустою. Всенощную служилъ простой іеромонахъ, а архіерея не было видно: какъ послѣ оказалось, онъ стоялъ у себя въ комнатѣ, изъ которой, по довольно общему архіерейскимъ домамъ обычаю, было продѣлано въ церковь окно, занавѣшенное голубою марлею.

Т—ва стала на колѣни въ уголкѣ, за лѣвымъ клиросомъ, и молилась жарко, сама не помня откуда взявъ для своей молитвы слова:

— „Боже! по суду любящихъ имя Твое спаси насъ!“

Инаго она ничего не могла ни собрать въ своемъ умѣ, ни сложить на устахъ, и, какъ ветхозавѣтная Анна, только плакала и шептала:

— „Спаси насъ по суду любящихъ Твоя имя“, и въ томъ была услышана.

Выплакавшись вволю, молодая женщина даже не замѣтила, какъ окончилось служеніе и немногіе богомольцы, бывшіе въ церкви, стали выходить. И она встала съ колѣнъ и хотѣла идти вонъ, но вдругъ къ ней подходитъ архіерейскій служка и, отъ имени владыки, проситъ ее завернуть на минутку къ преосвящ. П—пу.

Т—ва почитала преосвящ. П—па и въ другой разъ была-бы рада его зову, но теперь она чувствовала себя слишкомъ разстроенною и отказалась.

— Поблагодарите владыку, сказала она: я очень-бы рада услыхать его слово, но я очень, очень разстроена...

И она пошла далѣе, но не успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ее снова остановилъ запыхавшійся келейникъ и говоритъ, что владыка потому-то и проситъ ее къ себѣ, что онъ видѣлъ въ окно, какъ она разстроена.

— Ихъ преосвященство и сами не совсѣмъ хорошо себя чувствуютъ, добавилъ келейникъ, но непремѣнно хотятъ о чемъ-то говорить съ вами.

Дама подумала, что архіерей, можетъ-быть, скажетъ ей что-нибудь полезное по ея дѣлу, и пошла за провожатымъ.

Едва она вошла въ залъ, какъ тотчасъ была встрѣчена самимъ архіереемъ, который ласково протягивалъ ей обѣ руки.

Наблюдая бѣдную женщину въ церкви и замѣтивъ ея сильное разстройство, онъ, очевидно, и самъ растрогался.

— Что за горе, что за горе съ вами? заговорилъ преосвященный участливо, переводя даму въ гостиную, гдѣ усадилъ ее на диванъ, и, приказавъ подать чай, попросилъ гостью разсказывать „все по порядку“.

Дама разсказала все, что мы уже знаемъ изъ верхнихъ строкъ нашего повѣствованія.

Архіерей закачалъ головою, всталъ и началъ молча ходить.

Пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ остановился передъ гостьею и произнесъ:

— Дорого.

— Ужасно, владыка.

— Дорого... весьма дорого... очень весьма дорого!

— И посудите, владыка: гдѣ-же я могу такъ скоро взять столько денегъ? продолжала сквозь слезы дама.

— Гдѣ взять столько денегъ? Негдѣ взять столько денегъ! Нѣтъ, это дорого.

— Но что-же дѣлать, владыка? Я должна исполнить, что приказываетъ мужъ...

— Должны, должны исполнить:—мужняя воля прежде всего для хорошей жены... Но только очень дорого!

— Но какъ-же намъ быть, владыка?

— Какъ быть, какъ быть? — Право не знаю, какъ вамъ быть, но только это дорого.

— Я уже не знаю, что и предпринять...

— Да и не мудрено... Ишь какъ дорого!

— Не подадите-ли вы, владыка, какого-нибудь совѣта?

— Да какіе-же мои совѣты? Я вѣдь вотъ указалъ на этого дѣловитаго мужа, — думалъ хорошо выйдетъ, а онъ, видите, какъ дорого. Нѣтъ, вамъ надо съ кѣмъ-нибудь изъ умныхъ людей подумать.

— Но когда думать, владыка, и гдѣ этихъ умныхъ людей теперь искать?

— Да, это правда: умные люди у насъ нонѣ рѣдки,— очень рѣдки, очень рѣдки, и кои есть еще—очень извер-

тѣлись и на добро не сродны. Ишь какъ дорожится... подай ему „до полуцарства“. А самому съ чѣмъ оставаться?

— Съ половиною только, владыка.

— Какъ говорите?

— Я говорю: самимъ намъ придется оставаться съ половиною.

— Съ половиною-то это-бы еще ничего...

— Какъ ничего?

— Такъ: половины вашей еще-бы, пожалуй, достаточно, чтобы поднять дѣтей на ноги, но... Вы, право, лучше-бы обо всемъ этомъ съ какимъ-нибудь умнымъ человѣкомъ поговорили; умный человѣкъ могъ-бы васъ *однимъ* словомъ на полезное наставить.

— Ахъ, Боже! да гдѣ я его сейчасъ возьму, владыка, такого умнаго человѣка? вы-же сами изволите говорить, что они очень рѣдки.

— Правда, правда, умные люди очень рѣдки, но все-таки они есть гдѣ-нибудь въ черномъ углѣ.

— Да Богъ съ ними; въ какой еще уголъ мнѣ метаться?.. Да и въ моемъ теперешнемъ положеніи, я думаю, и никакой умный ничего для меня полезнаго не скажетъ, кромѣ какъ: вынь да положь деньги, сколько требуютъ.

— Охъ, не говорите этого, — это не такъ.

— Право такъ, владыка.

— Нѣтъ, я сомнѣваюсь.

Дама посмотрѣла на архіерея и думаетъ:

— Что-же это, твое преосвященство хитритъ или помочь мнѣ хочетъ — и спрашиваетъ его:

— А что-же, напримѣръ: какое-такое „одно слово“ могъ-бы мнѣ сказать умный человѣкъ?

— Умный человѣкъ умно и скажетъ.

— Да, ваше преосвященство, но что-же бы онъ могъ мнѣ сказать? Какое онъ можетъ знать *„одно слово“?*

— Ну, вѣдь это вамъ у него надо спросить.

— Да, но вы предположите, что я его спросила и жду его отвѣта... Что же онъ мнѣ проговоритъ? Вы простите меня, ваше преосвященство, — я такъ растерялась, что совсѣмъ безтолковая сдѣлалась и думаю, что въ помощь мнѣ никакой мудрецъ ничего изречь не можетъ.

— Да, конечно, съ васъ требуютъ очень дорого, но мудрецъ все-таки могъ-бы поразсудить...

— Но, что же такое, владыка, онъ будетъ разсуждать?

— Что такое? Ну, напримѣръ, будемъ говорить такъ...

— Я васъ слушаю, владыка.

— Если онъ мудръ и, къ тому-же, добръ и сострадателенъ...

— Добръ и сострадателенъ, какъ вы, владыка.

— Нѣтъ, не какъ я, а гораздо меня болѣе, то... отчего бы ему, напримѣръ, не разсуждать такъ...

— Какъ же, какъ, владыка? вопросила нетерпѣливая дама.

— Ну, положимъ, хоть вотъ какъ, продолжалъ съ разстановками архіерей: положимъ, что онъ, какъ мудрецъ, могъ-бы знать, какъ этого петербургскаго жадника безо всего оставить: онъ бы вамъ это такъ ясно довелъ, что вы бы и успокились.

Т—ра заплакала.

— Ахъ, бѣдное дитя! Но чего-же вы плачете?

— Владыка! вы ко мнѣ немилостивы, — это вы дѣлаете, что я плачу.

— Я это дѣлаю! но чѣмъ я это дѣлаю, бѣдняжка?

— Конечно вы, владыка! Я и такъ истрадалась, но

уже привыкла къ мысли, что намъ нѣтъ спасенія, а вы оживили во мнѣ надежду, а не хотите сказать, что-же мнѣ можетъ присовѣтовать очень умный человѣкъ?

— Ну, вотъ! развѣ я это знаю.

— Знаете.

— Да откуда-же я знаю?

— Знаете.

Дама улыбнулась и архіерей тоже.

— Позвольте, сказалъ онъ: я уже давно ни съ однимъ умнымъ человѣкомъ ни говорилъ, но развѣ для васъ... переговорить.

— Ахъ, переговорите, владыка, воскликнула, всплеснувъ руками, дама и хотѣла, кажется, упасть передъ нимъ на колѣна.

Архіерей ее удержалъ, посадилъ опять на кресла и молвилъ:

— Переговорить... да... переговорить... надо бы переговорить, но только...

На этомъ словѣ онъ неожиданно сморщился и сказалъ:

— Ахъ, извините, пожалуйста, я долженъ васъ на минутку оставить...

Съ этимъ онъ повернулся къ гостьѣ спиною и быстрою походкою удалился въ свои внутренніе покои, откуда, черезъ неплотно притворенную дверь, послышалось торопливое щелканье повернувшагося въ пружинномъ замкѣ ключа,—затѣмъ все стихло.

Молодая дама внезапно очутилась въ полномъ недоумѣніи: она рѣшительно не могла понять, что̀ такъ неожиданно отозвало отъ нея добраго и, повидимому, принимавшаго въ ней живое участіе архіерея. Но, къ

счастію ея, въ эту минуту появился келейникъ съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ чашки чаю, сухари и варенье.

— Куда вышелъ владыка? спросила тихонько дама; но келейникъ, не смотря на то, что имѣлъ въ ухѣ серебряную сережку, сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ.

— Гдѣ теперь владыка? переспросила гостья.

Келейникъ болѣе не отмалчивался, но, въ тонѣ вопрошавшей, такъ-же тихо отвѣтилъ, что онъ объ этомъ ей никакъ доложить не можетъ.

— Но, однако, онъ дома?

— О, дома-съ, совершенно дома. Они скоро выйдутъ.

И, какъ-бы для большаго успокоенія гостьи, что внезапно покинувшій ее хозяинъ дѣйствительно скоро вернется, — служитель его преосвященства поставилъ на столъ большую голубую севрскую фарфоровую чашку, изъ которой архіерей всегда кушалъ, и самъ скрылся.

Дама снова осталась одна, но уже въ гораздо болѣе оживленномъ настроеніи. Ей, во-первыхъ, думалось, что архіерей выйдетъ или не съ пустыми руками, а съ нужными ей тысячами, которыя и предложитъ ей немедленно взаймы, или-же онъ принесетъ ей то „одно слово“ умнаго человѣка, которое можетъ обуздать и сдѣлать безвреднымъ петербургскаго жадника.

Конечно, вынести деньги было-бы всего лучше, да, притомъ, и всего легче, такъ какъ, по мнѣнію нашихъ дамъ, у всѣхъ архіереевъ десятки и даже сотни тысячъ всегда такъ и лежатъ готовыя, на всякій случай, въ шкатулкѣ:—стоитъ только его преосвященству щелкнуть ключомъ, опустить туда руку, вынуть пачки да отсчитать, — вотъ и дѣло въ шляпѣ. Ключомъ, уже она сама

слышала, какъ его преосвященство щелкнулъ, а теперь онъ, очевидно, занятъ только отсчитываньемъ,—поэтому келейникъ и не смѣлъ сказать, гдѣ владыка находится и чѣмъ онъ занятъ,—но сейчасъ онъ отложитъ, сколько ей нужно денегъ, и вынесетъ, прежде чѣмъ остынетъ чай въ его севрской чашкѣ. Конечно, ей будетъ немножко совѣстно брать, но что дѣлать?—если онъ предложитъ ей, она, хоть это и конфузно немножечко, все-таки возьметъ, а потомъ ему отдастъ. Какая-же въ этомъ бѣда?

И вотъ, дамѣ стало все легче и легче смотрѣть на свѣтъ и думать о своемъ дѣлѣ. Легкій, игривый умъ ея теперь ужь только для забавы занимался разгадкою какое это могло быть *„одно слово“*, которое стоило только сказать — и все дѣло поправится. Разумѣется, архіерей только для политики отсылалъ ее распрашивать о такомъ словѣ умнаго человѣка, а въ существѣ никакой другой человѣкъ тутъ не нуженъ, потому что владыка самъ и есть человѣкъ очень умный и нужное гостьѣ магическое слово онъ самъ-же и знаетъ. Конечно, можетъ быть, ему нельзя, неловко выговорить-это слово по его монашескимъ обѣтамъ или почему-нибудь другому, но надо его къ этому вынудить: надо вырвать у него это слово или *подловить* его на словѣ, какъ былъ подловленъ извѣстный своею тонкостью министръ, котораго она видѣла въ театрѣ, въ прекрасно исполняемой Самойловымъ пьескѣ „Одно слово министру“. Она вспомнила и Самойлова, и то слово, которое онъ такъ художественно ловитъ. Въ піесѣ это слово было: *„молчать“*, — но какое-же должно быть то слово, не въ театральной піе-

сѣ, а въ русскомъ дѣлѣ „о расторженіи незаконнаго брака и о прекращеніи безнравственнаго сожительства“? Это, конечно, не мѣшаетъ знать.

И только-что отвлеченная всѣмъ этимъ дама немножко поразсѣялась и даже утѣшилась, до слуха ея долетѣла опять звучная пружина замка какой-то отдаленной двери какого-то таинственнаго архіерейскаго покоя, и преосвященный П—пъ, съ нѣсколько измѣнившимся и какъ-бы озабоченнымъ лицомъ, появился на порогѣ. Онъ шелъ медленно, и, конечно, не безъ причины, держалъ свою правую руку за пазухою виднѣвшагося изъ-подъ черной рясы шелковаго коричневаго подрясника.

Нечего было и сомнѣваться, что онъ бережетъ-тутъ отсчитанныя имъ деньги.

Милой дамѣ, имѣющей *общія* понятія объ архіерейскихъ богатствахъ, конечно, и въ голову не приходило, что преосвящ. П—пъ, какъ о немъ говорили, „былъ не богаче церковной мыши“: этотъ архіерей былъ до такой степени бѣденъ, что самъ занималъ у своихъ подчиненныхъ по „четвертной ассигнаціи“.

Но, въ такомъ случаѣ, что-же онъ такъ бережно несъ въ рукѣ, спрятанной за пазуху? Неужто „одно слово умнаго человѣка“? Но гдѣ-же онъ нашелъ такъ скоро этого умнаго человѣка? Или у него есть свой „черный уголъ“, гдѣ такой человѣкъ спрятанъ? Но тогда зачѣмъ-же онъ посылалъ ее розыскивать умнаго человѣка, если такой, какъ Святогоровъ конь, у него всегда на-готовѣ подъ замкомъ удила грызетъ и бьетъ отъ нетерпѣнья копытомъ объ измрамранъ полъ?

Все это было невыразимо любопытно и раздражительно.

Преосвященный молча сѣлъ къ столу, положилъ себѣ

въ свою голубую чашку ложечку варенья, и молча-же началъ ее долго и терпѣливо размѣшивать.

Вѣжливая гостья не прерывала хозяина,—она только искоса поглядывала на него, стараясь проникнуть, принесъ-ли онъ ей нужныя для взятки деньги, или онъ принесъ только одно могучее слово очень умнаго человѣка, съ которымъ, какъ ей казалось, владыка удалялся для совѣщанія.

И ей было крайне досадно на застѣнчивость архіерея, который, очевидно, былъ чѣмъ-то смущенъ и какъ-бы не рѣшался возобновлять прерваннаго разговора.

Она допила свою чашку, поставила ее на столъ и сдѣлала рѣшительное движеніе, какъ-будто готовясь встать и распроститься.

Архіерей это замѣтилъ и, тронувъ ее слегка за руку, произнесъ:

— Не торопитесь.

Она осталась. Владыка опять мѣшкалъ, работая въ чашкѣ ложечкою, и, наконецъ, отпивъ чайку, началъ, покряхтывая и морщась:

— Все такъ и идетъ, повѣтріями... то такая болѣзнь, то другая... У меня на сихъ дняхъ проѣздомъ изъ Петербурга генералъ былъ... тоже дѣла имѣетъ и тоже досадуетъ и жалуется:—„совсѣмъ, говоритъ, умные люди у насъ переводятся; прежде, будто, были, а потомъ стало все менѣе и менѣе, и теперь совсѣмъ нѣтъ“. Какъ бываетъ годами отъ вѣтровъ неурожай на груши или на яблоки, такъ теперь недородъ на умы. Отчего-бы это?

— Я не знаю, владыка.

— И я не знаю. Я ему только сказалъ, что неужели уже мы стали такое сплошь-дурацкое соборище? Не встрѣчали-ли, говорю, хоть проѣздомъ кого потолковѣе?

„Да удивительно, говоритъ: ѣдешь по дорогамъ, бесѣдуешь, все будто умные люди,—обо всемъ такъ хорошо судятъ, а дойдетъ до дѣла, ни въ комъ дѣловитости нѣтъ". Вотъ не въ томъ-ли, говорю, и есть наше повѣтріе, что дѣловитые-то умы у насъ все по путямъ ходятъ, а при дѣлахъ замѣсто нихъ пристала безтолочь?

— Къ чему-же это мнѣ, владыка?

— А къ тому, что умныхъ людей, дѣйствительно, остается искать только въ глупомъ мѣстѣ, куда мы ихъ забили, точно какую непотребность. Вотъ отчего все и трудно, и нудно.

Архіерей опять остановился, а дама обнаружила новое намѣреніе встать, но онъ придержалъ ее.

— Это очень дорого съ васъ хотятъ, заговорилъ владыка.

— Уже вы въ этомъ, ваше преосвященство, согласились. Но какъ это ни дорого, а все-таки я понимаю такъ, что надо скорѣе давать деньги.

— Изъ чего-же это явствуетъ?

— А изъ того, что нѣтъ другаго спасенія.

— Да; а въ этомъ-то развѣ есть спасеніе?

— Мм... по крайней мѣрѣ, обѣщаютъ, тогда какъ, добавила она, улыбнувшись, вы, владыка, даже не хотите мнѣ сказать, что думаетъ о моемъ несчастіи очень умный человѣкъ.

Архіерей поглядѣлъ на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и, въ свою очередь, спросилъ:

— Кого вы подъ симъ разумѣете?

Дама пошла на рискъ и отвѣтила на-прямикъ, что она говоритъ о томъ, съ кѣмъ владыка выходилъ поговорить, оставляя ее одну въ своей гостиной.

Архіерей посмотрѣлъ на нее еще съ большимъ недо-

умѣніемъ, но потомъ сію-же минуту улыбнулся, махнулъ рукою и заговорилъ:

— Ахъ, такъ вы объ этомъ!... Куда выходилъ... а что-же? Это хорошо такъ. Ну, извольте: я отъ васъ не скрою, что оный умникъ думалъ. Онъ тѣхъ мыслей, что деньги, разумѣется, пустяки, пометъ въ сравненіи съ семейнымъ счастіемъ, но для иной свиньи и помета жалко. По его мыслямъ, деньги давать не слѣдуетъ, ибо черезъ то ваше семейное спокойствіе не устроится.

— А какъ-же оно можетъ устроиться?

— Это другой вопросъ.

— Но умный человѣкъ, можетъ-быть, и объ этомъ вопросѣ имѣетъ мысли?

— Имѣетъ.

— И какъ-же онъ разсуждаетъ?

— Сократически.

— Помилуйте, владыка: что-же? Я ничего въ этомъ не понимаю. Сократъ былъ философъ, а я простая женщина.

— Это ничего не значитъ. Сократа всѣ понимать могутъ.

— Ну, позвольте,—я попробую.

— Извольте. Въ мысляхъ умнаго человѣка предлагается такое сужденіе, какъ я сказалъ, почти въ сократической формѣ. По какому поводу возникла вся эта исторія, простирающаяся нынѣ до половины вашего царства?

— Она возникла потому, что я и мой мужъ между собою двоюродные братъ и сестра.

— Изрядно сказано: иначе она не могла возникнуть. Но если-бы объ этомъ никто не доносилъ, то не могла-ли бы эта исторія не подниматься?

— Конечно, она никогда-бы не поднялась.

— Да, возможно допустить, что она не поднялась бы, хотя это всегда подвержено случайности.

— Какой, напримѣръ?

— Такой, напримѣръ, что кто-нибудь изъ родственниковъ вашего мужа послѣ его смерти могъ претендовать на родовое наслѣдство и доказывать незаконность вашего брака.

— Намъ это и въ голову не приходило.

— Вѣрю. Теперь, продолжая держаться того-же сократическаго метода, основательному человѣку представляется нужнымъ опредѣлить: не былъ-ли причиною всего доносъ?

— Да разумѣется, доносъ, владыка! Я не знаю даже, зачѣмъ на этомъ такъ долго путаться?

— Позвольте, позвольте! Причиною былъ доносъ,— и кѣмъ-же сдѣланъ тотъ доносъ?

— Вы отлично изволите это знать: доносъ сдѣланъ дьячкомъ.

— Дьячкомъ! Дѣйствительно, доносъ сдѣлалъ дьячокъ. Но человѣку разсудительному можетъ придти въ голову: одни-ли только дьячки способны дѣлать доносы, или же этимъ могутъ заниматься и другіе?

— Разумѣется, не одни дьячки, ваше преосвященство, могутъ доносить. Вы все это изволите знать.

— Вѣрно, такъ: я это знаю; но дѣло не во мнѣ. Умный человѣкъ, далѣе, судитъ: доносы могутъ дѣлать не одни дьячки; а кто-же еще можетъ дѣлать доносы?

— Разные гадкіе люди.

— Гадкіе...—вамъ непремѣнно хочется назвать ихъ „гадкими“... Что же... конечно... разумѣется... но, можетъ-быть... гмъ!.. дѣло ничего не потеряетъ, если мы нрав-

ственную оцѣнку доносчиковъ отбросимъ. Для умнаго человѣка достаточно просто установить тотъ фактъ, что доносы могутъ дѣлать *разные люди*. Согласны-ли вы съ нимъ на этотъ счетъ?

— Съ кѣмъ, владыка?

— Какъ съ умнымъ?.. ну, съ этимъ человѣкомъ, который такъ разсуждаетъ?

— Да, я съ нимъ во всемъ согласна.

— Прекрасно! Теперь, если такъ, — разсмотрите-же съ нимъ: не слѣдуетъ-ли допустить, что въ числѣ различныхъ людей, способныхъ дѣлать доносы, могутъ быть и нѣкоторые пономари?

— Конечно допускаю, владыка.

— Прекрасно! Но какъ вы думаете: не могутъ-ли дѣлать доносы также и нѣкоторые дьяконы?

— Вѣрно могутъ и дьяконы.

— Могутъ; но прослѣдимъ далѣе. Если это могутъ дѣлать дьяконы, то увѣрены-ли вы, что это совершенно не по силамъ инымъ священникамъ?

— Ахъ, имъ все по силамъ! [1])

— И имъ это по силамъ,—такъ. Ну, теперь, выше восходя: что-же вы скажете объ иныхъ отцахъ благочинныхъ? Не благонадежны-ли и они въ разсужденіи способностей доносить?

— То же самое скажу и о нихъ, ваше преосвященство.

— Выше отцовъ благочинныхъ намъ подниматься уже не для чего. Уяснивъ себѣ все сказанное, толковый человѣкъ знаетъ, что доносы могутъ поступать не отъ

[1]) Ниже мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что разсуждавшихъ такимъ образомъ архіерея и даму нельзя винить въ голословности и пристрастіи.

одного дьячка, а еще и отъ дьякона, и отъ попа, и отъ благочиннаго. Теперь обслѣдуемъ другую сторону. По какимъ побужденіямъ сдѣлалъ свой доносъ дьячокъ?

— Ему понадобился возъ соломы; онъ пришелъ не во время, ему не дали, — онъ разсердился и донесъ.

— Такъ; а не допускаете-ли вы возможности, что пономарю можетъ когда-нибудь понадобиться возъ мякины, дьякону—возъ ухоботья, попу и отцу благочинному—возы овса и сѣна, да еще мѣшокъ крупчатки?

— Это все возможно, владыка.

— Да, свѣдущему человѣку можетъ показаться, что всѣ такія случайности возможны, и онъ смотритъ, какое каждое изъ нихъ можетъ имѣть для васъ послѣдствіе.

— То-же самое, къ какому привелъ доносъ дьячка.

— Вы хорошо судите, очень хорошо судите. Слѣдовательно, если дьячокъ достигаетъ „даже до полуцарства“, то того-же самаго могутъ достигнуть и попъ, и дьяконъ?

— Все равно.

— И всякій такъ долженъ судить, что это все равно; ну, а въ вашемъ царствѣ сколько половинъ?

— Конечно, двѣ только.

— Непремѣнно двѣ. Каждому извѣстно, что во всякомъ цѣломъ бываютъ только двѣ половины. Какъ-же тогда быть, если половины всего двѣ, а охотниковъ уничтожить ихъ множество? Не опасно-ли, что, такимъ образомъ, изъ всего цѣлаго для себя не останется ни одной половины?

— То-есть, какъ это, владыка?...

— Да такъ; это человѣку дѣловитому очень просто представляется. Если дьячковъ доносъ обойдется до полуцарства, и вы не успѣете отдохнуть, какъ на васъ уже

пономарь донесетъ,—подавай другую половину. Отдадите, а затѣмъ, когда дьяконъ съѣбедничаетъ, вамъ уже и давать больше нечего. Такъ или нѣтъ?

— Совершенно такъ, владыка.

— Думается, что такъ, потому что третьей половины уже нѣтъ; и тогда что-же? Тогда сукно-то вскроется, и все, подъ него упрятанное, выскочитъ на свѣтъ. И не будетъ тогда у васъ ни всего царства, ни законнобрачія котораго васъ лишаютъ доносы. А посему благоразумный человѣкъ думаетъ: не лучше-ли сберечь себѣ, по крайней мѣрѣ, свое царство и, притомъ, не повреждать съ ожесточеніемъ нравовъ ближнихъ!

— Какихъ-же это, ближнихъ владыка?

— А духовенства!

— Помилуйте, они такъ сформированы, что мы ничего не можемъ повредить въ нихъ!

— Очень многое:—увидавъ такую доходную статью, они станутъ еще болѣе искушаться въ доносахъ и во всемъ сами себя превзойдутъ.

— Ахъ, Богъ съ ними совсѣмъ!

— Да, это вамъ, свѣтскимъ людямъ, ни почемъ, но обстоятельные люди сана духовнаго такъ судить не могутъ. О насъ нынѣ никто не печется и потому нашъ долгъ самимъ предусматривать вредное и полезное и оберегать свое званіе отъ искушеній. Повѣрьте мнѣ, что настоящій умный человѣкъ непремѣнно вамъ это скажетъ. Пощадите, господа, бѣдное русское духовенство: дайте ему, если имѣете милость, сѣнца и соломки, но, сдѣлайте милость—не давайте ему повода думать, что вы его на какой-нибудь случай боитесь. Пожалуйста, ихъ къ этому не поважнивайте!

— Да позвольте, что мнѣ до нихъ за дѣло, владыка?

— Какъ что? Развѣ вы не русская?

— Русская я, русская,—я это знаю, но потому-то я и не хочу ни о комъ думать, а только боюсь доносовъ.

— А вы ихъ не бойтесь.

— Да какъ-же ихъ не бояться?

— Такъ не бойтесь; развѣ вы не знаете, что кто холеры не боится, того сама холера боится?

— Но вѣдь, однако, насъ съ мужемъ по доносу развели.

— Ну, и что-же: какая отъ сего бѣда?

— Та, что дѣтей нашихъ признали незаконными.

— А хуже этого что?

— Что-же еще хуже, владыка! Я ужь и сама не помню, что я тамъ читала: вы вѣдь сами изволили это утвердить.

— Утвердилъ, согласился,—не могъ не согласиться: рѣшенье по закону правильно.

— Ужасно, ужасно!

— Да то-то: что-же такое?

— Тамъ что-то еще „предать покаянію“, „возбранить безнравственное сожительство“.... Одно слово страшнѣе другаго.

— Да, вы правы, страшныя слова, страшныя слова, а вы имъ... не того...

— „Не чего“, владыка?

— *Не довѣряйте.*

Дама поняла, что *это* и есть *одно слово умнаго человѣка,* и спросила:

— И это все?

Но архіерей вмѣсто отвѣта опять сморщился, задвигалъ рукою, которая была у него подъ ряскою, и проговорилъ:

— Да, ужъ извините... я долженъ уйдти... опять повѣтріе.

И съ этимъ онъ быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собою дверп. Очевидно, онъ на этотъ разъ особенно спѣшилъ уединиться съ „умнымъ человѣкомъ“.

Вѣрно или нѣтъ поняла молодая дама *одно слово* своего епископа, но только она не возвратилась въ домъ свой, въ деревню, а прикатила прямо въ Петербургъ и потребовала отъ мужа подробнаго объясненія о ходѣ дѣла.

Тотъ ей разсказалъ.

— Ну, такъ это все надо бросить, рѣшила дама.

— Какъ бросить? удивился мужъ.

— А такъ, что теперь на насъ донесъ дьячокъ, и за это мы отдадимъ половину состоянія; потомъ на насъ донесетъ дьяконъ. и мы должны будемъ отдать другую половину; а послѣ донесетъ попъ, и намъ уже и давать будетъ нечего. И тогда насъ разведутъ, и дѣти наши будутъ и безъ правъ, и безъ состоянія. А потому надо сберечь имъ что-нибудь одно. Надо дорожить существеннымъ: сбережемъ имъ состояніе.

— А права?

— Они ихъ получатъ по образованію.

— А мы сами?

— Что-же о насъ?

— Мы не будемъ болѣе мужемъ и женою.

— Мы будемъ тѣмъ, чѣмъ мы есть другъ для друга и для нашихъ дѣтей, къ которымъ намъ пора возвратиться.

— Но... меня все тревожитъ...

— Что тебя еще тревожитъ?

— Что о насъ будутъ говорить? Тебя будутъ называть не женою моею, а...

Но дама не дала мужчинѣ договорить тяжелаго слова: она закрыла его губы своею ручкою и съ доброю ласкою проговорила:

— Мы будемъ этому *не довѣрять*.

Онъ поцѣловалъ ея руку, и оба они обняли другъ друга и заплакали слезами, въ которыхъ смѣшались и горе, и радость.

Такъ эта Евва безъ большихъ затрудненій склонила своего Адама „*не довѣрять*“ тому, что о нихъ писали въ губернскихъ и столичныхъ инстанціяхъ, и оставила петербургскаго жадника безъ куша. Полцарства своего они никому не дали и нынѣ сидятъ на немъ и преблагополучно господствуютъ. Ихъ, разумѣется, развели, и подписку съ нихъ взяли, и покаяніе ихъ, гдѣ надо, значилось. Всѣ мѣры къ прекращенію ихъ безнравственнаго сожительства были приняты, всѣ страшныя слова проговорены и прописаны, но разведенные супруги, держась совѣта, который ими, можетъ-быть, невѣрно и понятъ, все-таки никакимъ этимъ страстямъ „не довѣряли“ и понынѣ не довѣряютъ, и Богъ ихъ на доброй русской землѣ терпитъ. Семья ихъ до сихъ поръ сохраняетъ свой прежній счастливый составъ и мирное благоденствіе, а недовѣріе ихъ имѣетъ столько заразительнаго, что всѣ, ихъ знающіе, продолжаютъ ихъ посѣщать по старому, и даже сами совершенно не довѣряютъ, что тутъ что-либо кѣмъ-нибудь измѣнено. Словомъ, все, что гдѣ-то когда-то было постановлено объ этихъ супру-

гахъ, общественнымъ довѣріемъ не пользуется. Только дьячка, по доносу котораго возникла эта поучительная исторія, преосв. П—пъ убралъ въ другое мѣсто, прежде чѣмъ самъ скончался отъ того самаго повѣтрія, которое мѣшало его этюдамъ въ сократической формѣ. Одно, что измѣнилось, это то, что съ тѣхъ поръ разведенная семья увеличилась нѣсколькими дѣтьми, но это никому не мѣшаетъ: мѣстный сельскій батюшка, въ своей деревенской простотѣ, приходитъ ихъ и молитвовать, и крестить. Его сельскому необразованію и въ голову не приходитъ показать свою важность, какъ умѣлъ это сдѣлать, напр., расхваленный „образцовый священникъ“ петербургской знаменской церкви, Александръ Тимоѳѣевичъ Никольскій. Этотъ „образцовый священникъ“, какъ повѣствуетъ изданная о немъ пахальная книга, въ похожихъ обстоятельствахъ, упорно отказался помолиться надъ незамужнею родильницею. (Имя этой злополучной петербургской дамы, занесенное въ записи о. Никольскаго, *цѣликомъ пропечатано* его усердными друзьями). Онъ не только отказался идти къ родильницѣ на двукратное приглашеніе, но не сдался въ этомъ ни консисторіи, ни своему епископу. Это ему и поставлено въ заслугу, хотя въ дѣлѣ этой дамы или дѣвицы не только преосвящ. митрополитъ Исидоръ, но даже его консисторскіе чиновники, конечно, были несравненно снисходительнѣе и человѣколюбивѣе о. Никольскаго. Ему, очевидно, помѣшала его слишкомъ большая начитанность: „представитель новаго типа“ уперся въ своемъ противленіи потому, что зналъ сочиненія Василія Кесарійскаго, гдѣ вычиталъ, будто „молитва назначена только для родильницъ, состоящихъ въ честномъ бракѣ и въ законѣ“. Осуждать „представителя новаго типа“ не будемъ: из-

вѣстно, что „многія книги въ неистовство прелагаютъ“ (Дѣян. 26, 24) и за то „мертвецы судъ пріимутъ отъ написанныхъ въ книгахъ“ (Апок. 20, 12)*). Только, къ счастію нашему, обыкновенные наши священники, „семинарскіе простецы“, не имѣющіе широкой извѣстности „представителей новаго типа“, мало знаютъ отеческія писанія, въ которыхъ весьма легко запутаться. За то они бываютъ проще и покладливѣе, что намъ при нашихъ строгихъ на все правилахъ весьма необходимо. Они у насъ въ своей священной простотѣ молятся надъ всякою родильницею, которая ихъ позоветъ, и даже совсѣмъ какъ-бы „не довѣряютъ“, что есть рожденія не-законныя. Можетъ-быть, это и большой грѣхъ, какъ настаивалъ на томъ о. Никольскій, но надо надѣяться, что Богъ проститъ имъ этотъ грѣхъ ихъ невѣдѣнія, а духовное начальство, какъ видно изъ книги объ отцѣ Никольскомъ, давно этой ошибки духовенству въ фальшь не ставитъ. А посему, читатель, если вы имѣете неосторожность раздѣлять довольно общее мнѣніе, будто наши епископы по собственный охотѣ стремятся отяготить лежащія на насъ бремена тяжкія и неудобоносимыя, то повѣрьте, что это неосновательно. Повѣрьте, что, можетъ-быть, ни въ какой другой русской средѣ, особенно въ средѣ, такъ называемыхъ, „*особъ*“, вы не встрѣтите такого процента людей свѣтлыхъ и вполнѣ доброжелательныхъ, какъ среди епископовъ, которые, къ сожалѣнію, большинству извѣстны только съ сухой, оффиціальной ихъ стороны. Человѣкъ-же, какъ сказалъ нѣкто, *наилучше познается въ мелочахъ*.

*) Драгоцѣннѣе всего, что о. Никольскій велъ это дѣло, пока добился себѣ порицанія; но за то онъ и даму подвелъ подъ „эпитемію по 22 правилу Василія Великаго“...

XI.

Показавъ отношеніе одного архіерея къ мірянамъ, находившимся въ затрудненіи по случаю расторженія ихъ брака, я теперь покажу другаго архіерея и другихъ мірянъ въ еще болѣе трудномъ и строгомъ моментѣ въ брачномъ дѣлѣ.

Въ нѣкоторомъ большомъ городѣ жилъ и теперь живетъ довольно крупный чиновникъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, но съ юношескимъ сердцемъ. Этого человѣка любятъ всѣ, кто его знаетъ, и не любить его очень трудно, такъ какъ онъ чрезвычайно обязательный и милый добрякъ. У него только два порока, или двѣ слабости, изъ коихъ одну можно ему поставить даже и въ добродѣтель: онъ большой *хлопотунъ*. Всю свою жизнь онъ за кого-нибудь просилъ, или за кого-нибудь ручался, кого-нибудь вызволялъ изъ разнаго рода напастей, получая за это самъ нерѣдко болѣе или менѣе чувствительныя непріятности. Великое множество разнообразныхъ несчастливцевъ считаетъ его своимъ благодѣтелемъ, а онъ скорбитъ, что не можетъ вызволить всѣхъ, потому что фонды его понизились и курсъ палъ. Его безпрестанныя за всѣхъ просьбы и поруки однимъ наскучили, а у другихъ потеряли вѣсъ и значеніе. Лядащая мораль нашихъ прож-

женцыхъ дней такой сердечной докуки не терпитъ и не переноситъ.

Въ городѣ этого чудака прозвали: „Мать Софья о всѣхъ сохнетъ“, а въ семейномъ кружкѣ его зовутъ — „*дядя Никсъ*“, и мы удержимъ для него это послѣднее имя въ нашемъ разсказѣ.

Дядя Никсъ былъ женатъ первымъ бракомъ очень рано, на дѣвицѣ очень хорошаго семейства, изъ рода владѣтельныхъ князей К. Онъ былъ какъ нельзя болѣе счастливъ въ этомъ бракѣ,—жена его раздѣляла общую къ нему симпатію и уваженіе и нѣжно его любила, но счастіе ихъ было непродолжительно: молодая женщина умерла родами, оставивъ мужу маленькаго сиротку.

Вдовецъ очутился въ грустномъ и трудномъ положеніи—одинъ съ маленькимъ ребенкомъ, котораго ни за что не хотѣлъ отдать изъ дома. Но Богъ о добрыхъ людяхъ печется: семья покойницы, принимая живое участіе въ осиротѣвшемъ добрякѣ, прислала къ нему пожить и заняться имъ и ребенкомъ младшую сестру умершей, — тоже недавно потерявшую мужа, молодую и очень симпатичную женщину, имѣвшую о ту пору 22 или 23 года и двоихъ своихъ сиротокъ, которыхъ она тоже привезла къ дядѣ Никсу.

Прекрасная вдовица обладала душою самою нѣжною и была религіозна. Она имѣла весьма разностороннее образованіе и довольно замѣчательный музыкальный талантъ, а дядя Никсъ, вдобавокъ ко всему, о немъ сказанному, былъ „поэтъ въ душѣ“ и любилъ музыку.

Вдовцы зажили дружно, душа въ душу: дитя одного нашло въ теткѣ нѣжность утраченной матери, а дѣти другой обрѣли въ попечительности дяди Никса самаго заботливаго отца.

Сводная семья въ самое короткое время совсѣмъ слилась во-едино, какъ родная, и глубокій трауръ, который всѣ носили въ этомъ миломъ *живомъ домѣ*, скоро совсѣмъ утратилъ свой суровый характеръ. Его какъ-бы забыли замѣчать.

Цѣлую зиму всѣ знакомые люди охотно хаживали посидѣть вечерокъ у дяди Никса и охотно предпочитали его тихіе вечерки всякимъ инымъ болѣе шумнымъ собраніямъ. Но вдругъ, подъ исходъ великаго поста, пріятныя бесѣды разстроились. Причиною тому было, что хозяйка стала часто прихварывать, и хотя болѣзнь никому не казалась опасною, но она какъ-то сверхъ мѣры озабочивала всегда милаго и веселаго дядю Никса.

Грубые мужчины, по своей тяжеломысленности, не знали, какъ объяснить и чему приписать эту непостижимую и грустную перемѣну, но всепроницающія очи и всезнающій умъ женщинъ скоро разгадали тайну и объяснили ее краткимъ опредѣленіемъ: милый дядя Никсъ, по женскимъ примѣтамъ очень основательно утѣшился.

Утѣшительница была въ положеніи, которое не могло оставаться безъ компрометирующаго ея вдовство результата.

Все это происходило въ то недавнее безалаберное, но живое время, когда мы, по выраженію нынѣшнихъ безнатурныхъ благоразумцевъ, „*захлебывались либерализмомъ*“ или, по просту сказать, бурлили, не зная сами „что льзя и то, чего не можно“.

Въ томъ изъ „большихъ центровъ“, гдѣ невзначай произошелъ такой случай съ утѣшительною дамою, это невѣдѣніе ходило безшабашными волнами и проницало

всю глубь нашего мелкаго житейскаго моря, которое не хитро на глазомѣръ взять отъ гребня его валовъ до самаго дна. И на высотѣ, и въ преисподнихъ творились разныя чудеса. О томъ, какъ околесили маленькіе люди, мы болѣе или менѣе знаемъ, а что въ этомъ-же родѣ натворено людьми иныхъ положеній, то только едва-едва еще вылѣзаетъ на свѣтъ. Во главѣ мѣстной администраціи нашего „центра“ тогда стоялъ высокородовитый генералъ, самой необъятной непосредственности. Эта непосредственность была такъ велика, что онъ, напр., могъ судить о книгахъ, не читая ихъ, и, притомъ, судить очень оригинально. Такъ, напр., выдавая себя другомъ литературы, онъ говорилъ, что запретилъ-бы только одну вышедшую тогда книгу,—именно, извѣстную книгу Лохвицкаго, но и то запретилъ-бы ее потому, что „все это уже старо и узко“. Въ государственномъ устройствѣ онъ мѣтилъ гораздо дальше, чѣмъ брала эта книга. Въ семьѣ онъ желалъ видѣть, чтобы дѣти росли на свободѣ безъ всякаго „воспитанія“, и достигъ этого вполнѣ, въ своихъ собственныхъ дѣтяхъ, *таскающихъ* его имя гдѣ попало и съ кѣмъ попало. Между множествомъ анекдотовъ его административной свистопляски были извѣстны его слова, что онъ „не только терпѣть не можетъ низкопоклонниковъ, но даже *любитъ*, *чтобы ему грубили*“.

Находились люди, которые пробовали доставлять ему такое удовольствіе, и, къ чести его сказать, онъ *иногда* сносилъ это довольно терпѣливо. Впрочемъ, послѣ сталъ обижаться. Но еще болѣе, чѣмъ грубіяновъ, онъ любилъ людей *неподзаконныхъ*, т. е. такихъ совершенныхъ людей, которые любятъ становиться выше закона, будучи сами себѣ законъ. Въ такихъ людяхъ на Руси, какъ извѣстно, недостатка нѣтъ, и самъ высокій сановникъ тоже

былъ изъ такихъ совершенныхъ людей; но онъ заблуждался, думая, что таковы-же и всѣ остальные современные ему правители отдѣльныхъ частей управленія. Особенно же онъ ошибался въ мѣстномъ владыкѣ, котораго всегда очень хвалилъ, говоря:

— C'est un brave homme, у него нѣтъ ni foi, ni loi.

Что касается архіерейской foi, то этого высокаго вопроса мы повѣрять не будемъ, но что до loi, то на этотъ счетъ генералъ ошибался.

Узнавъ какъ-то отъ состоявшихъ при его важной особѣ сплетниковъ по особымъ порученіямъ объ анекдотѣ, случившемся при утѣшеніи дяди Никса его свояченицею, генералъ сейчасъ-же его пожалѣлъ, назвалъ pauvre diable-мъ и возымѣлъ намѣреніе уладить это дѣло.

— Что-же такое, что она сестра его жены?—Это не бѣда....Вѣдь та первая ея сестра уже умерла?

— Умерла, отвѣчаютъ.

— Ну, а умерла, такъ эта и должна занять ея мѣсто. Она кто-такая урожденная?

— Такая-то.

— А сестра ея?

— То-же самое.

— А онъ какъ урожденный?

Ему назвали фамилію.

— Ну вотъ, видите: у нихъ совсѣмъ и фамиліи разныя. Это можно. Что такое за важность!

— Конечно, говорятъ, — но по нашему, по православному...

— Ахъ, полноте, пожалуйста, что это такое за православіе, и въ чемъ оно состоитъ, я не знаю, кромѣ какъ

„Господи помилуй“, да „Тебѣ Господи съ подай Господомъ“. Но я знаю, что это можно, потому-вѣдь та его жена уже умерла. Такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, и можно. Если-бы онѣ обѣ живы были,—ну, тогда, конечно... могли быть соображенія, ну, а теперь... Скажите ему, чтобы онъ мнѣ повинился и попросилъ помочь, — я очень радъ и самъ съѣзжу къ нашему бонзѣ. Старикъ мнѣ не откажетъ,—сейчасъ подмахнетъ разрѣшеніе.

Кто-то выразилъ было нѣкоторое сомнѣніе насчетъ такой податливости владыки, но правитель совсѣмъ обѣлилъ его преосвященство.

— Полноте, пожалуйста; я, говоритъ, вамъ ручаюсь, что онъ ни во что не вѣритъ и не имѣетъ ni foi, ni loi.

Близкія послѣдствія показали, что оба эти мнѣнія о владыкѣ были невѣрны.

Генералъ взялся за дѣло не только съ ловкостью, но и съ отвагою настоящаго военнаго человѣка.

Горячность его была такова, что онъ, при первомъ же свиданіи съ дядею Никсомъ, самъ распросилъ его въ шутливомъ тонѣ: „какъ это вышло?“, и узнавъ о справедливости смущавшаго Никса анекдота, сразу же его ободрилъ.

— Вы не смущайтесь, сказалъ онъ: все это въ наше время сущіе пустяки. Теперь, когда, можно сказать, уже никто изъ порядочныхъ людей не живетъ съ своими женами, на эти дѣла смотрятъ иначе. А вы, если хотите еще держаться старины, чтобы надѣвать „узы Гименея“, такъ можете свободно жениться вторымъ бракомъ на сестрѣ

вашей жены. Зачѣмъ и не побаловать даму: онѣ вѣдь его зять, будто стремятся къ свободѣ, а въ самомъ дѣлѣ— очень любятъ выходить замужъ. Имъ это нравится „законъ принимать“, — точно онѣ всѣ кухарки. Ну, да это ваше дѣло. Женитесь, я васъ благословляю, и сегодня-же съѣзжу къ нашему бонзѣ и привезу вамъ отъ него разрѣшеніе. Онъ на этотъ счетъ безподобенъ: что вамъ нужно, все разрѣшитъ.

Дядя Никсъ не отказалъ генералу въ правѣ ходатайствовать, и тотъ поскакалъ съ этимъ полномочіемъ къ владыкѣ, но оттуда возвратился чрезвычайно скоро и такой разсерженный, что сразу,-же началъ передъ дядею Никсомъ бранить „безподобнаго“ *толстоносымъ невѣжею*, *тупымъ бонзою* и *упрямымъ козломъ*.

— „Никогда себѣ этого не прощу, что взялся съ нимъ объ этомъ говорить, пылилъ генералъ. Помилуйте, я всегда былъ увѣренъ, что онъ прекрасный старикъ, что у него ni foi, ni loi, а онъ выходитъ прехитрый мужиченко! Онъ все отъ меня выслушалъ и улыбался, а потомъ вдругъ давай ахать: „Ай-ай-ай, говоритъ, какое ужасное дѣло! Беременна родная сестра его жены. Боже, какая безнравственность!“

„Я хотѣлъ въ шутку—говорю:

— „Ну, полноте, ваше преосвященство: что за важность!

„А онъ скроилъ этакую благочестивую мину и отвѣчаетъ:

— „Какъ: что за важность! Ай-ай-ай! Беременна... родная сестра его жены... И онъ хочетъ на ней жениться... на родной сестрѣ своей жены... И вы, верховный

сановникъ и правитель, изволите сообщать объ этомъ мнѣ, вашему эпархіальному архіерею, и требуете, чтобы я, вашъ эпархъ, далъ на это разрѣшеніе! Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Какъ вы могли за это взяться!

„Я говорю: просятъ меня, ну и я прошу.

— Да помилуйте, мало-ли о чемъ иногда просятъ! Нѣтъ: это ужасно, ужасно, ужасно! Я, разумѣется, не удивляюсь вашей всѣмъ извѣстной добротѣ, при томъ-же, хотя вы и должны знать законы, но вы въ военной службѣ служили и законовъ не изучали.

„Я говорю: — чортъ ихъ знаетъ, — я ихъ дѣйствительно не знаю!

— „Ну, онъ говоритъ, это васъ, конечно, и извиняетъ, но тотъ, кто васъ объ этомъ просилъ, неизвинителенъ. Удивляюсь, много удивляюсь, какъ онъ, зная законы, могъ рѣшиться позволить себѣ безпокоить особу столь высокаго, какъ вы, званія такою беззаконною просьбою! Статочно-ли это, чтобы вы, въ вашемъ положеніи, просили меня, архіерея, разрѣшить извѣстному человѣку жениться на родной сестрѣ его покойной жены! Ай-ай-ай! Надо его пощунять, да, пощунять его, пощунять. Пожалуйста, ко мнѣ его пришлите,—пришлите: я его у себя самъ погоняю. Ишь какой дерзкій, какъ онъ смѣлъ васъ такъ подводить подъ такую глупость! Пришлите! Этого безъ штрафа оставить нельзя“.

И, передавъ съ точностію рѣчь архіерея, сановникъ отмахнулъ, по-военному, рукою и добавилъ:

— Такъ вотъ, что теперь изволили заварить, то и извольте расхлебывать: отправляйтесь къ нему и извольте объясняться съ нимъ сами, а я болѣе — пасъ. Да-съ, я пасъ, пасъ, хоть-бы у васъ не одна свояченица, а полный домъ всѣхъ родныхъ сдѣлались беременными.

Переконфуженный дядя Никсъ попробовалъ было отговориться, что уже лучше, молъ, все это бросить и не просить и не ѣхать объясняться, но сановникъ былъ не такъ настроенъ.

— А, нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю, отвѣчалъ онъ: нѣтъ-съ, извините, вѣдь это я тутъ замѣшанъ, а я не хочу, чтобы это на мнѣ и оставалось. Начали, такъ надо додѣлывать. Онъ теперь еще, пожалуй, пойдетъ разсказывать, что я пріѣзжалъ по такому дѣлу... Нѣтъ-съ, вы начали,—вы и кончайте: извольте ѣхать, да-съ, и даже немедленно извольте ѣхать. Завтра, именно, извольте ѣхать и объясняйтесь съ нимъ, какъ знаете, только чтобы я тутъ былъ ни причемъ. Онъ мнѣ, можетъ-быть, сто разъ повторилъ, чтобы васъ прислать, и я васъ посылаю, да, сейчасъ извольте ѣхать, сейчасъ!

— Завтра, говоритъ дядя Никсъ.

— Нѣтъ-съ, сейчасъ, сейчасъ,—сію минуту! Я имѣю основаніе не хотѣть, чтобы такое скандальное дѣло за мною числилось, и я васъ прошу, я вамъ, наконецъ *приказываю* отъ этого скандальнаго дѣла меня очистить.

Дядя Никсъ насилу могъ отпроситься отложить свою явку владыкѣ до завтра. Онъ провелъ самую безпокойную ночь, скрывая отъ семейныхъ причину своей тревоги, но открылъ ее одному изъ близкихъ друзей и все у него допытывался мнѣнія, какъ тотъ думаетъ: „съѣстъ или не съѣстъ его завтра разгнѣванный епископъ?“.

Но вопрошаемый зналъ объ этомъ столько-же, какъ вопрошавшій, и разсуждалъ, что „пожалуй съѣстъ, а пожалуй и не съѣстъ“.

Шутя, они даже на пальцахъ гадали, но ничего не

угадали: разъ выходитъ, что съѣстъ, а другой—не съѣстъ.

Не добьешься толку: ворожба тайныхъ думъ освященнаго лица не раскрывала. Такъ, ничего не зная, что будетъ, дядя Никсъ на слѣдующій день, въ подходящій часъ, отправился съ стѣсненнымъ сердцемъ къ его высокопреосвященству, отъ котораго ожидалъ услыхать нивѣсть какія непріятныя для себя напрягаи и строгости.

Архіерей не забылъ о дядѣ Никсѣ и даже, вѣроятно, ждалъ его. По крайней мѣрѣ, какъ только его ввели въ залъ и доложили о немъ, владыка самъ распахнулъ двери гостиной и привѣтливо заговорилъ:

— Прошу покорно, добро пожаловать, добро пожаловать. Сердечно радъ васъ видѣть.

И, усадивъ дядю Никса на диванъ, онъ продолжалъ въ томъ-же мягкомъ и привѣтливомъ тонѣ:

— Давно и очень давно желалъ съ вами познакомиться. Много наслышался о васъ хорошаго. Благо тому, о комъ такъ говорятъ, какъ о васъ, особенно у насъ, гдѣ ни за умъ, ни за доброту хвалить некого.

Дядя Никсъ кланяется, а архіерей продолжаетъ:

— Мало у насъ, очень мало умныхъ, и еще менѣе—добрыхъ и благонамѣренныхъ людей на общественной дѣятельности, а вы не такой, не такой... Да, вы не недотрога.

Дядя Никсъ опять кланяется, а архіерей снова продолжаетъ:

— Я давно интересовался вашими хлопотами о народномъ образованіи. Могу сказать, не для вида одного занимаетесь, а дѣйствительную пользу дѣлаете. За это вамъ за нашъ бѣдный темный народъ поклонъ до земли.

Но вы вѣдь, кромѣ того, и еще во многихъ комитетахъ.

— Точно такъ, ваше преосвященство.

— Усердны, очень усердны.

— Что дѣлать: избираютъ.

— Да, да, гдѣ ни прочитаю, все вы сидите. Хвалю, очень хорошо, очень хорошо дѣлаютъ, что такого доступнаго добру человѣка избираютъ. Ну и что же у васъ, напримѣръ, по такому-то комитету дѣлается?

Дядя Никсъ опять отвѣчаетъ. А владыка далѣе любопытствуетъ: какъ идутъ дѣла въ третьемъ, въ пятомъ и въ десятомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ комитетовъ, при посредствѣ которыхъ такимъ живымъ ключомъ кипитъ наша смѣлая и оригинальная административная дѣятельность.

Дядя Никсъ обстоятельно, по всѣмъ пунктамъ, удовлетворилъ любознательность владыки и успѣлъ ему показать въ этомъ разговорѣ свою свѣдущность, искреннее добросердечіе и пріятный умъ. Владыка съ удовольствіемъ его слушалъ и неразъ принимался похвалять словомъ.

— Одобряю васъ, весьма одобряю,—а потомъ и самъ высказалъ нѣсколько замѣчаній, поразившихъ гостя не только своею глубиною и мѣткостью, но и благороднымъ свободомыслiемъ, въ которомъ, впрочемъ, у русскихъ людей не бываетъ недостатка, пока они не видятъ необходимости согласовать свои слова съ дѣломъ.

Дядя Никсъ, конечно, зналъ эту черту нашихъ нравовъ и не обольщался ея проявленіями у владыки.

— Знаю я васъ, думалъ онъ, широко ты, братъ, расписываешь въ томъ, что до тебя не касается, а небось, въ чемъ дѣло къ тебѣ клонитъ, такъ ты мнѣ жениться не позволилъ, а про законъ запѣлъ, да вотъ и о сю пору все виляешь, а о моемъ дѣлѣ ни слова не говоришь!

А владыка какъ-бы прочелъ эти мысли на его лицѣ и говоритъ:

— Ну, пріятно, очень мнѣ пріятно было съ вами побесѣдовать, а теперь позвольте-же мнѣ, ваше превосходительство, спросить: что такое у васъ дома случилось неловко по женской части?

— Да, владыка... извините, что я осмѣлился...

— Сшалили?

— Виноватъ, владыка,

— Да, вчера князь налетѣлъ съ этимъ на меня, какъ съ ковшомъ на брагу,—говоритъ, что будто вы его просили со мною на этотъ счетъ переговорить. Да вѣдь онъ на гулянкахъ много празднословитъ,—я, признаюсь, ему не повѣрилъ.

— Нѣтъ, это точно такъ, владыка.

— Вы его просили?!

— Просилъ, владыка.

Владыка пожалъ плечами и закачалъ головою.

— Для чего-же вы это?

Дядя Никсъ молчалъ.

— Вѣдь вы, кажется, безъ шутокъ... имѣете *серьезное* намѣреніе жениться на сестрѣ вашей покойной первой жены?

— Да, то-есть... я имѣю это желаніе, я имѣю въ этомъ нужду... потому что у меня есть сиротка, который въ этой женщинѣ только могъ-бы найдти вторую мать, но если это нельзя...

— Позвольте, позвольте, вы совершенно справедливо и совершенно основательно судите: дѣйствительно, кто-же сиротѣ по женской линіи ближе тетки; но вѣдь такой бракъ у насъ недозволителенъ.

— Я думалъ, что, какъ у всѣхъ другихъ, напри-

мѣръ у католиковъ и у лютеранъ, это не считается препятствіемъ, такъ, можетъ быть, теперь уже и у насъ...

— Нѣть, опять позвольте... Во-первыхъ: что такое значитъ это ваше „*теперь*“? Въ разсужденіи духа времени — это такъ, но въ разсужденіи правилъ соборныхъ постановленій это „*теперь*“ и тогда, и всегда будетъ одно и то-же. Указываете, что у инославныхъ это дозволяется, но вѣдь мы съ вами не инославные, а православные, и, родясь въ лонѣ православной церкви, должны знать, что этого нельзя. Зачѣмъ-же вы о такой невозможности просите?

— Извините великодушно, владыка; я вижу, что сдѣлалъ непростительную глупость, и умоляю васъ, не гнѣвайтесь и простите.

— Простить—извольте, прощу, потому что просящему прощенія и Богъ прощаетъ, а извинить—не извиняю. Другому, менѣе васъ умному человѣку, я охотно-бы это извинилъ, но вамъ не могу. Какъ, помилуйте, возможно, чтобы по этакому деликатному дѣлу прислать ко мнѣ, монаху, этакого безстыжаго пѣтуха, который и безъ того вездѣ оретъ во все горло, что у меня нѣтъ ни foi, ни poi (sic), и давно на грудь мнѣ наступаетъ, чтобы я закона не почиталъ. Помилуйте вы меня! Да къ чему-же мнѣ это и для чего намъ, бѣднымъ людямъ, такая роскошь? Я вѣдь не въ корпусѣ на Садовой улицѣ учился, а Эврипида читалъ:

Nam si violandum est jus, regandi gratia
Violandum est, aliis rebus pietatem colas.

„Нарушить законъ *для того, чтобы царствовать*“,— это и умные люди дѣлали, но нарушать его для того, чтобы одинъ дѣйствительный штатскій шалунъ, съ моего

разрѣшенія, на своей свояченицѣ женился, это уже никакого резона нѣтъ".

Владыка всталъ съ мѣста и подалъ руку дядѣ Никсу, но не выпустилъ ее, а тепло придержалъ своею другою рукою и добавилъ:

— Нѣтъ, напрасно вы, напрасно прямо сами ко мнѣ не пожаловали: я-бы вамъ разрѣшенія, разумѣется, все равно не далъ, но за то прямо-бы вамъ объяснилъ, что вамъ мое разрѣшеніе вовсе и не нужно.

— А безъ разрѣшенія, все равно, ничего нельзя, владыка.

— Да и я бы такъ думалъ, но мнѣ говорили, что, именно, *такъ только и можно*, какъ вы сказали: „безъ разрѣшенія". Я не знаю, гдѣ это, но только не разъ слыхалъ, будто тутъ есть такіе попы, что за пятьсотъ рублей васъ не только на свояченицѣ, а хоть на родной матери перевѣнчаютъ. Намъ, вѣдь, этого въ точности не доведутъ, но вамъ-то, чай, скажутъ. Для чего-же при такихъ тайностроителяхъ въ эти дѣла епископовъ путать, да еще черезъ важныхъ русскихъ либераловъ это дѣлать? Помилуйте... Сей родъ самый опасный и ничимъ-же изымается; съ ними надо очень, очень опасливо: они сами подзадорятъ, да сами-же первые и выдадутъ хуже школьниковъ. До свиданія. Поѣду вашему покровителю визитъ отдать.

— Сдѣлайте милость, владыка, посѣтите его: онъ радъ будетъ.

— Знаю... Чудакъ! а то подумаетъ, что я на него сержусь, и „предупреждать" пойдетъ повсюду. Свистунъ, а мужикъ добрый. Будьте покойны, я сейчасъ ему либеральнаго елея на самый главный винтикъ капну и до дна его смаслю. Богъ съ нимъ. Такихъ разболтаевъ тоже надо

беречь. Онъ, еще можетъ, пригодится вамъ на всякій случай. Храни Богъ доноса—тогда умомъ уже ничего не возьмешь, а этакой цыцарь какъ разъ „цыцъ“ и выхлопочетъ... Прощайте, и желаю вамъ счастливаго успѣха.

Гость тронулся, но хозяинъ его опять придержалъ и добавилъ:

— А говорятъ, если здѣсь неустойка, то къ единовѣрамъ въ Молдавію хорошо съѣздить: тамъ, будто, говорятъ, никакихъ затрудненій не знаютъ: за деньги эти православные молахи и валдахи не только на матери, а даже и на отцѣ родномъ женятъ. Невѣроятно, а, впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ! Прощайте!

Съ тѣмъ дядя Никсъ и вышелъ отъ владыки, а черезъ недѣлю послѣ этого разговора онъ уже былъ обвѣнчанъ со своею свояченицею, и, притомъ, даже нѣсколько меньше, чѣмъ за пятьсотъ рублей, и въ Молдавію не ѣздилъ.

Читателя можетъ поинтересовать: какъ все это сдѣлалось и какъ это вообще дѣлается? А потому я разскажу, что мнѣ на этотъ счетъ извѣстно.

XII.

Тайнобрачіе въ Россіи, несомнѣнно, существуетъ и, притомъ, въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Едва-ли въ какомъ-либо общественномъ кружкѣ неизвѣстно хотя одно супружество, сочетаніе котораго не вполнѣ законно или, даже, совсѣмъ противузаконно. А между тѣмъ, всѣ эти браки кѣмъ-то повѣнчаны и гдѣ-то записаны и терпятся „ради слабости человѣческой“ и ради страха суровой строгости неподатливаго закона. Наше положеніе таково, что мы какъ-бы не можемъ обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у насъ такъ и велика народная терпимость. Но, тѣмъ не менѣе, наше тайнобрачіе не представляетъ собою чего-нибудь совершенно безшабашнаго и безнравственнаго. Напротивъ, въ немъ замѣтно даже уваженіе русскаго человѣка къ границамъ свободы въ предѣлахъ нравственности и эстетики. Это всего удобнѣе можно наблюдать въ интересной практикѣ, которую выработало русское тайнобрачіе, до сихъ поръ удивительнымъ образомъ пренебрегаемое изслѣдователями нашего народнаго духа въ самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ его проявленіяхъ. Между тѣмъ, такое явленіе, какъ тайнобрачіе, болѣе, чѣмъ многое иное, открываетъ въ

нашемъ народѣ изобиліе здоровыхъ элементовъ, ручающихся за его способность къ широкому и свободному развитію жизни, въ нѣсколько иныхъ формахъ.

За „обиліемъ матеріаловъ“, упорно скопляющихся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, изслѣдованіямъ такого рода нѣтъ еще мѣста, и потому приходится касаться ихъ только слегка и издали и, притомъ, по какому попало случаю и въ какой попало формѣ.

Я разскажу, что мнѣ извѣстно объ этомъ интересномъ предметѣ, именно, по поводу свадьбы дяди Никса, которая, въ связи съ другимъ случаемъ тайнобрачія въ нашемъ литературномъ кружкѣ, дала мнѣ возможность ознакомиться съ удивительнымъ механизмомъ этого своеобразнаго тайностроительства въ русской церкви.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось быть въ одномъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ собралось много разнаго званія людей.

Это относилось уже къ послѣднему времени, которое нѣкто удачно называетъ временемъ „реставраціи упадка нравовъ“. Охота ко всякаго рода трактаментамъ и преніямъ тогда уже прошла, и такъ называемые образованные люди не находили болѣе удовольствія въ обмѣнѣ мыслей. Мысли были изгнаны изъ обращенія, и всѣ, отъ прыткаго поручика до авантажнаго тайнаго совѣтника, обратились къ универсальному русскому средству „убивать время“,—*сѣли за карты*. Литераторы и ученые не отставали отъ явныхъ поручиковъ и тайныхъ совѣтниковъ: и они садились за ломберные столы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и рѣзались съ тѣми самыми чиновни-

ками, на которыхъ недавно еще изливали жгучій ядъ своихъ обличительныхъ сарказмовъ.

Объ эту пору литературный старовѣръ, не приручившій себя къ картамъ, уже составлялъ для хозяевъ извѣстное бремя. Онъ это чувствовалъ и, сознавая свою отсталость отъ современнаго общественнаго прогресса, прятался куда-нибудь „къ чудакамъ“. Если-же случай застигалъ его врасплохъ среди „новѣйшихъ“ людей, онъ спѣшилъ сокращаться и исчезать, не нарушая господствующаго строя занятій.

Въ такомъ положеніи очутился и я на томъ вечерѣ, съ котораго начинаю мое повѣствованіе.

Драгоцѣнными свѣдѣніями въ области этихъ, не имѣющихъ письменной исторіи, событій, я обязанъ духовнику моего гостепріимнаго хозяина, столичному протоіерею, внушительную фигуру котораго описать дано не моему перу.

Онъ появился на пиршествѣ какъ разъ въ то время, когда я собирался оттуда удалиться во-свояси, и былъ виновникомъ, что мнѣ это не удалось,—о чемъ я, однако, не жалѣю. Такъ какъ всѣ столики уже были заняты и для преподобнаго отца не находилось пристойной партіи, то хозяева были въ затрудненіи: къ чему имъ пристроить своего почтеннаго духовника, и рѣшили принести ему въ жертву мое безприкаянное недостоинство.

Съ этою цѣлью меня немилосердно придержали и представили протоіерею съ рекламирующею аттестаціею, какъ автора „дьякона Ахилки“.

Но преподобный отецъ сначала былъ неутѣшенъ: подавъ мнѣ руку, онъ поправилъ у себя на груди важныя кавалеріи и обратился къ хозяевамъ съ словами горькаго упрека:

— Ахилку мы читали, и кто онаго авторъ—знаемъ; а чтобы своего духовнаго и вѣнчальнаго отца въ святой день безъ пульки оставить, такъ это можно сдѣлать только совсѣмъ забывши законъ и религію.

Но однако потомъ дѣло обошлось и, притомъ, къ неописанному моему удовольствію, потому что я встрѣтилъ въ отцѣ протоіереѣ человѣка чрезвычайно пріятнаго: умнаго, добраго и большаго практика.

Какъ только хозяева устроили его за однимъ столомъ „въ мотью“, онъ пересталъ негодовать и, усѣвшись въ мягкомъ креслѣ, позволилъ мнѣ заговорить съ нимъ объ одномъ, нѣкогда сильно меня интересовавшемъ, церковномъ дѣлѣ.

Поводомъ къ развившейся у насъ интересной бесѣдѣ послужило одно чрезвычайно казусное событіе, о которомъ въ свое время много говорили въ русской печати, но никогда не коснулись того, что въ этомъ было самаго возмутительнаго и самаго интереснаго и прямо било въ глаза.

Одинъ довольно извѣстный въ свое время литераторъ принималъ къ себѣ въ домъ тоже довольно извѣстнаго педагога. Они были друзья, но потомъ поссорились, и педагогъ поступилъ непедагогично: онъ сдѣлалъ на своего гостепріимнаго товарища доносъ съ цѣлью доказать, что особа, почитаемая за жену этого писателя, совсѣмъ ему не жена, и дѣти ихъ не могутъ считаться дѣтьми признающаго ихъ отца.

Ежедневныя газеты занимались этимъ дѣломъ съ одной общедоступной стороны,—именно, со стороны „скандала въ благородномъ семействѣ“, и притомъ въ такомъ се-

мействѣ, глава котораго принадлежалъ не къ фаворитному изъ тогдашнихъ направленій. Болѣе достойнаго вниманія въ этомъ дѣлѣ пресса ничего не усмотрѣла, но я позволю себѣ теперь, въ запоздалый слѣдъ, указать то, что тутъ составляло самый важный интересъ и было пропущено.

Супружество, о которомъ сдѣлалъ доносъ педагогъ, дѣйствительно было не изъ законныхъ, но оно, во всякомъ дѣлѣ, было супружество вѣнчанное или, какъ говорятъ иные, „въ церкви пѣтое“. А между тѣмъ, когда, вслѣдствіе доноса, представилась надобность доказать вѣнчаніе, то объ этомъ нигдѣ не оказалось никакихъ записей и никакого слѣда.

Стояла на землѣ церковь, въ которой все сіе „пѣта бяху“, жилъ и наслаждался полнымъ благоденствіемъ батюшка, который призывалъ на брачившихся Божіе благословеніе, даже и дьячокъ игралъ на гитарѣ точно въ тотъ день, когда новобрачный записывалъ у него въ церковной квартирѣ свой „обыскъ“, но теперъ выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячокъ этихъ супруговъ никогда не вѣнчали и,—что всего важнѣе,—въ обыскной книгѣ, дѣйствительно, *ничего не записано*.

Приняты были самыя энергическія и настойчивыя попытки разоблачить эту таинственнѣйшую продѣлку и доказать фактъ вѣнчанія, но все оказалось безуспѣшно. Между тѣмъ, бракъ, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ,—въ этомъ со всею искренностію ручались оба супруга и очень престарѣлая мать одного изъ нихъ, *лично сидѣвшая* во время совершенія брачнаго обряда въ церкви. Но куда-же это изчезло изъ обыскныхъ книгъ церкви и

гдѣ брачное свидѣтельство, которое должно быть у каждой обвѣнчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена въ этомъ случаѣ ссылалась на мужа, а мужъ на свою оплошность.

Все это было какъ-то темно и маловѣроятно.

Въ родствѣ у супруговъ оказался очень проницательный и ловкій адвокатъ, московской заправки, котораго такъ и звали „московскій пекарь“. Пекаря выписали и пустили въ ходъ, но онъ мѣсилъ, мѣсилъ въ этой дежѣ и ничего не вымѣсилъ... Концы были такъ похоронены, что ни одного изъ нихъ нельзя было отыскать.

Долго адвокатъ рылся въ архивахъ, много рыскалъ по разнымъ мѣстамъ, отыскивая свидѣтелей, которые подписывали поручительныя записи въ обыскной книгѣ, но ни одного изъ нихъ нигдѣ не отыскалъ. Обращались, помнится, къ содѣйствію особыхъ властей, но и тѣ ничего не помогли, что, впрочемъ, было и неудивительно, потому что ни мужъ, ни жена не знали свидѣтелей, подписавшихъ ихъ обыскную книгу. Супруги увѣряли только, что свидѣтели были и подписывались, но что они были поставлены самимъ батюшкою, который взялся за ихъ дѣло *аккордомъ*, т. е. что и свидѣтели, и пѣвцы,—все будетъ *отъ него*.

— Мы, говорили супруги, считали это за самое удобное, а оно вышло вотъ какъ... неудобно.

Добиться подтвержденія отъ батюшки—нечего было и думать: онъ разъ навсегда на-отрѣзъ отрѣзалъ, что онъ „лично таковыхъ супруговъ не помнитъ“, а потомъ осо-

бымъ властямъ довелъ, что онъ и не можетъ помнить всѣхъ, кого онъ вѣнчалъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ самихъ этихъ людей,—если они не лгутъ,—ихъ вѣнчаніе происходило десять лѣтъ назадъ, а въ десять лѣтъ воды утекло много.

— „Если я ихъ вѣнчалъ, отвѣчалъ батюшка, то бракъ ихъ должно быть записанъ въ обыскную книгу, и у нихъ должно быть свидѣтельство. Это порядокъ всѣмъ извѣстный, даже не исключая и такихъ безбожниковъ, какъ писатели. А если въ обыскныхъ книгахъ записей нѣтъ и свидѣтельства нѣтъ, такъ, значитъ, вѣнчалъ ихъ не попъ вокругъ аналоя, а заяцъ вокругъ ракитоваго куста. Опять и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идутъ справки брать. А я, говоритъ, если мнѣ съ этимъ докучать еще будутъ,— за шиворотъ ихъ да къ прокурору стащу, за оклеветаніе“.

Ясно было, что батюшка крѣпко кованъ и ничего не боится.

Но что выходило всего хуже, такъ это то, что ветхая старушка, мать одного изъ супруговъ, во всей этой сумятицѣ совсѣмъ сбилась съ толку и стала говорить самый безсвязный вздоръ. Московскій адвокатъ до того изнурилъ ее, заставляя подробно припоминать всѣ детали событія, что она совсѣмъ все позабыла.

Старушка увѣряла, будто хорошо помнитъ, что ѣдучи въ церковь, она чуть не выпала изъ саней и такъ прозябла, что стояла въ церкви, не снимая шубы, тогда какъ, по показанію супруговъ, выходило, что бракъ ихъ происходилъ въ іюнѣ. Потомъ супруги говорили, что они перевѣнчались за нѣсколько дней до рожденія ихъ старшаго сына, который появился на свѣтъ 2-го іюля, а

матушка ихъ помнила, что она тогда, будто, очень спѣшила къ внучку.

Словомъ, выходила путаница, которая только прибавляла досаду къ досадѣ.

Старушка, которую всѣмъ этимъ мучили, думала, думала: какъ ей согласить свою шубу и сани съ іюльской жарой и ея поспѣшливость къ внуку прежде его рожденія, и, наконецъ, объявила, что ей забило помороки.

— Теперь, божилась она, хоть къ присягѣ идти,— ничего не понимаю, что въ самомъ дѣлѣ было и что мнѣ только кажется. Можетъ-быть, говоритъ, я въ саняхъ-то точно ѣхала, а про свадьбу вашу мнѣ только такъ кажется. А можетъ-быть я никуда и не ѣздила. Гдѣ это помнить!

Твердыми въ своемъ оставались одни супруги, которыхъ всѣ, ихъ знающіе, считали за людей очень правдивыхъ и честныхъ. Но ихъ показаніе въ своемъ собственномъ дѣлѣ не представляло никакого юридическаго доказательства, да, притомъ, и оно, въ виду всѣхъ другихъ несообразностей, начало казаться страннымъ. Даже московскій адвокатъ, по близкому родству съ супругами, первый готовъ былъ заподозрить основательность ихъ свидѣтельства, а его примѣру послѣдовали другіе. И пока газеты потѣшались на-счетъ злополучныхъ супруговъ съ безтактною злобою, которой тѣ нимало не заслуживали, судьба супруговъ и ихъ дѣтей была рѣшена: дѣло было проиграно не только въ надлежащихъ инстанціяхъ, но и въ общественномъ мнѣніи людей, имѣющихъ несчастіе подчиняться давленію всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супруговъ послѣ всей этой передряги отъ нихъ не отшатнулись, а напротивъ, даже еще болѣе о нихъ соболѣзновали; но что касается недоказаннаго вѣнчанія, то ему уже положительно болѣе не вѣрили и даже ставили въ упрекъ: зачѣмъ они такъ упорно стоятъ на своей неискусной выдумкѣ?

Но могли-ли такъ нагло и такъ упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я ихъ считалъ и имѣю всѣ основанія таковыми-же считать ихъ и понынѣ?

Это меня не переставало занимать и дало мнѣ поводъ вызвать скучающаго отца протоіерея на разъясненіе: можетъ-ли случиться, чтобы бракъ, обвѣнчанный въ церкви и записанный въ книги, исчезъ безслѣдно, или-же все это невозможная ложь?

Батюшка, дай Богъ ему здоровья, все это мнѣ и разъяснилъ и, притомъ, такъ обстоятельно, какъ можетъ разъяснить человѣкъ, стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія и имѣющій умъ тонкій и проницательный, а знаніе сердца человѣческаго самосовершеннѣйшее.

XIII.

На мой вопросъ: возможно-ли, чтобы безслѣдно исчезъ бракъ, „пѣтый въ церкви“, мой собесѣдникъ отвѣчалъ:

— Нынѣче все возможно.

— Отчего-же это только *нынѣче* стало возможно? Можетъ-быть, и прежде такъ бывало.

— Нѣтъ, прежде такихъ мошенниковъ не было, какъ нынѣшніе. Прежде были разбойники, грабители да воры,— люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Ноль и компанія спѣшитъ плутовать. Да вы это, впрочемъ, по какому случаю меня распрашиваете?

Я назвалъ случай, т. е. пересказалъ вкратцѣ исторію непостижимаго вѣнчанія литератора Z., который никакъ не могъ доказать, что онъ былъ обвѣнчанъ.

— Слыхалъ, проговорилъ отецъ протопопъ, слыхалъ про эту исторію, хотя и не помню гдѣ.

— Не въ газетахъ-ли читали?

— Вотъ именно: дѣти въ газетахъ гдѣ-то читали, а мнѣ разсказывали.

— Не правда-ли, удивительное и непонятное дѣло?

— Отчего-же непонятное? И удивительнаго мало, а непонятнаго еще менѣе.

— Однако, что-же вы подумали: какъ это могло сдѣлаться?

— Я подумалъ только: должно быть отецъ N. вѣнчалъ.

Это дѣйствительно было такъ, какъ отгадывалъ мой собесѣдникъ, и потому я позволилъ себѣ предложить ему особый вопросъ объ отцѣ N., вѣнчанія котораго отличаются такою характеристическою непрочностью.

— Почему вы узнали, что это вѣнчаніе трудовъ отца N.?

— Вотъ странный вопросъ: а почему вы узнаете работу одного мастера отъ работы другаго?

— По красотѣ исполненія, по прочности, иногда по фасону. Но вѣдь это совсѣмъ иное.

— То-же самое. Отецъ N. это тоже сихъ дѣлъ портной безъ узелка...

— Извините, говорю, я этого не понимаю.

— Чего-же вы не понимаете? Что значитъ „портной безъ узелка?“ Значитъ, что у него нитка въ швѣ не остается, а все насквозь проходитъ.

— И значитъ—шва совсѣмъ нѣтъ?

— Нѣтъ, или есть—это уже какъ хотите, но только его шовъ не держится.

— Но какая-же ему выгода такъ шить?

— Есть выгода.

— Но онъ рискуетъ, съ этакою манерою шва, остаться со временемъ безъ работы?

— Очень можетъ быть, только это будетъ еще не скоро,—не ранѣе, какъ ниже по просвѣщеніи.

— То-есть, когда это „по просвѣщеніи“?

— А когда въ обществѣ распространятся настоящія

понятія о *тайнѣ брачія* и люди не будутъ вертѣть этого дѣла какъ попало и съ кѣмъ попало, лишь бы скорѣе да подешевле.

— Да неужто вы полагаете, что тутъ дѣло въ цѣнѣ?

— А разумѣется; по платѣ и шитво: дешевая цѣна,— такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложеніе по запросу: теперь человѣкъ и любитъ какъ-нибудь, и вѣнчается какъ-нибудь; беретъ для этого попишку какого-нибудь, а тотъ его свяжетъ тоже какъ-нибудь. А тамъ, гляди, оно и развязалось.

— Вы, замѣчаю, батюшка, кажется расположены въ пользу старины.

— Нѣтъ-съ, не особенно,—а впрочемъ—какъ въ чемъ и на-счетъ чего. Если на-счетъ того, будто-бы древле было все лучше и дешевле, — такъ я не старовѣръ. А что на счетъ любви и склонности, а также серьезности брачныхъ отношеній, такъ тутъ я дѣйствительно люблю старинныхъ людей. Они, конечно, кое-чего такого, что мы знаемъ, не знали, а ужъ что касается любить, то это они посерьезнѣе насъ умѣли.

— Такъ-ли? говорю.

— Да ужъ такъ-съ. Вы вѣдь,—я знаю,—сейчасъ готовы, небось, заговорить про рыцарей. А что такое рыцари?—Это чушь. Нѣтъ, а вы въ глубь вѣковъ погрузитесь, отколѣ ключъ жизни идетъ: тамъ настоящую прелесть любви и найдете.

— Гдѣ же это?

— Въ библіи. Страстная книга: оттого ею многіе иноки соблазняются. У меня ее разъ инспекторъ изъ рукъ вырвалъ: „начитаешься, говоритъ, жениться захочешь“. А онъ хлопоталъ, чтобы я въ монахи пошелъ. Вотъ тамъ

любовь такъ любовь. Дочери-то человѣческія каково описаны: голенькія, безъ всякихъ нарядовъ, исполиновъ плѣнили.

— Это, говорю, все доисторическое.

— А въ историческомъ-то еще лучше: начнемъ хоть съ отца нашего Іакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина былъ по сердечной части! Вотъ настоящій месопотамскій рыцарь влюбился въ Рахиль и шесть лѣтъ за нее сердега прослужилъ ея отцу,—да вѣдь какъ отслужилъ: не въ прохладномъ магазинѣ за прилавкомъ, а на полѣ подъ палящимъ солнцемъ. И что-же? Его надули, и надулй самымъ подлымъ образомъ: ему дурнолицинькую Лію подложили, а онъ впопыхахъ не разобралъ. Винить нельзя: разговоровъ вѣрно не было, а въ потьмахъ всѣ кошки сѣрыя. Но вѣдь онъ не унялся:—не потянулъ тестя въ судъ, а еще на шесть лѣтъ себя забатрачилъ, чтобы добыть-таки свою зазнобу, и добылъ. Такъ вѣдь это-съ человѣкъ—во всемъ значеніи слова, значитъ, *любилъ*. И женщинѣ-то, какъ ей этакого чудеснаго мужчину не полюбить,—потому что хоть пастушокъ, да рыцарь, рыцарь во весь ростъ и во всю силу. Ну, а нынѣче что-же?.. Все прохвосты,—все приданаго ищутъ, либо завертятъ дѣвчонку и уговорятъ, будто ей стыдно, если мужъ на нее работать станетъ. „Сама, говоритъ, матушка, рукъ не покладай-работай“. Это женское равноправіе, видите, называется; хитрость все,—чтобы самому легче было. Снизойдетъ къ ней когда-нибудь вечеркомъ, какъ, Юпитеръ на ложе, и то если дѣться некуда,—осчастливитъ ее, когда той, бѣднягѣ, уже съ усталости и не до утѣхъ любовныхъ вовсе, а потомъ, на утро́, встряхнулся да и пошелъ опять свои рацеи разводить. А она опять работай, да еще глядишь,—съ шарманочкой. Вотъ ей и равноправіе. А другой если увозитъ дѣвушку,— будто ее крадетъ, однимъ словомъ—

„тайно вѣнчается“, а самъ чортъ его не разберетъ, что такое онъ этимъ фортеле обдѣлываетъ; даже, право, не разберешь для чего это они дѣлаютъ: по любви, или по глупости, или еще того хуже — по подлости, тайнобрачіе ломаютъ.

— Но по какой-же подлости-то можетъ быть нужно ломать тайнобрачіе?

— По какой подлости?... Эхъ, государь мой, еще какіе, когда-бъ вы знали, нынѣче являются на этотъ фасонъ выжиги и какія отхватываютъ колѣнца, такъ иной разъ просто либо только съ диву дашься и расхохочешься, или прямо вонъ подлеца выгонишь.

— Скажите хоть одинъ примѣръ.

— А вотъ, напримѣръ: подло или не подло сбить съ толку дурочку, которую родные берегутъ и не даютъ обобрать? Ко мнѣ явился разъ съ такою просьбою опекунъ и въ большомъ чинѣ... ухъ, выжига!

— Вы ихъ обвѣнчали?

— Нѣтъ, я-то не обвѣнчалъ. Я ему сказалъ: „Вы вельможа большая, да я не плутъ большой“, а отецъ N. и ихъ обвѣнчалъ.

— Онъ, повидимому, отчаянный.

— Нѣтъ куда тамъ отчаянный! — самый презрѣнный трусишка, только ловокъ на выдумку.

— Но, однако, какъ-же онъ: неужели всѣхъ, кого попало, вѣнчаетъ?

— Рѣшительно кого попало, но это у него жадность, по привычкѣ отъ отца, потому что его покойникъ отчаянный мастеръ на эти дѣла былъ; только я ихъ не сровню: тотъ былъ благороденъ — дорого бралъ, но и зналъ, съ кѣмъ подѣлиться. А этотъ какъ гіена: все ничкомъ,

самъ съ собою,—одинъ только все новыя штуки подлыя выдумываетъ.

— Значитъ, и тутъ, и въ тайнобрачіи, замѣчается пониженіе вопроса и измельчаніе типа?...

— Да вѣдь какъ иначе. Все „идетъ со временемъ“,— какъ говоритъ блаженный Августинъ,—„все, освѣщаемое солнцемъ, раздѣляетъ его движимость, все изнемогаетъ подъ тяжестью вѣковъ“. А ужъ нашего брата, попа, тяжести вѣковъ-то давили, давили, да еще и сейчасъ не даютъ ослабы. Къ тайнобрачію-то наши духовные, знаете-ли, какъ пріучались?

— Какъ?

— Сначала по-дѣвичьи, со стыдомъ и съ мукою великою,—все равно какъ первую пѣсенку зардѣвшись спѣть, а потомъ изъ состраданія это дѣлали, потому что нашъ законъ очень лютъ, а нынѣ ужъ такъ, подъ кадриль всему всероссійскому плутовству, до безстыдства дошли.

— Но это можетъ служить не во вредъ людямъ.

— Совершенно вѣрно, и потому-то надо-бы только, чтобы люди, которымъ въ этомъ нужда, знали практику и не попадались вотъ такимъ...

— Портнымъ, которые безъ узловъ шьютъ?

— Именно-съ. Наше общество, вѣдь, еще очень глупо. Свѣдали, что попы нынѣче тайно вѣнчаютъ безъ затрудненія, и думаютъ, что это всѣми все равно одинаково дѣлается. А это совсѣмъ не все равно: попъ попу рознь. Иной прямо откажетъ, другой возьмется, но съ осторожкою, и хорошо сдѣлаетъ, а третій такъ слукавитъ, что ничего не стоитъ, даромъ что вѣнчаны.

— Интересная, говорю, исторія.

— Очень небезъинтересная.

„Въ старину, напримѣръ, тайнобрачіе часто по страху дѣлалось. Мнѣ мой дѣдъ разсказывалъ, какъ онъ въ царствованіе Екатерины одного помѣщика съ насильно увезенной дѣвушкой вѣнчалъ. Взяли дѣдушку обманомъ изъ дому вызвали, да первое дѣло, благослови Господи, веревочную петлю ему на шею накинули и повели въ церковь. Дѣдушка думалъ:—разбойники,—грабить храмъ хотятъ, и ключи имъ выставляетъ: „Берите, дескать, все, что хотите,—послѣднюю ризу съ Царицы небесной снимайте, только мою грѣшную душу пощадите“. Но видитъ: помѣщикъ и его люди стоятъ въ церкви и пучки розогъ держатъ. „Вѣнчай, говорятъ, сію минуту, а то запоремъ или на колокольнѣ повѣсимъ“.

Дѣдушка былъ уже очень старый старичекъ и до безпамятства перепугался, но одно только вспомнилъ—проархіерея.

— Смилуйтесь, говоритъ, нашъ архіерей змѣй этакій безжалостный,—онъ узнаетъ, тогда меня разстрижетъ, и старушка-попадья безъ хлѣба околѣетъ.

А помѣщикъ отвѣчаетъ:

— Не блекочи, старый баранъ, о пустякахъ: кому онъ архіерей, а кому все равно что ничего. Сейчасъ надѣвай ризу да пой покороче, за нами погоня скачетъ. Успѣешь обвѣнчать,—я тебѣ за это выгонъ цѣлины дамъ и до смерти вашей съ попадьею мѣсячину давать буду, а не сдѣлаешь по-моему, сейчасъ повѣшу.

Дѣдушка поклонился и сталъ облачаться, только просилъ, чтобы съ него петли уже и не снимали, на тотъ конецъ, чтобы все-таки оправданіе было.

— Такъ онъ и вѣнчалъ ихъ въ петлѣ?

— Такъ и вѣнчалъ: впереди вокругъ налоя гайдукъ идетъ и дѣда ведетъ на обрывкѣ, а онъ молодыхъ ведетъ за руки.

— Что-же, говорю, сказать?.. Дѣдъ вашъ сдѣлалъ дѣло невеликодушное.

— Чѣмъ-съ?

— Способствовалъ насилію: — вы-же сами говорите, что невѣста была взята насильно.

— Да разумѣется, только вѣдь это дѣло-то, государь мой, все подъ петлей шло. Ишь вы захотѣли еще ири нашихъ порядкахъ геройства! Героевъ, сударь, вообще на свѣтъ родится немного, да много-то ихъ и не нужно, а особенно на Руси ихъ не требуется. У насъ вѣдь ихъ не жалуютъ. И знаете черезъ что?.. Хлопотно съ ними. Право. Вотъ посмотри, напримѣръ, на насъ тепѣрь откуда-нибудь честные люди,—могутъ сказать, зачѣмъ это здѣсь всѣ въ карты играютъ, а не занимаются чѣмъ-нибудь серьезнымъ; а займись всѣ одною серьезностью, — ухъ, какая скука станетъ. Или всѣ говорятъ: мало правды на свѣтѣ. И оно точно: ея мало. А начни-ка иному правдолюбцу всю правду-то сказывать, такъ онъ и слушать не станетъ, да еще „безпокойнымъ“ прозоветъ. Оттого и нѣтъ правды.... А что до духовенства, то попишки наши, конечно, худы, но, повѣрьте, они по нашему времени такіе и надобны. И это не отъ крови, а отъ тьмы вѣка сего,—отъ духовъ злобы поднебесной. Были бы у насъ и не такіе попы, да... говорить только не хочется. А то я, не выходя вотъ изъ этой-же самой семейной моей, такъ сказать, хроники, имѣю тому доказательство, что попики съ огонькомъ у насъ бывали и есть, но только они намъ не годятся, и ждетъ ихъ конецъ часто бѣдственный.

Это касается роднаго брата моего отца и моего дяди, тоже сельскаго священника той-же губерніи, откуда всѣ

мы родомъ, а начало тому дѣлу восходитъ къ двѣнадцатому году.

Дядюшка, отецъ Алексѣй, былъ старше моего отца и поступилъ на мѣсто того самаго дѣда, который съ веревкою на шеѣ помѣщика-то вѣнчалъ. А былъ онъ человѣкъ, по тогдашнему времени, новаго поповскаго закала, что называлось „платоновскаго“,—разумѣется, не по Платону-философу, а по митрополиту Платону Левшину, которымъ тогда по семинаріямъ восторгалось немало пылкихъ и благородныхъ юношей и пламенно старались ему подражать въ стойкости нрава, въ достоинствѣ поведенія и въ благородствѣ чувствъ, да всѣхъ ихъ свело и скорчило.

Вотъ такой былъ и дядя, отъ котораго произошелъ на свѣтъ мой двоюродный братъ, знаменитѣйшій и самый благонамѣреннѣйшій изъ нашихъ нынѣшнихъ тайнобрачныхъ вѣнчальниковъ.

Священствовать дядя о. Алексѣй началъ незадолго передъ отечественною войною, а въ ту пору въ село Г—во, его прихода, отъ французовъ прибѣжало изъ Москвы одно семейство чиновничье. Люди были бѣдные, безпристальные и безкровные,—мужъ да жена съ однимъ грудным сынишкой. Помѣщикъ, сынъ того-же самаго насильника Катерининыхъ временъ, почему-то знавалъ немножко этихъ можайскихъ сиротъ и теперь, въ ихъ тяжкой бѣдѣ, принялъ, но не на радость, а на новое горе. У чиновника жена была раскрасавица-красавица, изъ московскаго купеческаго рода. Помѣщикъ чиновнику мѣсто гдѣ-то по карантинамъ досталъ, а жену у себя во флигеляхъ помѣстилъ, да и воспользовался ея одиночествомъ. Не знаю уже: сталось это волею, или неволею, или своею охотою, а только она сдѣлалась его добычею, хотя при этомъ всегда мужа любила.

Долго ея грѣхъ, разумѣется, не утаился, потому что у помѣщика прежде этого свой крѣпостной гаремъ былъ, и отставныя наложницы все скоро развѣдали и заныли. Особенно одна, какъ сейчасъ помню,—старухою ее мнѣ еще показывали,—она въ такое пришла неистовство, что, вѣроятно изъ мести, стала выкликать объ этомъ въ церкви за обѣднею. Какъ херувимскую пѣснь запоютъ на клиросѣ, она ладонъ почуетъ и сейчасъ съ ногъ хлопъ на полъ въ растяжку и пойдетъ причитать обличенія. Всю эту публицистику она вела отъ лица помѣщеннаго, будто, въ нее бѣса... „Сижу, выкликаетъ, у Афимьи въ утробѣ, подъ горячимъ сердцемъ,—тоской ее мучу ревнивою, · а самъ все вижу. Вижу, какъ Самоха съ Давыда примѣръ взялъ: Урію на войну услалъ, а къ его Вирсавѣ со грѣхомъ ходитъ. Я то все знаю, и тѣмъ Химкино сердце сушу“. Кричитъ, кричитъ этакъ, а потомъ взвоетъ: „Ахъ, куда дѣться, куда дѣваться“. Жуткость даже этими криками на весь приходъ навела, тѣмъ болѣе, что за нею, по ея примѣру, и другія закликали, и все про ту-же бѣдную барыньку, которая, можетъ-быть, и сама не рада была, что такого прелестника у подобныхъ соперницъ отбила.

Шла эта безцензурная гласность до тѣхъ поръ, пока узналъ про нее „самъ Самоха“ и расправился съ обличительницами по силѣ своей божественной власти,—то-есть, однѣхъ отечески перепоролъ, а самую главную зачинщицу замуровалъ въ какой-то чуланъ и держалъ тамъ чуть не цѣлыхъ десять лѣтъ. А въ это время, разумѣется, невольный грѣхъ барыньки все продолжался, и всѣ о немъ вѣдали.

Дядя-же, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ зналъ, потому что и чиновникъ, и жена его, да и „самъ Са-

моха“ у него исповѣдывались и, какъ люди вѣрующіе, сами ему все на духу сказывали. А чиновникъ-то даже и не на духу, а такъ, прямо, по пріязни, не разъ ему свое горе открывалъ и искалъ у него духовнаго утѣшенія. Въ селахъ, вѣдь, попамъ сердечное горе и до сихъ поръ сказываютъ, — особенно если попикъ не лютъ и простъ.

Дядя-же былъ человѣчикъ добрый и, въ свою мѣру, благочестивый; его всѣ любили. Онъ и чиновника этого въ его огорченіи добрымъ словомъ пользовалъ: когда бывало ему что-нибудь изъ Евстафія Плакиды приведетъ, или изъ другой трогательной книжечки прочитаетъ, а другой разъ, вечеркомъ, съ нимъ домашнихъ наливочекъ попьетъ, или въ мушку отъ скуки поиграетъ, и такими разнообразными пріемами добраго участія очень успѣлъ его успокоить и примирить съ его положеніемъ. Такъ жили они всѣ лѣтъ пятнадцать, и всякій день, какъ нынѣ въ удивленіе пишутъ, „втроемъ по утрамъ чай пили“. Мужъ считался управителемъ и помѣщался на особой половинѣ, а помѣщикъ вблизи къ его супругѣ, утромъ же опять къ чаю трое садятся. Ревности мужъ по привычкѣ уже никакой не чувствовалъ, но только сталъ, горькій, запивать жестоко запоемъ и тогда опять, взволновавшись, плакался. Однако и это горе минуло; но настало новое, еще худшее, да и поучительное, поучительное въ томъ смыслѣ, что можетъ показать вамъ, какъ иногда священникъ-то бываетъ высокъ и совѣстливъ, да, къ тому-же, и компетентенъ въ дѣлахъ, ускользающихъ отъ всякаго контроля не только высшей духовной власти, но и самаго закона, который вотще все предъузрѣть тщится.

XIV.

У чиновницы съ тѣхъ поръ, какъ она стала по утрамъ втроемъ чай пить, народилось много дѣтей, и въ числѣ оныхъ была одна дочка, красавица-раскрасавица, не хуже матери. Помѣщикъ, лихо его ѣшь, глядѣлъ, глядѣлъ на нее, выбиралъ, выбиралъ ей жениховъ, да вдругъ, въ одинъ прекрасный день, *самъ* вздумалъ на ней жениться. Законные всѣ претексты были къ тому, что ихъ можно было обвѣнчать, а только дядя отецъ Алексѣй больше всѣхъ законовѣдовъ зналъ: онъ, какъ духовникъ, зналъ грѣхи родительскіе. Да-съ; онъ зналъ, что тутъ незаконнаго:—дѣвочка приходилась дочь жениху, — и какъ дѣло дошло до отца Алексѣя, онъ и уперся.

— Нѣтъ, говоритъ, не только не могу васъ вѣнчать, но обличаю васъ. Бога убойтесь, сами вѣдь во грѣхѣ каялись, и мать ея каялась: эта дѣвица ваша дочь есть.

Помѣщикъ расвирѣпѣлъ и покатилъ къ архіерею, а архіерей о ту пору былъ Г—іилъ. Умный былъ человѣкъ, но любилъ пожить, а жить было не на что, и потому онъ не всегда себѣ господиномъ выходилъ: попросту,— взятки любилъ. Тутъ архіерей видитъ, что дѣло кормное,

и сейчасъ вытребовалъ къ себѣ въ О. дядю, отца Алексѣя, и спрашиваетъ:

— Почему ты такого-то помѣщика на такой-то дѣвицѣ не вѣнчаешь? Какія къ тому препятствія?

А отецъ Алексѣй отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вотъ что мнѣ, какъ духовному отцу, извѣстно, и вотъ мои причины и основанія не вѣнчать.

Архіерей задумался, покряхтѣлъ и говоритъ:

— Ишь ты, какъ ты очень много знаешь! и отослалъ дядю домой, а однако и помѣщику, должно быть, разрѣшенія не далъ, потому что тотъ въ сосѣдней епархіи вѣнчался.

— Что-же, говорю, вашъ дядюшка, дѣйствительно, показалъ своего рода героизмъ.

— То-то, героизмъ, за то оно ему худо и вышло. Героизма-то, повторяю, у насъ не жалуютъ. Такъ это, прочитать гдѣ-нибудь о героѣ, который дѣйствовалъ при царѣ Горохѣ, или хоть и недавно, да только не на нашей землѣ,— это мы любимъ; а если у себя на дворѣ что-нибудь хоть маломальски съ характеромъ заведется, такъ и согнемъ его сами въ три погибели. То было и съ дядею: вмѣсто того, чтобы его взять да перевести на другое мѣсто отъразлютовавшагося помѣщика, — его взяли да нарочно тамъ и оставили. И что онъ только, бѣдный, вытерпѣлъ въ этомъ загонѣ: и архіерей-то его ненавидѣлъ, и консисторія-то его гнала, и помѣщикъ-то его гналъ, на дворъ его помѣщичій не пускали, собаками псари не разъ травили, и, наконецъ, до того довели, что онъ съ ума сошелъ и точно, какъ

та баба Химка, все бывало сидитъ, какъ подстрѣленный голубь, и стонетъ:

— Куда дѣться? Куда дѣваться?

Ужасное это было зрѣлище. Помню его: бывало дни и ночи все сидитъ въ батрацкой избѣ на холодной печкѣ и все одно жалобно стонетъ:

— Куда дѣться? Куда дѣваться?

Въ одну сторону метнется, голоситъ: „Куда дѣться?“, и сейчасъ въ другую повернетъ: „Куда дѣваться“? Все, видите, мерещились по одну руку архіерей, по другую баринъ. Насилу Господь его вспомнилъ: дочернину свадьбу за дьячка справляли послѣ Крещенія, да за суетами про него позабыли,—онъ и замерзъ въ холодной избѣ на нетопленной печкѣ. Утромъ послѣ свадьбы пришли къ нему, а онъ лежитъ мертвый, скорчившись, и ручку крестомъ сложилъ: вѣрно въ послѣднюю минуту въ себя пришелъ и Богу помолился о себѣ и о своихъ мучителяхъ. Вотъ вамъ и примѣръ нравственнаго, какъ вы говорите, героизма, и того, чѣмъ онъ для насъ на Руси увѣнчивается. Жестко, сударь, жестко на Руси геройствовать...

Разсказчикъ вздохнулъ и добавилъ: Такъ вотъ съ дѣтства-то видѣвъ это направленіе и эту практику, молодое-то поколѣніе наше и росло до того возраста, до котораго нынѣче выросло, и выработало себѣ, что необходимѣе именно не героизмъ, а практицизмъ.

— Въ какомъ-же родѣ?

— Да въ родѣ нѣкотораго, такъ сказать, самоуправленія, или пожалуй, если хотите, самоуправства, но только это, во-первыхъ, вызвано необходимостію, а во-вторыхъ, и не совсѣмъ безосновательно и не совсѣмъ безчинно. Даже къ чести духовенства сказать,—оно во многихъ случаяхъ дѣйствовало весьма человѣколюбиво,

а главное, практику выработало, которая хорошо рекомендуетъ духовныхъ и даетъ полную возможность полагаться на ихъ умъ и нравственное чувство.

— Но вотъ этого-то, говорю, я и не понимаю: въ чемъ эта практика и ручательство?

— А въ томъ, что кого не слѣдуетъ вѣнчать, такъ будьте увѣрены — у насъ не перевѣнчаютъ.

— Не ошибаетесь-ли вы, батюшка?

— Нѣтъ-съ, я не ошибаюсь.

— Воздержусь отъ противорѣчія вамъ, а только въ обществѣ объ этомъ думаютъ иначе.

— „Въ обществѣ“! Нашли на кого ссылаться! Что оно знаетъ и чего не болтаетъ это такъ называемое наше общество!

— Ну какъ, говорю, такъ... о всемъ обществѣ....

— А то какъ еще говорить о людяхъ, которые судятъ и рядятъ о томъ, о чемъ и понятія не имѣютъ? Или доказательствъ еще требуете, — такъ они у васъ на лицо. Разберите-ка, вѣнчанъ или не вѣнчанъ этотъ писатель Z., съ котораго нашъ разговоръ пошелъ, — вотъ и не разберете. Да они даже и сами не разберутъ, потому что въ церковь не ходятъ, служенія никогда не видятъ и не знаютъ, что надъ ними дѣлаютъ: крестятъ ихъ, вѣнчаютъ, или хоронятъ. Ей право,—одичали хуже дикихъ!

И мой собесѣдникъ весело разсмѣялся.

— Но позвольте, возразилъ я, слегка уязвленный его насмѣшкою, которая мнѣ все-таки не открывала интересовавшихъ меня практическихъ пріемовъ тайнобрачія. Надѣюсь, вы, однако, допустите, что если общество неправильно судитъ о духовенствѣ, то, напримѣръ, архіереи ваши имѣютъ-же о васъ настоящія понятія.

— Ну, что-же такое? къ чему этотъ вопросъ?

— Да такъ. Вы скажите: имѣютъ они или не имѣютъ?

— Можетъ быть нѣкоторые и имѣютъ.

— „Нѣкоторые“ только?

— Да, нѣкоторые.

— Да и то „можетъ быть“. Но пусть такъ, — пусть будетъ по вашему, а вотъ я знаю одинъ случай, гдѣ архіерей прямо сказалъ, что у него попы за деньги кого угодно „хоть на родной матери перевѣнчаютъ“.

— Хватилъ грѣха на душу его преосвященство: на матери вѣнчать не станутъ. Да кому это и интересно на мамашѣ жениться... Нѣтъ, это уже очень по-монашески. А впрочемъ еще нельзя-ли знать, какой святитель, изрекъ сіи словеса?

Я назвалъ архіерея.

Собѣсѣдникъ мой еще веселѣе расхохотался.

— Что-же, любопытствую, тутъ смѣшнаго?

— Да, ишь кого вы цитуете? Этотъ господинъ что хотите брякнетъ... Ему-бы по моему „Весельчака“ издавать. Мы вѣдь съ нимъ вмѣстѣ на школьной скамьѣ сидѣли всегда,—шутникъ былъ. А впрочемъ, и то еще надо знать: о комъ дѣло-то шло? Секретъ это или не секретъ: про чье это вѣнчанье?

— Нѣтъ, отвѣчаю, — теперь это уже не секретъ, потому это тотъ, кого это касается, уже женился и опять овдовѣлъ.

И я назвалъ дядю Никса.

Но едва я произнесъ это имя, какъ мой собесѣдникъ въ третій разъ покатился со смѣху, да уже даже до неприличія.

— Право, говорю, не могу понять, почему все это васъ такъ смѣшитъ.

— Да какъ-же не смѣшить-съ! Такъ вотъ это вы этакую-то младенческую свадьбу считаете отчаянною смѣлостію? Ну, поздравляю васъ съ знаніемъ русской жизни. Вотъ оттого-то у васъ, господа, по большей части и въ романахъ-то въ вашихъ отвлеченнѣе, чѣмъ въ Аристофановой комедіи,—все „на облакахъ“ происходитъ.

— Романы, говорю, отодвиньте въ сторону, — нынѣче на нихъ и спроса нѣтъ, а вы разъубѣдите меня, что свадьба съ родною сестрою первой жены не есть свадьба незаконная и рискованная.

— Что она незаконная, противъ этого я спорить не стану, а рискованнаго въ ней нимало нѣтъ, да и вѣнчалъ ее основательный священникъ, котораго я какъ самъ себя знаю. Онъ никогда и ни за какія благополучія рискованнаго дѣла дѣлать не станетъ.

— Но вамъ, я думаю, надо-бы подробнѣе знать эту пару, о которой мы говоримъ.

— Нечего мнѣ о ней узнавать, когда я о ней все существенное знаю.

— Когда-же вы это узнавали?

— Тогда, когда того надобность требовала. Не хотите-ли поэкзаменовать: я все отлично помню, со всѣми, можно сказать, деталями. Тутъ еще было нагажено тѣмъ, что разныя большія лица были впутаны. Не правда-ли?

— Да.

— И къ тому-же они владыку просили?

— Да, да, да.

— Помню. Братъ у невѣсты былъ, длинный-предлинный офицеръ съ ученымъ значкомъ.

— Былъ.

— Имени не помню, а по батюшкѣ, кажется, Данилычъ.

— Вы отлично помните.

— Вотъ онъ и приходилъ. Чудесный парень, все разсказалъ, по военному: благородно и откровенно, и о своихъ неудачахъ у владыки открылъ.

— И это не испугало священника?

— Нимало. Штрафъ, разумѣется, на нихъ маленькій накинулъ въ цѣнѣ, чтобы старшихъ не безпокоили, и все тутъ.

— Однако, я помню, говорю, что этотъ Данилычъ не сразу какъ-то сговорился со священникомъ, а было два-три дня томительныхъ.

— Неправда: всего на-все одинъ день только я ихъ просилъ подождать, и то это совсѣмъ не для притѣсненія, а уже это всегда такъ, нарочно, „заминка“ дѣлается.

— Для чего?

— Чтобы давальцевъ не отпугнуть, а въ то-же время справки навести.

— Какія-же справки?

— Есть или нѣтъ у брачущихся недвижимое имущество или значительное наслѣдство.

— Но зачѣмъ это священнику?

— А это въ тайныхъ бракахъ и есть самое нужнѣйшее. Родство или что другое, идущее только противъ церковныхъ уставовъ,—это пустяки, а вотъ имущество, изъ-за чего всѣ люди ссорятся,—тутъ надо строго.

— Будто это такъ важно?

— Это только и важно. Если есть родовое имѣніе, которое могутъ наслѣдовать родственники, или если дѣти могутъ быть претендентами на какое-либо родовое наслѣдство, тогда, будьте увѣрены, никакой порядочный священникъ такого брака вѣнчать не станетъ.

— А какъ можно это узнать?

— Въ тонкости узнаютъ.

— И скоро?

— Да смотря по людямъ и дѣлу: иногда сразу-же, а иногда подольше.

— Съ недѣльку, или съ мѣсяцъ?

— О, что вы! Нѣтъ,—сутки, много двое.

— Какимъ-же образомъ можно собрать такъ скоро такія щекотливыя справки, о которыхъ люди могутъ все утаить и налгать?

— Надо имѣть способнаго справщика и содержать его, иногда даже и терпѣть отъ него кое-что, какъ вотъ, напримѣръ, нѣкоему ближнему доводилось терпѣть отъ этого молодца, который о дядюшкѣ Никсѣ обыскъ дѣлалъ.

— Что-же, онъ плохой человѣкъ?

— Ужасный негодяй, но талантливъ шельма къ этимъ дѣламъ безконечно. Онъ сюда нарочно изъ Кіева вывезенъ. Тамъ подобныхъ артистовъ разсадникъ. Практика ихъ вырабатываетъ надъ богомольцами. И этотъ все у деревяненькой церкви на Старомъ городѣ сидѣлъ для перехвата,—чтобы богомольцевъ изъ Печерска на Подолъ не перепускать. Должность въ томъ, что какъ увидитъ кучку „богомуловъ"—сейчасъ къ себѣ подманитъ и уговоритъ, чтобы на Подолъ не ходили, а у нихъ молились. Отличный практикъ. Ну вотъ, одному батюшкѣ съ разнымъ наслѣдствомъ отъ брата пришлось и его сюда взять.

— Какой-же у этого дѣльца церковный чинъ?

— Чинъ у него—церковный сторожъ, а ходитъ онъ за причетника.

— И по особымъ порученіямъ?

— Да, преимущественно-то по особымъ порученіямъ.

По полученій заказа сдѣлаешь маленькую заминку, а онъ тѣмъ временемъ все и обслѣдуетъ.

— Но какимъ образомъ?

— А ужъ это по его усмотрѣнію.

— А онъ не вретъ?

— Нѣтъ, для чего-же? да онъ всегда вѣдь и весь процессъ и источники укажетъ, такъ что можете обсудить основательность и достовѣрность и того, и другаго, и третьяго.

— Ну, такъ вотъ, позвольте-же, говорю, васъ разочаровать.

— Сдѣлайте милость—если удастся.

— При вѣнчаніи дяди Никса рѣшительно ни отъ кого ни изъ ихъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ, никто такихъ справокъ не забиралъ.

— Вѣрно. Нашъ дока свое имя не даромъ носитъ: онъ не такъ глупъ, чтобы съ родными жениха сталъ разговаривать. Онъ понимаетъ, что это дѣло сердечное, и дѣйствуетъ тонко,—собираетъ источники чистые и достовѣрные. Ему было сказано, что вотъ такъ-то и такъ-то,—вотъ этакій крупный человѣкъ желаетъ жениться на сестрѣ своей покойной жены,—я на день заминку сдѣлалъ, а ты поди и удостовѣрь дѣло какъ нужно. А онъ отвѣчаетъ: „это можно кратко дослѣдить—потому что у нихъ старшій дворникъ Терешка мой пріятель“. Если вы все вѣдаете, то вы должны знать: былъ у нихъ дворникъ Терешка или нѣтъ?

— Знаю: дѣйствительно былъ дворникъ Терешка.

— Ну вотъ видите. Справщикъ взялъ на три бутылки пива, посидѣлъ съ этимъ Терешкой въ низкѣ и вернулся, говоритъ:

— Терешка сказалъ: можно вѣнчать.

— Но вѣроятно-же при этомъ и какія-нибудь подробности дознанія были представлены?

— Какъ-же,—разумѣется, были: подробности необходимы, потому что по нимъ видишь и судишь: вѣрно-ли и благонадежно-ли все дѣло?

— Ну, а въ отношеніи дяди Никса, напримѣръ, въ чемъ-же заключались эти подробности?

— Помнится, онъ разсказалъ такъ: пришелъ, говоритъ, къ воротамъ, Терешку вызвалъ,—пошли въ низокъ, двѣ пары пива выпили, и Терешка сказываетъ: ничего,—дѣло плевое,—можно вѣнчать, господа согласные. Она, говоритъ, барыня къ нему ласковая и теперь тяжела, а всѣ ейные братья и сестры желаютъ, чтобы она съ нимъ подзаконилась. А на счетъ состоянія не сумнѣвайтесь: имѣніевъ у нихъ нѣтъ и что имъ по зимѣ мороженыхъ индюшекъ присылали, такъ это изъ чужой деревни. Онъ съ жалованья живетъ, а она совсѣмъ безпомѣстная. Скажи батюшкѣ, что совѣтую, чтобы крутилъ съ Богомъ.

— И это все?

— А вамъ что-же еще надо?

— И вотъ *это*-то, вотъ эту болтовню съ дворникомъ вы называете справкою или свѣдѣніемъ!

— А какъ-же это по вашему надо назвать?

— Да такъ и назвать, пустяками, вздоромъ. Да вы, извините меня, я думаю, что вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Не могу вѣрить!

— Почему-же?

— Да потому, что вы не можете не знать, что на слова такихъ людей какъ мужикъ-дворникъ твердо полагаться нельзя.

— Нѣтъ, я этого не знаю, и совсѣмъ другое думаю.

— Что-же вы думаете?

— Я думаю: какіе вы всѣ жалкіе, поврежденные люди, и какъ вы безнадежно повреждены, въ самомъ своемъ корнѣ: въ вѣрѣ въ умъ и въ доблесть русскаго человѣка. Кто, какой злой духъ, или какой лихой опытъ далъ вамъ право такъ низко судить о нашемъ умномъ и добромъ народѣ? И сторожъ-то васъ обманетъ, и дворникъ обманетъ, и, наконецъ, уже и я, попъ, васъ обманываю, — шучу, видите, а не правду вамъ сказываю....

Батюшка закачалъ укоризненно головою и добавилъ снисходительно:

— Ахъ вы, господа, господа теоретики. Постыдились-бы вы этого своего невѣрія въ русскаго человѣка, да не давали-бы другимъ повадки утверждать, что мы сами собою ничего путнаго учредить не можемъ. Тьфу! что за гадость, что за недовѣріе къ русскому человѣку, даже въ томъ случаѣ, если онъ дворникъ, которому сама полиція вѣритъ больше, чѣмъ любому ученому и литератору.

Сказавъ это, батюшка опять плюнулъ и плюнулъ такъ рѣшительно, какъ могъ плевать только извѣстный Костанджогло, и затѣмъ тихо проворчалъ:

— Недовѣріе, вездѣ недовѣріе, на всякое время и на всякъ часъ это проклятое недовѣріе. Оттого и заводятся всякіе портные, что безъ узла шьютъ.

— То есть вотъ этого-то я и не понимаю: отчего-же они заводятся?

— Да отъ боязни живыхъ сношеній съ людьми и отъ возни съ одною бумажною хитростію. И какъ все это сложно и непрочно, и какою хитрою механикой пахнетъ—вообразить гадко. Я увѣренъ, что если я вамъ сейчасъ это разъясню, то вы увидите, какія преимущества имѣетъ простота вездѣ, не исключая и тайнобрачія, гдѣ

она должна быть хвалима передъ всѣми иными хитростями, въ которыя теперь жалостно уловляется не мало людей, имущихъ только образъ вѣнчанія, но силы онаго лишенныхъ.

Я весь обратился во вниманіе, къ которому усиленно приглашаю теперь и моего читателя.

XV.

Самое трудное, и можетъ быть, единственно опасное въ брачныхъ дѣлахъ теперь оказывается имѣніе и наслѣдство, а самое досадительное для духовенства,—это „возня съ мелкотою“, къ которой разсказчикъ, очевидно, причислялъ и сшитаго безъ узла брачною нитью литератора *Z*.

— О тайномъ вѣнчаніи такихъ людей, говорилъ онъ, прежде и помина не было. Вѣнчались тайно, бывало, помѣщики или гусары, или вообще люди значительные, о которыхъ всегда можно что надо разузнать въ разсужденіи родства и наслѣдства; но потомъ, какъ все это съ отъемомъ крестьянъ перепуталось, — тутъ разночинецъ сталъ входить въ силу и тоже полѣзъ тайнобрачиться. Разумѣется, всему этому женщины виною: сейчасъ сороки этакія изъ верхнихъ слоевъ всякую моду перенимаютъ. Иная прежде уже лѣтъ нѣсколько въ простотѣ съ человѣкомъ безъ вѣнца тихо обращалась и ни мало не смущалась,—а тутъ прослышала, что въ большихъ кружкахъ всѣ вѣнчаются, и сама стала приставать, чтобы и ей подзакониться. Ну, разумѣется, чего баба захочетъ, того достигнетъ: человѣкъ

терпитъ, терпитъ и наконецъ плюнетъ: „будь ты совсѣмъ не ладна!“ Пойдетъ и проситъ батюшку: „Такъ-молъ и такъ, — не могу бабу усмирить: повѣнчайте!“ Духовенство по нынѣшнему времени начало и таковыхъ вѣнчать, и уже, разумѣется, не по старинному, за помѣщичью или за гусарскую цѣну, а такъ „что положатъ“. И за двѣ десятныхъ пѣвали, и даже менѣе, и, разумѣется, уже вразсужденіи справокъ стали обращаться съ небрежью, потому что и хлопотать-то было не за что, а къ тому же и трудно. Русскій мужикъ дворникъ— ужасный, вѣдь, аристократъ въ душѣ, особенно если брюхо себѣ наѣстъ: онъ такимъ мелкимъ народомъ, какъ разночинцы, не любитъ заниматься. Вотъ о жильцѣ начиная съ чина статскаго совѣтника — онъ любопытствуетъ, изъ какихъ дошелъ и какого роду и состоянія, и изъ чьего имѣнія ему мороженыхъ индюшекъ присылаютъ, ну а мелкотою онъ интересоваться не любитъ. Это уже его натура такая,—даже полиція его къ этому пріучить не можетъ. Приставъ нашъ мнѣ не разъ жаловался,—говоритъ: хоть не спрашивай ихъ дураковъ про подозрительныхъ людей,— заведетъ такую катавасію:

—„Мы, молъ, ваше-скобродіе, понимаемъ, что какъ эти люди малозначительные, такъ ими не антиресуемся, а вотъ генералъ у насъ живутъ—это точно, и съ своей экономкой они обращаются, изъ нѣмокъ, а у той братъ есть при чужомъ грапѣ секлетаремъ служитъ“.—И пойдетъ, говоритъ, дуракъ вверхъ все въ аристократію лѣзть.—И это справедливо: съ этой стороны они и намъ неудобны, и это-то собственно и есть для браковъ небольшихъ людей большое препятствіе. А между тѣмъ, какъ вамъ докладываю, и эти въ послѣднее время, по бабьему настоянію, все туда-же лѣзли, чтобы секретно вѣнчаться, да еще и задешево,

потому что и платить-то какъ слѣдуетъ они не могутъ. Тогда этотъ самый отецъ „вѣнчальный батюшка“ и выдумалъ фортеле́, и такое фортеле́, что долго его никакъ нельзя было понять, въ чемъ оно заключается. Слышимъ только между собою, что онъ вѣнчаетъ и направо и налѣво и уже никакихъ справокъ не собираетъ. Да-съ, и задешево: всѣ прификсы сбилъ, а крутитъ за предложенную цѣну. Понять невозможно было, въ чью это голову онъ содитъ и за что рискуетъ, какъ вдругъ оказывается, что онъ, плутяга, ничѣмъ и не рискуетъ. И выплыло это дѣло самымъ нежданнымъ манеромъ, къ которому я какъ разъ могу подвести дѣло вашего тайнобрачнаго знакомца.

Въ лѣтнее время семья моя на дачѣ была, а я наѣзжалъ сюда чередное служеніе отбывать. На всю недѣлю для обѣденъ я „ранняго батюшку“ за себя нанималъ, а въ субботу самъ пріѣзжалъ: служилъ всенощное и въ воскресенье—позднюю. Только-что выхожу я послѣ всенощной,—пройдтись по набережной хотѣлъ,—а ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ съ дамочкой и объясняютъ, что они женихъ съ невѣстою и хотятъ повѣнчаться. Я отвѣчаю: доброе дѣло, доброе дѣло; а самъ на него смотрю инквизитерски, потому-что онъ мнѣ что-то фертоватъ показался.

— А документы, говорю, въ порядкѣ?

— Да, документы, отвѣчаютъ, есть.

— Разсмотрѣть, говорю, надо.—Благоволите оставить. Завтра отвѣтъ дамъ.

Онъ утромъ занесъ всю свою геральдію въ одномъ пакетикѣ. Поглядѣлъ я,—все въ порядкѣ, а только легковѣсность какая-то: у него указишко объ отставкѣ и чи-

нишко шаршавенькій, — губернскій секретарь, а она— вдова учителя. Кто ихъ тутъ разберетъ, въ какой они другъ къ другу позиціи?

Я велѣлъ своему докѣ-сторожу адресъ ихъ замѣтить и справиться,—справка вышла пустая. Приходитъ мой вѣстовщикъ и говоритъ:

— Такъ и такъ, говоритъ, живутъ они вмѣстѣ третій годъ на одной квартирѣ, и дѣвочка маленькая у нихъ есть, а прислугу одну держатъ и въ мелочной берутъ на книжку, а мясникъ не даетъ вдолгъ. Впрочемъ, говоритъ, пить не пьютъ, но знакомцевъ окромя писателевъ никого изъ достойныхъ лицъ у нихъ не бываетъ и ничего про нихъ знать нельзя. Мое, говоритъ, такое мнѣніе, что не надо ихъ вѣнчать, — что-то опасно. Пусть къ своему приходскому батюшкѣ идутъ.

А я ему въ тонкихъ дѣлахъ вѣрилъ, да и мнѣ самому показалось, что это опасно. У насъ, знаете, ужъ свой нюхъ на это есть. Дѣла по дѣламъ будто ничего, а своимъ верхнимъ чутьемъ поведешь—и другое слышишь. Такъ и тутъ: бумаженки тощія и людцы маленькіе, и что-то не порядкомъ отдаетъ, да опять, самое главное, и дворникъ не ручается.

Подумалъ я, подумалъ: есть что-то сомнительное, а они еще и заплатить-то, какъ слѣдуетъ, не могутъ, и отказалъ. Свернулъ бумажки въ его-же конвертъ, подлѣпилъ клейкомъ и отдалъ сторожу.

— Какъ придетъ, говорю, этотъ господинъ,—скажи ему, что-молъ батюшка уѣхали, и бумаги отдай. А впередъ, молъ, просили не приходить.

Такъ и сдѣлалось,—тотъ его отправилъ и еще въ полезномъ разговорѣ узналъ, что и авантажъ отъ него мы потеряли самый незначительный: тридцатью рублями всего

хотѣлъ осчастливить. Я рукою на это махнулъ и позабылъ. Но господинъ этотъ женихъ былъ мстивъ и, встрѣтивши разъ гдѣ-то моего сторожа, какъ-бы въ веселіи объявляетъ:—„Вотъ твой батюшка не хотѣлъ меня перевѣнчать, а отецъ такой-то (называетъ вѣнчальнаго батюшку) насъ, говоритъ, перевѣнчалъ“. Тотъ мнѣ это передаетъ, и даже съ неудовольствіемъ, какъ будто я лишилъ его доли отъ тридцати сребрениковъ, а черезъ малое время говоритъ, что онъ и самъ желаетъ перейдти къ тому вѣнчальному батюшкѣ, на „соотвѣтственную должность“.

— На какую это? спрашиваю.

— Въ пѣвцы.

— Да ты пѣть не умѣешь.

— Что-жъ такое, говоритъ,—и неумѣвши поютъ.

— Но у тебя и голоса нѣтъ.

— Въ церкви, отвѣчаетъ, можно пѣть и безъ голоса.

— Нѣтъ, ты, говорю, откройся: чѣмъ мальчикъ Гришка мачихою недоволенъ?

— Да что, говоритъ, батюшка: откровенно сказать, вы еще по старинѣ: все справляетесь. Теперь это надо оставить. — Тамъ смѣлѣе крутятъ, и черезъ то служить авантажнѣе.

— Ну, смотри, молъ, не попадись, съ большимъ авантажемъ-то.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, тамъ придумана механика умная.

Я и полюбопытствовалъ, что это за механика и какъ онъ про нее провѣдалъ.

— А я, говоритъ, отъ этого-же барина все провѣдалъ.

— Да у тебя, молъ, какія-же съ нимъ сношенія?

— За совѣтами онъ ко мнѣ приходилъ.

— А ты что за юристъ-консультъ такой, что къ тебѣ за совѣтами ходятъ?

— Нѣтъ, я, отвѣчаетъ, не консулъ, а когда человѣка хорошенько нажгутъ, такъ онъ ко всякому лѣзетъ.

— Да, молъ, если глупъ, такъ лѣзетъ.

— Однако, отвѣчаетъ, и у васъ, какъ въ прошломъ году зубы хорошенько разболѣлись, такъ вы вотъ и не глупы, а тоже на Моховую къ цирюльнику заговаривать пошли.

— Да, говорю, это правда,— ходилъ.

— А вотъ то-то, говоритъ, и есть. А вѣдь, онъ, этотъ цирюльникъ, ничего не знаетъ: молитовку какую-то пошепчетъ, да обрывокъ человѣку, какъ теленку, нацѣпитъ и велитъ не скидывать. И вамъ, небось, то самое вѣшалъ.

— Вѣшалъ.

— И вы, пожалуй, такъ и служили въ обрывкѣ?

— Служилъ.

— Ну, такъ это и я бы вамъ могъ нацѣпить, да стыдъ только не позволялъ. А баринокъ этотъ ко мнѣ первый разъ съ веселъемъ заговорилъ, чтобы черезъ меня васъ подзадорить, а потомъ, вчера—гляжу, нарочно идетъ, и лица на немъ нѣтъ.

— Что, говорю, вамъ такое?

— Ужасная, говоритъ, непріятность: мнѣ надо еще разъ перевѣнчаться.

Я гляжу на него и думаю: не помѣшался-ли онъ?

— Да вѣдь вы же, говорю, сказывали мнѣ, что васъ обвѣнчали.

— Да, отвѣчаетъ; обвѣнчать-то обвѣнчали, да очень легко сдѣлали: надо еще разъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться основательнѣе.

— Что же это за дѣло такое? Вы, говорю, если хотите отъ меня помощи, такъ въ подробности объясните, потому-что безъ этого и лекарь не лечитъ.

Онъ и сталъ объяснять.

Батюшка, говоритъ, насъ обвѣнчалъ, велѣлъ поцѣловаться и отпустилъ а потомъ я пошелъ за свидѣтельствомъ, — дома его не засталъ. И еще черезъ день пошелъ, и опять не засталъ, и опять черезъ недѣлю пошелъ и тоже не сподобился видѣть.

И такъ ходилъ, ходилъ, и счетъ ходинкамъ потерялъ, а тѣмъ временемъ жена родила и надо крестить; брачное свидѣтельство уже необходимо. — Тутъ этотъ супругъ уже не съ короткимъ полѣзъ звониться и дозвонился, хоть не до самого батюшки, такъ до его причетника, и сообщилъ ему свою нужду и неудовольствіе. А причетникъ проговорилъ:

— Что, господинъ, напрасно ходите, и себя, и насъ напрасно затрудняете: никакого вамъ свидѣтельства не будетъ.

Баринокъ вскипятился: какъ не будетъ?

— Что, грозитъ, вы думаете—я церковныхъ порядковъ что-ли не знаю! я юристъ—у насъ на лекціяхъ все это преподавали, я сейчасъ къ благочинному, да въ консисторію, или къ самому владыкѣ?

А дьячекъ-то у нихъ очень умный.—Все чернило и марки у него на рукахъ. *) Онъ этому барину и отвѣчаетъ.

*) Содержать „чернило на рукахъ“ значитъ вести письменную часть, а марками называются жестянки, выдаваемыя священниками исповѣдникамъ, съ каковыми послѣдніе подходятъ къ записчикамъ, вносящимъ имена въ исповѣдныя росписи. Марки эти на подобіе простонародныхъ банныхъ балетовъ должны служить доказательствами, что исповѣдникъ дѣйствительно былъ у священника на духу и получилъ разрѣшеніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, а не записывается въ книги безъ исповѣди. Впрочемъ эти марки или бляшки теперь уже почти повсемѣстно выводятся изъ употребленія, какъ недостигающія цѣли. Къ употребленію марокъ, говорятъ, повела „подставка“, т. е. наемщество, къ коему прибѣгали люди не желающіе исповѣдываться, но обязаные къ тому служебными и иными требованіями. Но можно думать и такъ, что эти бляшки стали не нужны въ виду тѣхъ несомнѣнно большихъ успѣховъ православія, о которыхъ ежегодно свидѣтельствуютъ отчеты епархіальныхъ начальниковъ и центральнаго церковно-правительственнаго органа.

— Не пужайте, господинъ, что вы такъ страшно пужаете? Идите не только къ владыкѣ, а хоть къ самому Господу Богу, такъ мы стоимъ во всѣхъ дѣлахъ чисты,— и никого не боимся.

— Да, вѣдь, я же, говоритъ, вѣнчался.

— Спору нѣтъ, что вѣнчались, отвѣчаетъ дьячекъ, мало ли кто вѣнчался, но не всякій же беретъ свидѣтельство. Вотъ наши мужички православные и знать этихъ пустяковъ никогда не знаютъ. А намъ совсѣмъ неизвѣстно: кому нужно такое свидѣтельство, а кому оно ненужно. Если вы вѣнчались для уваженія таинства, то и будетъ съ васъ, и оставайтесь тѣмъ довольны.

Баринъ вскипѣлъ: что вы разбойники, что ли, говоритъ, на что мнѣ таинство!

А дьячекъ свой шагъ спокойно держитъ.

— Нѣтъ, говоритъ, мы не разбойники, а вы, господинъ, про таинство потише, да и не ругайтесь, а то я сейчасъ и дверь захлопну, чтобы такихъ словъ не слыхать, за кои къ отвѣту потянуть могутъ. А вы тогда оставайтесь на улицѣ и идите, куда вамъ угодно жаловаться.

Тутъ баринокъ видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ крѣпкимъ: пересталъ пылить и говоритъ:

— Да нѣтъ, вы, милый другъ, сами посудите... я этого себѣ даже уяснить не могу: въ какомъ же я теперь положеніи? да при этомъ рублевый билетикъ ему въ руку и сунулъ.

Тогда, разумѣется, и дьячекъ къ нему перемѣнился.

— Давно бы, говоритъ, господинъ, вы этакъ.. честью всегда все скорѣе узнаете. Вы къ батюшкѣ на домъ больше не докучайте, потому-что они дома никакихъ объясненій по непріятнымъ дѣламъ не

дають, а пожалуйте завтра, въ воскресенье, за литургію и по отслуженіи, вы въ алтарь взойдете, — тамъ и объяснитесь.

Тотъ спрашиваетъ: ловко-ли это въ алтарѣ объясняться?

— Да ужъ гдѣ-же, отвѣчаетъ, еще ловче? Они всегда, если что нибудь касающее сумнительнаго, только въ алтарѣ и объясняютъ, потому что тамъ ихъ царство. Они у престола, въ своей должности, отъ всякой непріятности закрыты.

Тотъ такъ и учинилъ: пошелъ къ обѣднѣ съ пыломъ въ сердцѣ, за обѣднею постоялъ, немножко поуморился и отмякъ, а дождавшись времени, входитъ въ алтарь и говоритъ:

— Такъ и такъ, до васъ, батюшка, дѣло имѣю.

— Какое?

— Свидѣтельство мнѣ позвольте.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что я вами обвѣнчанъ съ моею женою.

— А какъ ваша фамилія?

— Такъ-то.

— Не помню. А когда я васъ вѣнчалъ?

— Да вотъ, мѣсяца два тому назадъ.

— Мѣсяца два назадъ... не помню. Но что же вы такъ долго не брали свидѣтельство?

— Я, говоритъ, нѣсколько разъ приходилъ, да все дома васъ не могъ застать.

— Ничего не слыхалъ, а дома меня точно трудно застать, — у меня много уроковъ: законъ божій въ училищѣ и въ домахъ преподаю. Впрочемъ, я сейчасъ здѣсь справлюсь.

Оборачивается къ дьячку и говоритъ:

— Покажи мнѣ, какъ ихъ обыскъ записанъ.

Тотъ посмотрѣлъ на нихъ на обоихъ и изъ алтаря вышелъ.

Долго, долго онъ гдѣ-то съ этою справкою возился и, наконецъ, идетъ съ обыскною книгою въ рукахъ и кладетъ ее передъ батюшкой.

— Что-же? спрашиваетъ тотъ, на которой страницѣ?

— Ни на которой нѣтъ, отвѣчаетъ дьячекъ.

— Какъ такъ нѣтъ?

Дьячекъ молчитъ.

— Должно быть, если вѣнчали?

— Не знаю, отвѣчаетъ дьячекъ, а самъ на лѣво кругомъ за двери.

А батюшка вручаетъ книгу супругу и говоритъ:

— Вотъ вамъ, милостивый государь, самому книги въ руки, отыщите вашу запись, пока я кончу, и съ этими словами становится къ жертвеннику.

Супругъ ищетъ, ищетъ и, разумѣется, ничего не находитъ.

— Нѣтъ, здѣсь, говоритъ, не записано.

— Вотъ тебѣ и разъ; отвѣчаетъ батюшка и началъ самъ листки перекидывать.

— Что-же это можетъ значить?

— Значитъ: нѣтъ.

— Но вѣдь, помилуйте, говоритъ: я самъ росписывался въ такой книгѣ.

— Но гдѣ-же эта ваша роспись?

— Да нѣтъ ея здѣсь.

— А нѣтъ, такъ и суда нѣтъ.

Да съ этимъ хлопъ,—книгу закрылъ и въ шкафикъ заперъ.

Супругъ взвылъ не своимъ голосомъ.

— Что-же это такое? У васъ вѣрно другая похожая книга есть?

А батюшка говоритъ:

— Т-съ, милостивый государь, — потише. Здѣсь церковь, а не окружный судъ, что вы кричите,да еще не забудьте, что вы въ алтарѣ, гдѣ мірянину и не мѣсто находиться. Не угодно-ли попросить васъ о выходѣ, а то вѣдь вы помните,—здѣсь за всякое неумѣстное слово отвѣтственность по закону усугубляется.

Господинъ и спекся,—милосердія запросилъ.

— Батюшка, говоритъ, помилуйте, вѣдь это-же не можетъ быть; вѣдь вы-же, конечно, помните, что я къ вамъ приходилъ и вы меня вѣнчали, и я вамъ, что было условлено, впередъ заплатилъ.

— Еще-бы, говоритъ, это уже такое правило,—впередъ отдавать.

— Ну, такъ что-же, говоритъ, за что-же вы меня такъ обижаете?

— Чѣмъ-съ?

— Да какъ-же помилуйте, я вѣдь это все не для себя, а для жены, да для дѣтей только и дѣлалъ, а теперь не могу даже разобрать: въ какихъ мы всѣ отношеніяхъ? Это хуже чѣмъ было.

— Напрасно вы такъ говорите, отвѣчаетъ батюшка, чѣмъ же *хуже*? Ничего вы хуже не надѣлали. Во всякомъ случаѣ, если вы взяли благословеніе въ церкви, это безвредно и для супруги вашей хорошо — женщина должна быть религіозна. А вразсужденіи прислуги отъ этого въ домѣ гораздо спокойнѣе,—прислуги законъ брачный уважаютъ и вѣнчанную барыню лучше слушаютъ. Что-же тутъ худо?

— Но мнѣ не это нужно... мнѣ свидѣтельство нужно!

— Свидѣтельство-о-о?

— Да.

— А я вамъ развѣ его обѣщалъ?

— М...н...то...то есть..... мы объ этомъ не говорили.

— Надѣюсь, что не говорили. Вы пришли ко мнѣ и просили васъ повѣнчать и представили документики какіе-то ледащенькіе, темные, и говорите, что другихъ достать не можете, и къ тому-же, вы человѣкъ не богатый и заплатить много не въ состояніи. Такъ это или нѣтъ?

— Такъ-съ.

— Ну, что-же, развѣ я васъ обидѣлъ или притѣснилъ? Ничуть не бывало: я вамъ, напротивъ, во-первыхъ, добрый совѣтъ далъ, я вамъ сказалъ: если вы человѣкъ незначительный, такъ для чего вамъ обо всемъ этомъ хлопотать! Вы не графъ, ни князь, ни полковникъ,—и живите себѣ, какъ жили. Но вы на своемъ стояли, что вамъ это нужно,—что *она* „пристаетъ“, что „надо отъ этого отвязаться“. Что-же—я и тутъ васъ не огорчилъ:—васъ никто-бы не сталъ вѣнчать, а я васъ пожалѣлъ. Я знаю, что барыни охочи вѣнчаться, и вамъ на ваше слово повѣрилъ и обвѣнчалъ васъ для ея утѣшенія, и всего тридцать рублей за это взялъ, ничего болѣе съ васъ не вымогалъ. А если-бы вы мнѣ тогда сказали, что вамъ не только вѣнчаніе, а и свидѣтельство нужно, такъ я-бы понялъ, что это уже не для женской потѣхи, а для чего-то инаго прочаго, и за это-бы съ васъ трехсотъ рублей не взялъ. Да-съ, не взялъ-бы, и не возьму, потому что у меня и своя жена, и свои дѣти есть. Прощайте.

— Но... позвольте... какъ-же... гдѣ же я и жена въ какую книгу мы себя записали?

— А это, я вамъ скажу,—не ваше дѣло.

— Нѣтъ, это мое дѣло: вѣрно у васъ другая книга есть.

— Да, для такихъ супруговъ, какъ вы, есть другая книга.

— Но это не можетъ быть.

— Вотъ тебѣ разъ, — почему это не можетъ?

— Консисторія не выдаетъ двухъ книгъ.

— А вы посмотрѣли въ ту книгу: откуда она была выдана!

— М...н... нѣтъ.

— А то-то и есть, что нѣтъ. Плохо видно васъ на вашихъ лекціяхъ учили, если пишете не заглянувъ: на чемъ пишете.

— Такъ вѣдь это все подлогъ, фальшь...

— Ни мало не фальшь,—а просто предварительная чернетка, которая по минованіи надобности посѣкается и въ огонь вметается.

— Такъ я-же найду, кто были свидѣтели...

— Поищите, такъ они вамъ и объявятся.

— Ага! такъ вотъ зачѣмъ вы и сказали, что вамъ не надо моихъ свидѣтелей, а какую-то свою сволочь поставили.

— Да уже конечно такъ; только все-же моя сволочь лучше вашей: они хоть сволочь, да я-то ихъ знаю, а вы-бы мнѣ такихъ своихъ энгелистовъ привели, что каждый вмѣсто крестнаго имени чужою чортовой кличкой назовется, а потомъ ни знать, гдѣ его и искать,—въ какомъ болотѣ. Нѣтъ, государь мой, мы, въ наше умное время, отъ вашего брата тоже учены.

— Тьфу!

— Здѣсь не плюйте, а то подтереть заставлю.

— Но что-же мнѣ дѣлать: вы меня сгубили, такъ дайте хоть мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ извольте: достаньте себѣ съ супругою хорошіе документы и ступайте, ничего не говоря, къ при-

ходскому священнику,—онъ васъ обвѣнчаетъ и дастъ вамъ свидѣтельство. А со мною всѣ ваши объясненія кончены.

— И ничего болѣе?

— Да, ни одного слова болѣе.

Какъ мнѣ разсказалъ все это мой сторожъ, продолжалъ собесѣдникъ, я и руки растопырилъ.

Вотъ это, думаю, артистъ, такъ артистъ. Что за работа, что за милая работа! И просто все, и вѣрно, и безопасно, и даже по своему *юридически честно:* за что взялся,—то и сдѣлалъ, а неуговорнаго съ него и не спрашивай. За что человѣкъ не брался, за то и не отвѣчаетъ.

— Чудесно, говорю: спасибо тебѣ, братъ, безголосый пѣвецъ, что ты мнѣ, глупому человѣку, такія умныя дѣла открылъ. Хотя я самъ ихъ дѣлать и не стану, но все-таки просвѣщеннѣе буду. И отпустилъ его отъ себя къ тому батюшкѣ съ миромъ и даже съ наградою, на тотъ конецъ, чтобы не забывалъ ко мнѣ заходить и порою просвѣщать мое робкое невѣжество тѣмъ, что они, совокупивъ свою опытность, дѣлать будутъ.

— И что-же, спросилъ я: онъ къ вамъ заходилъ?

— И сейчасъ иногда заходитъ.

— И интересныя дѣла сказываетъ?

— Охъ, сказываетъ разбойникъ, сказываетъ.

— Удивляюсь, какъ теперь это стало откровенно.

— Дѣйствительно, откровенно; да вѣдь что еще и сокровенничать-то, когда — какъ мои дѣти на фортепіано куплетъ поютъ:

„Расплясалась вся Россія
„Въ ахенбаховщинѣ мерзкой,
„Лишь одинъ Іеремія
„Намъ остался,—князь Мещерскій!“

А главное, замѣтьте, любо-дорого то, что все это хорошо практикуется. Откровенно а комаръ носу ни подо-что не подточитъ.

— Батюшка! говорю: будьте благодѣтель, познакомьте меня съ этимъ интереснымъ человѣкомъ.

— Съ пѣвцомъ-то съ безголосымъ?

— Да.

— Извольте. Давайте вашу карточку.

Я подалъ, а батюшка начерталъ на ней рекомендацію и наименовалъ меня „дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ“, что мнѣ показалось неудобнымъ.

— Извините, говорю: это негодится,—у меня такого чина нѣтъ.

— Ну, вотъ важность! нынѣче никого меньше ни называютъ, а къ тому-же онъ сталъ гонористъ, и если узнаетъ, что вы писатель, а не генералъ, такъ, пожалуй, знакомиться не захочетъ.

— Да, а я, говорю, все-таки, стѣсняюсь...

— Есть чѣмъ стѣсняться? суньте два пальца вмѣсто руки,—вотъ и сановникъ. Неужли у васъ на это образованія не достанетъ?..

XVI.

Однако я не былъ у безголосаго пѣвца, потому что это представляло слишкомъ большія трудности: выходило, что для собесѣдованія съ этимъ интереснымъ лицомъ мнѣ не только надлежало выдать себя за дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и тыкать два пальца человѣку который подаетъ мнѣ цѣлую руку, но надлежало еще изобразить собою предъ пѣвцемъ жениха или, по крайней мѣрѣ, тайнобрачнаго переговорщика. Я опасался, что не выдержу этихъ замысловатыхъ ролей передъ такимъ проницательнымъ человѣкомъ, а къ тому-же думалось мнѣ что самъ отецъ протоіерей открылъ мнѣ довольно, чтобы не гнаться за большимъ. Кромѣ того, пѣвецъ могъ сообщить мнѣ только факты, разнообразіе которыхъ зависитъ отъ случайностей, а ихъ природа почти неизслѣдима, между тѣмъ какъ настоящій мой собесѣдникъ могъ ввести меня въ самую философію вопроса, въ самую суть нравственныхъ побужденій, руководящихъ духовенствомъ въ дѣлахъ тайнобрачія. Это мнѣ казалось интереснѣе, потому что нѣкоторое знаніе нравовъ нашего духовенства внушало мнѣ твердую надежду, что и здѣсь, въ этомъ

путаномъ дѣлѣ долженъ дышать тотъ духъ простоты и практическаго добротолюбія, который присущъ русскому человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и дѣятельности.

И я не ошибся. Роковые случаи, представляющіеся на практикѣ при вѣнчаніяхъ паръ, которыя не могутъ быть повѣнчаны съ разрѣшенія начальства, почти всѣ совершенно невозмутительны, а нѣкоторые изъ нихъ такъ трогательны, что надо имѣть мертвое, „почившее на законѣ“, сердце, чтобы не оцѣнить благодати, движущей сердцами живыми, которыя ласково усыпляютъ законъ, вмѣсто того, чтобы самимъ азартно уснуть на немъ.

Такой случай мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, даже не отдѣливъ отъ него немножечко и самого себя.

Я продолжаю и доканчиваю его бесѣду, а съ нею и мой очеркъ.

— Ко всему нынѣшнему тайнобрачію, изрекъ онъ, какъ къ каждому историческому явленію, надо относиться безъ злобно и съ разсмотрѣніемъ. И когда такъ станете смотрѣть, то и увидите, что оно потребно и отвѣчаетъ времени. А по сему времени даже и самые залихватскіе „вѣнчальные батюшки“ тоже, въ своемъ родѣ, нужны и годны. Право, право, годны: въ большомъ хозяйствѣ все сдается. И хотя я ихъ методы, безъ узловъ шить, въ принципѣ и не одобряю, но знаю, что и это у насъ инымъ въ прокъ пошло.

Я было обнаружилъ попытку выразить нѣкоторое сомнѣніе, но батюшка, замѣтивъ это, придержалъ меня за руку и сказалъ:

— Не спѣшите поспѣшать. Я живой случай знаю, гдѣ если бы не эта благодать, такъ нельзя было-бы оказать помощи очень жалкимъ людямъ, которые однажды пришли ко мнѣ съ преудивительною исторіею.

Лѣтъ восемь назадъ ко мнѣ въ домъ хаживала дочернина подруга. Славная дѣвица Нюточка, — все онѣ съ моей дочерью въ четыре руки играли. Но потомъ она вдругъ какъ-то сникла. Перестала ходить, — я этого не замѣтилъ, а потомъ, когда дочь скоро замужъ вышла, то я и совсѣмъ про эту чужую дѣвочку позабылъ. Проходитъ такъ годъ, два и три, — и пять лѣтъ, но вдругъ тоже вотъ такъ въ лѣтнее время (у меня замѣчательно, что большая часть казусовъ со мною все лѣтомъ случается, когда я въ одиночествѣ дома бываю) приходитъ ко мнѣ нѣкая молодая особа женскаго пола, съ виду мнѣ незнакомая, собою, однако, довольно благопристойная, но смутная и чѣмъ-то, какъ-бы, сильно подавленная. Я думалъ, что потеряла себя и вѣрно хочетъ исповѣдываться, но вышло другое. Называетъ себя по имени и говоритъ, что была она подругою моей дочери по гимназіи, а потомъ пошла достигать высшаго знанія, но не сподобилась онаго, потому что попала въ нѣкоторыя „трудныя комбинаціи.“ Словомъ сказать, дойдя, вмѣсто научнаго совершенства, до нищеты и убожества, вспомнила о своей подругѣ, а о моей дочери, и пришла просить ее, не можетъ-ли она достать ей гдѣ-нибудь переводовъ.

Ужаснуло меня это младенчество просьбы и младенчество страннаго ея вида.

— Извините, говорю, дочери моей здѣсь нѣтъ: она уже давно замужъ вышла и живетъ въ другомъ городѣ, да и переводами не занимается, а наипаче занята домашнимъ хозяйствомъ и чадорожденіемъ. Поэтому еслибы вы и писать ей захотѣли, то это будетъ для васъ безполезно. А васъ я теперь дѣйствительно немножечко припоминаю: васъ, говорю, кажется, звали Нюточкою?

— Да, отвѣчаетъ, меня такъ прежде называли.

— Очень радъ, говорю, васъ видѣть, но что-же довело васъ до такихъ комбинацій?

Она хлопъ—хлопъ глазенками, да и заплакала.

— У васъ есть родные?

— Да, говоритъ, у меня есть братъ, и называетъ фамилію одного довольно извѣстнаго адвоката.

— Вы, говорю, вѣрно у него живете?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ.

— А почему-же такъ?

— Онъ женатъ.

— Такъ что-же такое, развѣ при женѣ для сестры и мѣста нѣтъ!

— Нѣтъ, мы съ его женою не ладили, я одна съ дѣтьми живу.

— Такъ вы вдова?

— Нѣтъ, не вдова.

— Тогда гдѣ-же вашъ мужъ—вѣрно сосланъ?

— Нѣтъ, говоритъ, не сосланъ, а его нѣтъ со мною.

— Отчего?

— Онъ въ очень затруднительномъ положеніи.

— Въ какомъ затруднительномъ положеніи, чтобы своихъ дѣтей бросить?

— Его обманули, когда онъ женился.

Тутъ уже я глазами захлопалъ.

— Милая барынька, говорю: да вы что-же это такое, шутите, что-ли? Что вы мнѣ разсказываете: какъ-же онъ могъ отъ живой жены во второй разъ жениться? развѣ вы разведены?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, мы жили въ гражданскомъ бракѣ, а одна моя подруга хотѣла въ акушерки, и ей по-

надобилось выйти въ фиктивный бракъ; она меня попросила, чтобы я позволила...

— Ну-съ!

— А она устроила комбинацію...

— Какую, милостивая государыня?

— Она, вмѣсто того, все обратила въ серьезъ и заставляетъ его, чтобы онъ ей деньги давалъ, и теперь онъ что получаетъ—ей носитъ, а мнѣ помогать не можетъ.

— Что-же онъ и съ нею, не живетъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, онъ съ нею вмѣстѣ не живетъ; она одного полицейскаго любитъ, а этого только заставляетъ, чтобы онъ часть жалованья ей приносилъ.

— И онъ носитъ?

— Да что-же дѣлать, а то она жаловаться пойдетъ.

— Да кто-же онъ такой, вашъ общій мужъ-то?

— Ветеринаръ.

— Гм! думаю себѣ: однако она должно быть очень ловкая эта акушерка, если на самомъ ветеринарѣ ѣздитъ.

— Да, она, говоритъ, очень развита.

— Развита? А извините, говорю, за вопросъ: онъ не дурачокъ, этотъ господинъ ветеринаръ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ: какъ дурачокъ?—онъ тоже очень развитъ.

— Какъ-же, говорю, развитъ, а отъ акушерки отбиться не можетъ?

— Да онъ отбился и живетъ у товарищей, а больше нельзя, потому что у нея по полиціи всѣ ей полезныя связи.

— Ага, говорю: это дѣйствительно „комбинація“. Ну, а гдѣ-же ваши дѣтки?

— Недалеко, говоритъ, тутъ за вокзаломъ на третьей верстѣ по желѣзной дорогѣ у сторожихи живутъ,—я ихъ тамъ оставила, а сама пришла переводовъ искать.

— Стало быть, вы теперь всѣ врозь.

— Да.

— Ветеринаръ съ товарищемъ, вы съ своими котятками, а та съ полицейскими?

— Да.

— А въ городѣ-то, говорю, у васъ есть пріютъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ—нѣту, да это ничего не значитъ: теперь тепло,—я ночь по бульвару прохожу.

— Какъ проходите?

И не дождавшись, что она мнѣ отвѣтитъ, скорѣе взялъ ее обѣими руками за голову, поцѣловалъ въ темя и говорю:

— Ничего я, бѣдное дитя, не понимаю, что вы мнѣ такое разсказываете. Вы ко мнѣ съ своими „комбинаціями“ точно пришелица изъ другаго свѣта упали. Но я, во всякомъ случаѣ, не ксендзъ, чтобы васъ укорять, и не протестантскій пасторъ, чтобы отъ вашихъ откровеній придти въ ужасъ или въ отчаяніе, а какъ простой попъ я васъ только на бульваръ ночевать не пущу. Вотъ у меня вся пустая квартира къ вашимъ услугамъ, а на кухнѣ есть баба-старуха смотрѣлка. Я ее сейчасъ къ вамъ призову. Разуйте поскорѣе свои бѣдныя ноженьки, напейтесь чаю, да ложитесь на диванъ въ гостиной спать. А впрочемъ, я старикъ,—со мною и съ однимъ неопасно оставаться.

Она согласилась. И все это какъ-то тупо: и одно предполагаетъ, и сейчасъ другое располагаетъ, на все согласна — и все какъ не живая. Видно уже, что весь человѣкъ въ ней до-мертва въ порошокъ растолченъ.

Ужасно мнѣ ее стало жалко. Въ голову впало: какъ такой горемыкѣ на свѣтѣ жить? Свои дѣти у меня хо-

рошо устроены, благодаря Бога и добрымъ людямъ, потому что заботился о нихъ, да къ тому-же они дѣти іерейскія,—въ свѣтѣ могли ходъ имѣть, а эта тля безпомощная: кѣмъ она покрыта? Можетъ быть, съ дѣтства на произволъ пущена. А все-же вонъ въ ней еще какое-то добро ершится: и за наукою она стремилась, и мужа своего гражданскаго отдала на подержаніе, а теперь, какъ кошка мечется и своихъ котятъ по сторожкамъ носитъ... И все это во имя чего-то возвышеннаго. Право, точно пришлецы изъ другаго міра, а между тѣмъ страдаютъ какъ люди. Оставилъ я ее и пошелъ на вечеръ къ коллегѣ, у котораго жена зимою не позволяетъ въ карты играть, такъ онъ лѣтомъ, пріѣзжая съ дачи на служеніе, и собираетъ кружочекъ.

Засталъ тамъ ближнихъ и искреннихъ и „вѣнчальнаго батюшку". Провинтилъ въ винтъ рублей за сорокъ и, по склонности человѣческой, сваливаю всю вину этого проигрыша на кого-нибудь другаго.

— Это, говорю, ребята, я такъ провинтился отъ разстройства: одна дѣвчонка меня нынче очень размазала. И разсказалъ имъ о своей гостьѣ.

Всѣ выслушали и особеннаго вниманія не обратили, но мой вѣнчальникъ, идучи вмѣстѣ со мною домой, вѣрно нѣчто почувствовалъ, сдобрился и уронилъ мнѣ „крылатое слово":

— Еще такъ-ли это, какъ они сказываютъ. Можетъ быть, имъ еще можно пособить. Вы у нихъ свидѣтельство спросите.

— Да какъ имъ пособить, если они обвѣнчаны? Вѣдь у нихъ грошей на разводъ нѣтъ.

— Да я, отвѣчаетъ о разводѣ и не думаю, а можетъ быть это дѣло совсѣмъ не порчено,—и развода никакого не надо.

— Все-равно если и свидѣтельства нѣтъ, а вѣнчаны такъ уже пропадай они совсѣмъ,—второй разъ перевѣнчивать зазорно.

Онъ разсмѣялся.

— Я говоритъ думаю, что ихъ и не вѣнчали. Небось пропѣли что-нибудь, да и конецъ.

— Ну можетъ-ли это быть?

— А отчего нѣтъ? Они вѣдь энгелисты,—въ церковь не ходятъ, службы не знаютъ, не все ли имъ равно что имъ споютъ: молебенъ, или вѣнчанье. Нѣтъ, вы спросите-ка свидѣтельство.

Думаю: и вправду, дай-ка спрошу! Онъ это даромъ на вѣтеръ не бросилъ.

Отслуживъ на утро обѣдню, напился съ своей гостьей чаю и говорю:

— Я вамъ переводишко устроилъ, и вотъ вамъ пока изъ редакціи три рубля впередъ, а передъ вечеромъ пожалуйте,—тогда и переводъ получите. Да не можете-ли пригласить ко мнѣ вашего ветеринара,—я и ему кое-что хочу предоставить.

Такъ, разумѣется, вздоръ вралъ, но въ случаѣ если-бы она стала разспрашивать, сказалъ-бы, что хочу его отрекомендовать въ Москву бѣснаго слона лечить. Но только она не спросила, а прямо обѣщала его привести.

А я тѣмъ временемъ спосылалъ за безголосымъ пѣвцомъ и спрашиваю: есть-ли у нихъ *для себя* какія-нибудь памятки, кто у нихъ легко вѣнчанъ?

Отвѣчаетъ: есть.

— Нельзя-ли, говорю, мнѣ справиться про такого-то студента?

Онъ это минутою сдѣйствовалъ и воротился, — говоритъ:

— Очень легко сдѣлано.

— Такъ что можно ему еще разъ жениться?

— Сколько угодно. Имъ просто молебенъ спѣтъ.

— Ишь, говорю, что вы, разбойники, строите.

— А что-же, отвѣчаетъ, да они безбожники больше и не стоятъ. До какихъ лѣтъ доживутъ, въ церковь гроша не подадутъ, и не слышали о томъ, какая служба есть. Имъ и молебна-то жаль,—не токма что Исаію для нихъ безпокоитъ.

— Такъ, значитъ, они съ акушеркой не вѣнчаны?

— Не вѣнчаны.

Я это принялъ къ свѣдѣнію, пообѣдалъ и только маленько соснулъ, какъ смотрѣлка меня будитъ:

— Утрешняя мадамка, говоритъ, вдвоемъ пришла.

— Съ кѣмъ?

— Женихъ, говоритъ, ейный что-ли,—не знаю.

Я велѣлъ подождать, обтерся со сна полотенцемъ и выхожу.

Они кланяются.

Не знаю, что она въ немъ и полюбила, — смотрѣть совсѣмъ не на-что.

Я его туда сюда повернулъ и въ первыхъ же распросахъ вижу, что дѣтина самая банальная: откровенно глупъ и откровенно хитеръ. Такъ сказать — фруктъ нашего урожайнаго года.

— Я, говоритъ, обмануть низостью, какой не ожидалъ. Жена моя, говоритъ, казалась развитою женщиною,— увѣряла, будто ей нужно выйдти замужъ только для того, чтобы отъ родительской власти освободиться, а потомъ стала требовать, чтобы я Анюту бросилъ, а съ нею

на одной квартирѣ жилъ, или чтобы я ей на содержаніе давалъ. А послѣ къ ней полицейскіе стали ходить и она меня начала пугать.

— Чѣмъ?

Молчитъ.

— Доносъ какой-нибудь хотѣла сдѣлать?

Пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ:

— Вѣроятно.

— Да вы развѣ въ чемъ-нибудь замѣшаны?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, я не замѣшанъ, но мы еще со студенческаго времени всѣ безъ замѣшательства, такъ, просто боимся, а она теперь и сама въ полицію акушеркой поступила.

— Ахъ ты, думаю, дурачокъ горькій. И спрашиваю:

— Она въ полиціи, а вы-то гдѣ служите и подъ чьимъ начальствомъ?

Называетъ мѣсто и начальника — лицо мнѣ, по старымъ памятямъ, весьма знакомое: еще съ табелькой съ нимъ игрывали.

— Да у тебя, голубчикъ, въ формулярѣ-то записано-ли, что ты женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, не записано.

— А вѣнчальное свидѣтельство есть?

— Тоже нѣтъ.

— Почему?

— Не дали.

— Хорошо, что не дали. А теперь отвѣчай мнѣ: радъ-бы ты имѣть женою, вмѣсто твоей акушерки, Ню-точку?

Молчитъ.

— Что-же ты молчишь?

— Я, говоритъ, вѣдь совсѣмъ противъ брака.

— Ага, молъ: ишь ты какой: наровишь лизнуть да и сплюнуть. А по доброму порядку говорю, когда человѣкъ съ женщиною дѣтей прижилъ, такъ ему ужъ эти рацеи надо въ сторону. Женись-ка, братъ, на ней да и баста.

— Да, вѣдь, это невозможно.

— А если бы возможно было?

Опять молчитъ.

— Ну, стало быть, говорю, ты, братъ, лукавишь; отвѣчайте-ка вы, Нюточка: вы желали-бы быть его женою?

Та, молодцомъ, сразу прямо отвѣтила, что желала-бы. Видно уже игра-то сія ей надоѣла.—Но онъ молчитъ:

— Что-же ты, говорю, сталъ? Поверни тебя, батюшка Спиридонъ-поворотъ.

— Я, говоритъ, больше уже не попадусь.

— Кому это?—женщинѣ, которая вашихъ дѣтей таскаетъ и васъ любитъ?

— Все-равно, говоритъ, я могу жить граждански.

— Нѣтъ, думаю, если ты по-граждански, такъ я же съ тобой съ разбойникомъ сдѣлаюсь по-военному.

Язычекъ-то себѣ прикусилъ и о родѣ его вѣнчанія съ акушеркой ничего ему не сказалъ,—что бы онъ не считалъ себя свободнымъ, а озаботился имъ иначе.

Какъ онъ ушелъ, я положилъ передъ его супругой листъ бумаги и говорю:

— Пишите-ка, какой я вамъ переводъ продиктую.

И задиктовалъ, указывая, гдѣ что ставить: „Его превосходительству, господину такому-то, отъ такой-то, докладная записка. А затѣмъ продолженіе въ такомъ смы-

слѣ, что „я, просительница, приживъ внѣ брачно съ такимъ-то, служащимъ подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства, двухъ дѣтей, въ чемъ онъ чистосердечно признался при священникѣ такомъ-то, и не получая отъ него ничего на содержаніе сихъ невинныхъ малютокъ, коимъ сама не въ состояніи снискать пропитанія, а потому всепочтительнѣйше прошу побудить его на мнѣ жениться, или по крайности оныхъ моихъ малютокъ обезпечить должнымъ, по средствамъ его, содержаніемъ, вычетомъ части изъ его жалованья“.

Она это все написала, а потомъ спрашиваетъ:

— Къ чему это писано?

— А къ сему, говорю, подпишись.

— Но, вѣдь это доносъ.

— Нѣтъ: это докладная записка.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ, я подпишу. И подписала.

Я взялъ этотъ манускриптъ въ карманъ, надѣлъ новую ряску и пошелъ къ генералу, котораго, какъ вамъ говорю, еще въ малыхъ чинахъ коротко по картамъ зналъ. Отлично шельмецъ въ табелькой игралъ и, вообще, былъ чудесный парень,—любилъ выпить и закусить, и отношенія наши, по-полковому, были на „ты“.

Конечно, honores mutant mores,—можетъ быть, онъ и перемѣнился, но я какъ-то этого не надѣялся и рѣшилъ держаться съ нимъ на прежней ногѣ.

Велѣлъ о себѣ доложить, а самъ сталъ передъ зеркаломъ, чтобы орденки поправить. Но въ это-же зеркало и вижу: онъ въ ту-же минуту выходитъ, прямо ко мнѣ, крадется и—цапъ сзади ладошами глаза мнѣ и закрылъ.

— Жоздра! говорю,—радость моя,—это ты.

— А ты, восклицаетъ, почему узналъ?

— Мудрено-ли узнать: кто, кромѣ тебя, можетъ мою священную особу за лицо брать, а къ тому-же я и въ зеркало тебя видѣлъ. Давай, поцѣлуемся.—Я, говорю, къ тебѣ по дѣлу, Жоздра.

Его Егоромъ величали, но мы его Жоздрою звали, потому что такъ ему одна нѣкогда влюбленная въ него простонародная дѣвица бѣлошвейка писала.

— Есть у тебя такой-то подчиненникъ?

— Есть.

— Повели ему, мой ангелъ, на одной мамзелькѣ жениться.

Онъ расхохотался.

— Что ты это, попъ-чудила, говоритъ, выдумалъ. Въ моей власти конскія сватьбы, но человѣческіе браки не по моему вѣдомству.

— Нѣтъ, говорю, Жоздра, жизненокъ мой, маточка, — не говори глупостей: у русскаго генерала все во власти! Я иначе не вѣрую. Не огорчай меня, не отказывайся отъ христіанскаго дѣла, повели дураку жениться на дурѣ, чтобы вышла цѣлая фигура, а то мнѣ ихъ и ребятъ очень жалко.

Онъ-было опять смѣяться, но я говорю:

— Нѣтъ, ты ангелъ мой, не смѣйся, — это дѣло серьезное. И разсказалъ ему все дѣло.

— Понимаешь-ли, говорю, что этого ни въ какой конклавъ нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадалъ, а зачѣмъ страдать когда ты по-генеральски, одинъ все дѣло поправить можешь.

— Какимъ манеромъ?

— Просто—повели, да и баста, на то ты начальникъ.

— Я выгнать его, говоритъ, могу, но принудить его жениться не имѣю права.

— Тпру, тпру, тпру, отвѣчаю,—остепенись. Что ты это такое выдумалъ? Какъ можно человѣка выгнать, да еще особенно этакого глупаго. Куда онъ безъ казенной службы годится? Нѣтъ, ты не ожесточай несчастнаго сердца, а просто потребуй его передъ себя и накричи.

— Что-же я буду кричать?

— Да что хочешь, только посердитѣе: это все равно. Но если замѣтишь, что отвѣчать хочетъ, этого не допускай,—топни и скажи: молчать.

— И съ тебя этого будетъ довольно?

— Совершенно, мамочка, довольно. Только, пожалуйста, посердитѣе и чтобы не смѣлъ отвѣчать.

— Изволь, говорить, уважу,—и съ этимъ позвонилъ, а мнѣ добавляетъ: пойди, тамъ, за ширмой, посиди, покури и послушай, что выйдетъ. Я ни за что не ручаюсь.

— Да тебя, говорю, никто и не проситъ ручаться, только сдѣлай свое начальническое дѣло добросовѣстно,— накричи.

Ну, онъ и дѣйствительно сдѣлалъ все это очень хорошо: какъ тотъ вошелъ, онъ сразу его афрапировалъ. Всѣ нынѣшнія жестокія хитрости сентиментальнаго обхожденія откинувъ, прямо ему сочиненною мною докладною запискою мимо носа на землю швырнулъ.

— Знаете-ли вы, спрашиваетъ, какая женщина это пишетъ?

И чуть тотъ было только ротъ разинулъ, чтобъ сказать: „знаю“,—онъ какъ крикнетъ:

— Молчать! Почему вы на ней не женитесь?

Но прежде, чѣмъ тотъ отвѣтилъ, я ему черезъ ширму пальцами махнулъ, онъ—опять крикнулъ:

— Молчать! Я знать ничего не хочу! Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-аю.

— Завтра мнѣ чтобы брачное свидѣтельство было. Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Вонъ! и до тѣхъ поръ на глаза мнѣ не смѣть показываться. Слышите?

— Слу-слу-слу-шаю.

— Деньги на свадьбу есть?

— Нѣтъ.

— Вспомоществованіе дамъ, а пока... Батюшка!— зоветъ меня,—пожалуйте сюда.

Я вышелъ.

— Извольте взять, говоритъ, этого соблазнителя: онъ дѣвицу соблазнилъ и долженъ немедленно быть съ нею обвѣнчанъ. Прошу васъ исполнить это и завтра-же прислать мнѣ его брачное свидѣтельство.

— Слушаю-съ, отвѣчаю. Извольте, молодой человѣкъ, идти и приготовьте разрѣшеніе начальства. Я за нимъ зайду.

Тотъ вышелъ, а генералъ спрашиваетъ меня:

— А что я каково кричу?

Я его въ обѣ щеки чмокнулъ и говорю:

— Дивно, дивно! но теперь доверши свою доброту: сплавь ихъ отсюда.

— Куда?

— Назначь его куда-нибудь въ провинцію отдѣльную должность занимать.

— Это для чего?

— Да онъ тамъ успокоится и съ простыми людьми въ разумъ придетъ.

И въ этомъ успѣлъ. Такъ я ихъ въ одинъ день развелъ, а

на другой день обвѣнчалъ, съ малымъ упущеніемъ по числу оглашеній, и свидѣтельство выдалъ, а черезъ недѣлю и на службу ихъ выпроводилъ. Онъ ничего и понять не могъ. Однако пробовалъ меня пугать.

— Вы отвѣчать, говоритъ, будете.

— Ну это, молъ, не твое дѣло: мнѣ начальство приказало вѣнчать, а я власти покоренъ.

Такъ онъ и сейчасъ настоящимъ образомъ всего не понимаетъ, а живутъ, судьбою довольны и назадъ не просятся,—думаютъ, небось, что они въ самомъ дѣлѣ законопреступно обвѣнчаны, да, чай, и акушерки боятся.

— А что-же, акушерка не приходила?

— Къ кому?

— Къ вамъ.

— Какъ-же,—приходила. Я ее къ пѣвцу отправилъ.

— И послѣ не видали?

— Нѣтъ, видѣлъ одинъ разъ у пристава на крестинахъ.

— Что-же она: сердилась?

— Н-н-нѣтъ. Поискала вчерашняго дня и увидала, что она дура.

— „Отличную, говоритъ, батюшка, ваши духовные со мною штуку сыграли.

— А что такое?

— „Да то, что я по ихъ милости все равно, какъ будто вмѣсто кадрили вальсъ протанцовала.

— Ну что дѣлать, когда-нибудь утѣшитесь, вмѣсто вальса кадриль протанцуете. На кого-же ей сердиться?

— Просто невѣроятно!

— Вотъ то-то и есть. А поведите-ка все это черезъ настоящія власти, — какая-бы кутерьма поднялась, а путнаго ничего-бы не вышло, потому что законъ и высокое начальство, стоя превыше людскихъ слабостей, къ

глупости человѣческой снисхожденія не могутъ оказывать, а мы, малые люди, можемъ, да и должны. Дурачки, да наши. Что-жъ ихъ хитрецамъ въ обиду давать? Надо ихъ пожалѣть. Поживутъ съ наше — и они обумнѣютъ, — тоже людей жалѣть будутъ. Но довольно мнѣ вамъ эти сказки сказывать. Я ужъ очень разболтался, пойду—посмотрю, что мнѣ въ мотьѣ написали.

— Да, говорю, это и впрямь все отдаетъ сказками.

— Сказки, сударь, и есть, сказки. Живи да посвистывай... „Патока съ инбиремъ, ничего не разберемъ, а ты дядя Еремѣй, какъ гораздъ, такъ разумѣй“.

Собесѣдникъ мой подалъ мнѣ руку, которую я придержалъ и спросилъ:

— Но неужто-же у насъ никто не можетъ помочь вмѣсто всей этой городьбы свѣтлую улицу сдѣлать?

— А объ этомъ намъ еще ничего неизвѣстно. Впрочемъ, никогда, ни въ чемъ не должно отчаяваться: одна набожная старушка въ дѣтствѣ меня такъ утѣшала: все, говорила, можетъ поправиться, ибо „рече Господь: аще могу—помогу“. Гдѣ она это вычитала,—я тоже не знаю, но только она до ста лѣтъ благополучно дожила съ этимъ упованіемъ, чего я и вамъ отъ души желаю.

КОНЕЦЪ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3337
.L5
M4
1879